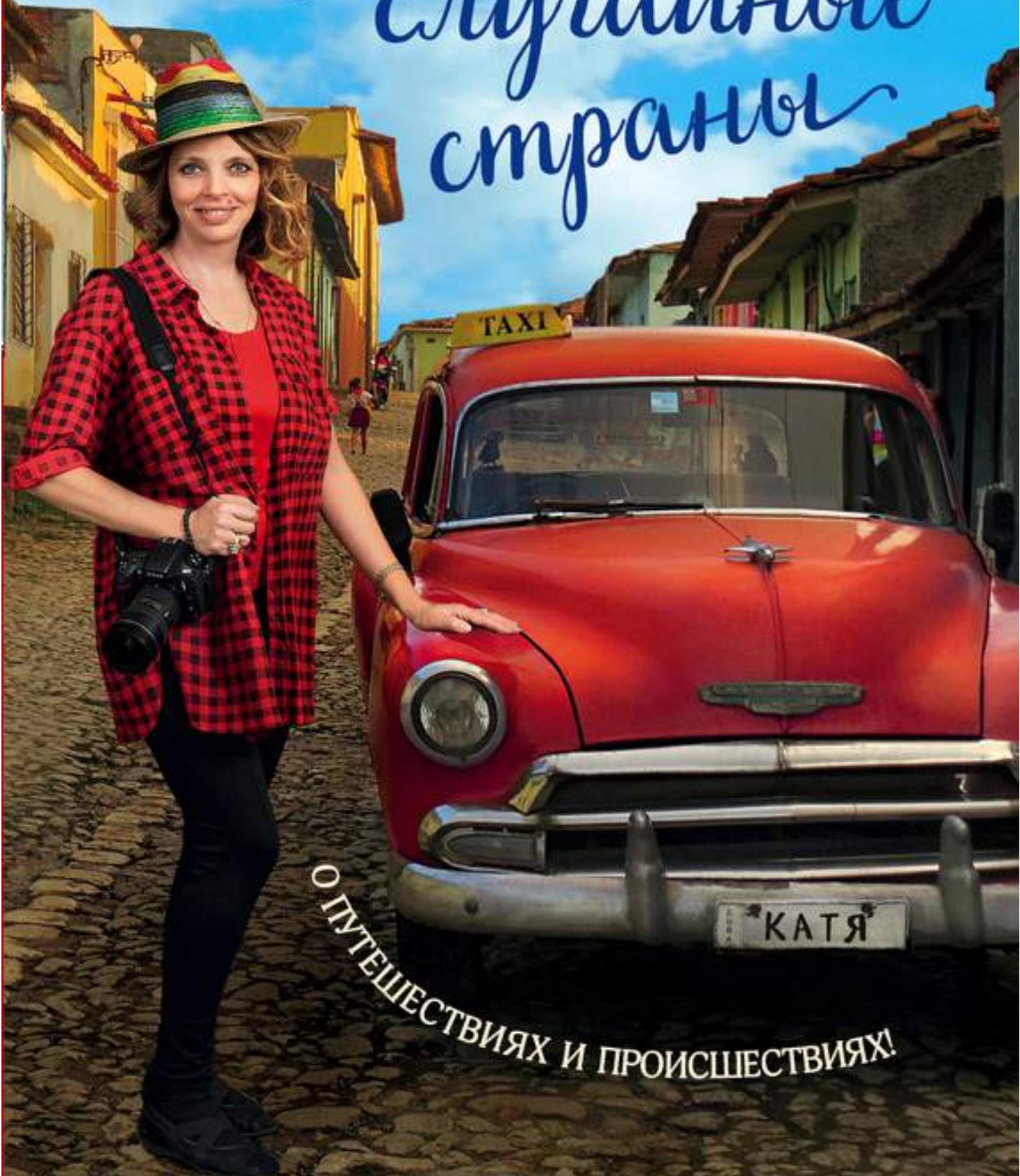

Екатерина
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

*Мои слугайные
страны*

О ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПРОИСШЕСТВИЯХ!

Екатерина Рождественская

**Мои случайные страны. О
путешествиях и происшествиях!**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рождественская Е. Р.

Мои случайные страны. О путешествиях и происшествиях! /
Е. Р. Рождественская — «Эксмо», 2016

Я три года прожила в Индии, год или чуть больше во Франции, два с половиной года в Испании, два года в Финляндии и еще много где. Выходит, что я полжизни пробыла вне дома, в поисках впечатлений, историй, фотографий, опыта, воздуха для моего только что родившегося ребенка, врачей для отца, общения с давно уехавшими друзьями, просто отдыха, просто леса, просто моря или гор. Я ездила, чтобы насладиться миром, накопить эмоций, наесться глазами красоты и обязательно поделиться всем этим с вами! Впереди, уверена, еще много случайных, ничем не связанных между собой — и со мной — стран! Поехали?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рождественская Е. Р., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

От автора	7
Индия	10
Италия	37
Венеция	38
Исландия	61
28 июня 2014 г	63
30 июня 2014 г	65
2 июля 2014 г	80
3 июля 2014 г	86
4 июля 2014 г	89
5 июля 2014 г	91
6 июля 2014 г	107
7 июля 2014 г	111
Франция	113
Ницца, и не только	136
Россия	153
Питер	161
Немножко Анапы 22 сентября 2014 г	174
Карелия	176
Шотландия	192
Чехия	200
10 июля 2015 г	201
11 июля 2015 г	202
12 июля 2015 г	205
13 июля 2015 г	209
14 июля 2015 г	210
Склеп	213
Китай	218
Пекин	218
Стена. Великая и китайская	242
Украина	245
Дорога во Львов	245
Норвегия	253
Совсем немного Осло	253
8 июля 2014 г	261
Финляндия	262
23 июня 2014 г	268
26 июня 2014 г	269
27 июня 2014 г	270
Хорватия	271
(Июль – август 2015 г.)	271
Ровинь и Лимский канал	275
Плитвицкие озера	282
Крк	285
Испания	289
Турция	305

Стамбул	305
4 мая 2015 г	308
5 мая 2015 г	309
6 мая 2015 г	316
7 мая 2015 г	322
Азербайджан	324
Баку	324
5 февраля 2015 г	328
США	332
LA	332
Куба	352
Я и Куба, вернее, Куба и я	352
Дедушка Хэм	385
Тринидад и Идио	389
Фото с вкладки	396

Екатерина Рождественская

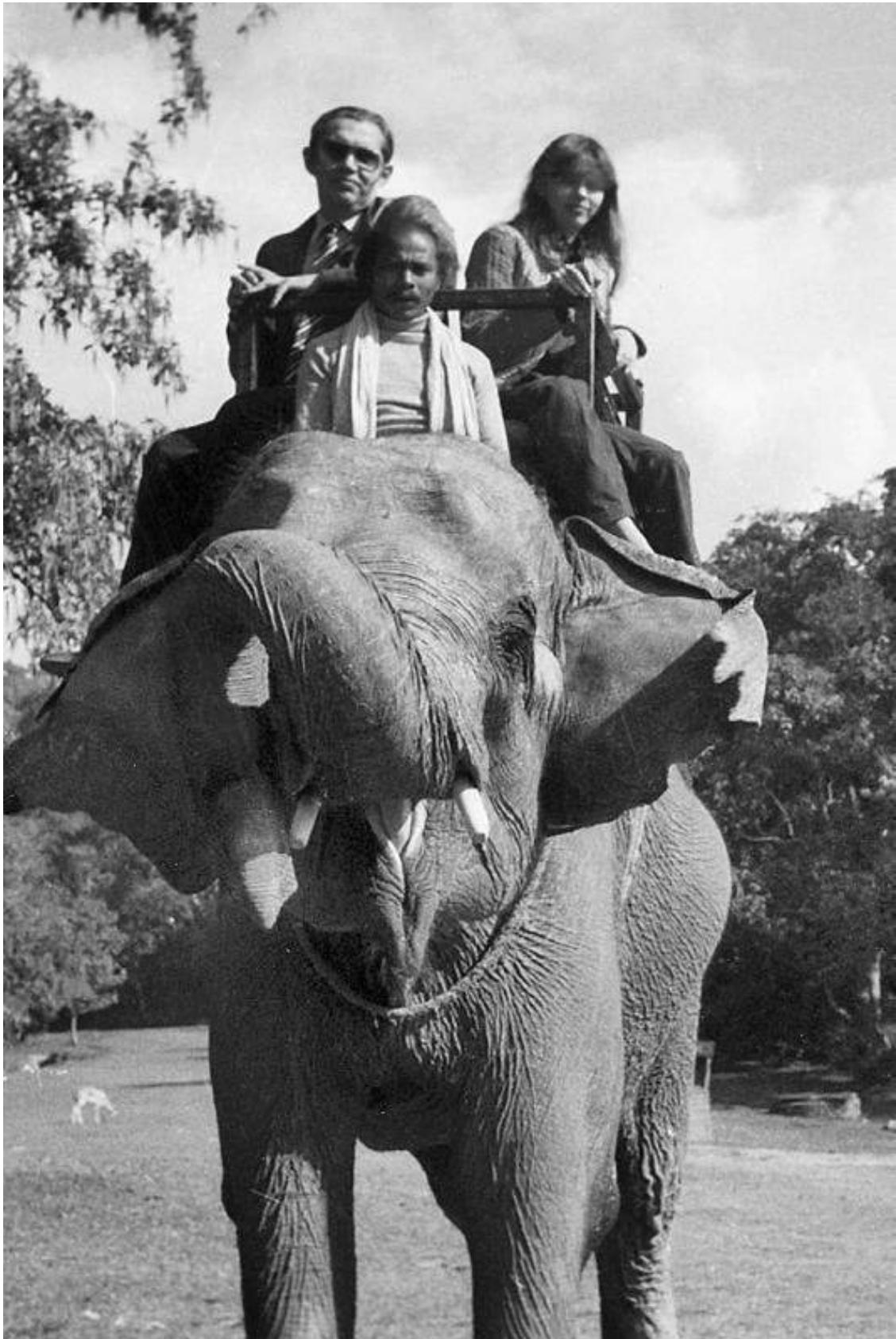
Мои случайные страны. О

путешествиях и происшествиях!

© Рождественская Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

От автора

Мы с папой в один из его приездов к нам в Индию. И сразу на слона – куда же еще? Мама не решилась.

Это совсем не путеводитель, это непонятно что.

Скорее, мои ощущения от увиденного.

Вкус, который никак не забыть.

Фотографии, существующие в памяти.

Фотографии в телефоне, разбрасываемые сразу по всему свету, нате,смотрите, пожиряйте глазами. Не завидуйте, нет, просто знайте, что такое есть, езжайте, любуйтесь, заряжайтесь красотой!

Запах, на который вдруг обворачиваешься и идешь за ним, как на доисторической охоте. Эмоции, которыми надо обязательно поделиться.

Счастье, которое переполняет и выплескивается, или сковывающий и лишающий дара речи ужас – и то и другое вспоминаешь потом всю жизнь, утихомиривая мураски в душе.

Люди с большой, с огромной буквы, которыми восхищаешься, и редкие сволочи, на которых удивляешься, как бог их терпит?

Сложеные карты чужих городов с пометками и проложенными пунктирами, маршрутами, вдруг найденные в ящиках письменного стола среди старых документов. И обязательно – кружочек, обведенный ручкой вокруг твоего отеля, заботливо нарисованный консьержем, чтобы ты не потерялся в чужом городе.

Шикарные люксы с антикварной мебелью и пыльными балдахинами с видом на море и ветхие лачуги со свисающим с потолка гекконом с немым вопросом в выпуклых глазах: «Кто ты, белый человек? Зачем ты здесь?»

Долгий-долгий полет над облаками на край света, за моря-океаны, туда – где день, когда у нас ночь, туда – где всегда лето, когда у нас всегда зима. К знакомым, друзьям, врагам, служащим людям и неслучайным связям.

Набор стран и городов, континентов и частей света, ничем между собой не связанных.

Неясные школьные воспоминания: «Катманду? Где это?» – и терзания, что не сложились тогда отношения с географичкой.

Новая пища, экзотические пейзажи, собачьи упряжки, верблюжьи караваны.

Постоянные звонки домой: «Как ты? Что в школе? Как на работе? Когда в детский сад? Что с погодой? Люблю, скучаю...»

В общем, это моя жизнь вне дома. Жизнь, которая начинается с того, что я присаживаюсь на дорожку, минутку молчу, беру мой бывалый чемодан и выхожу из квартиры, выдыхая: «Ну, с богом!»

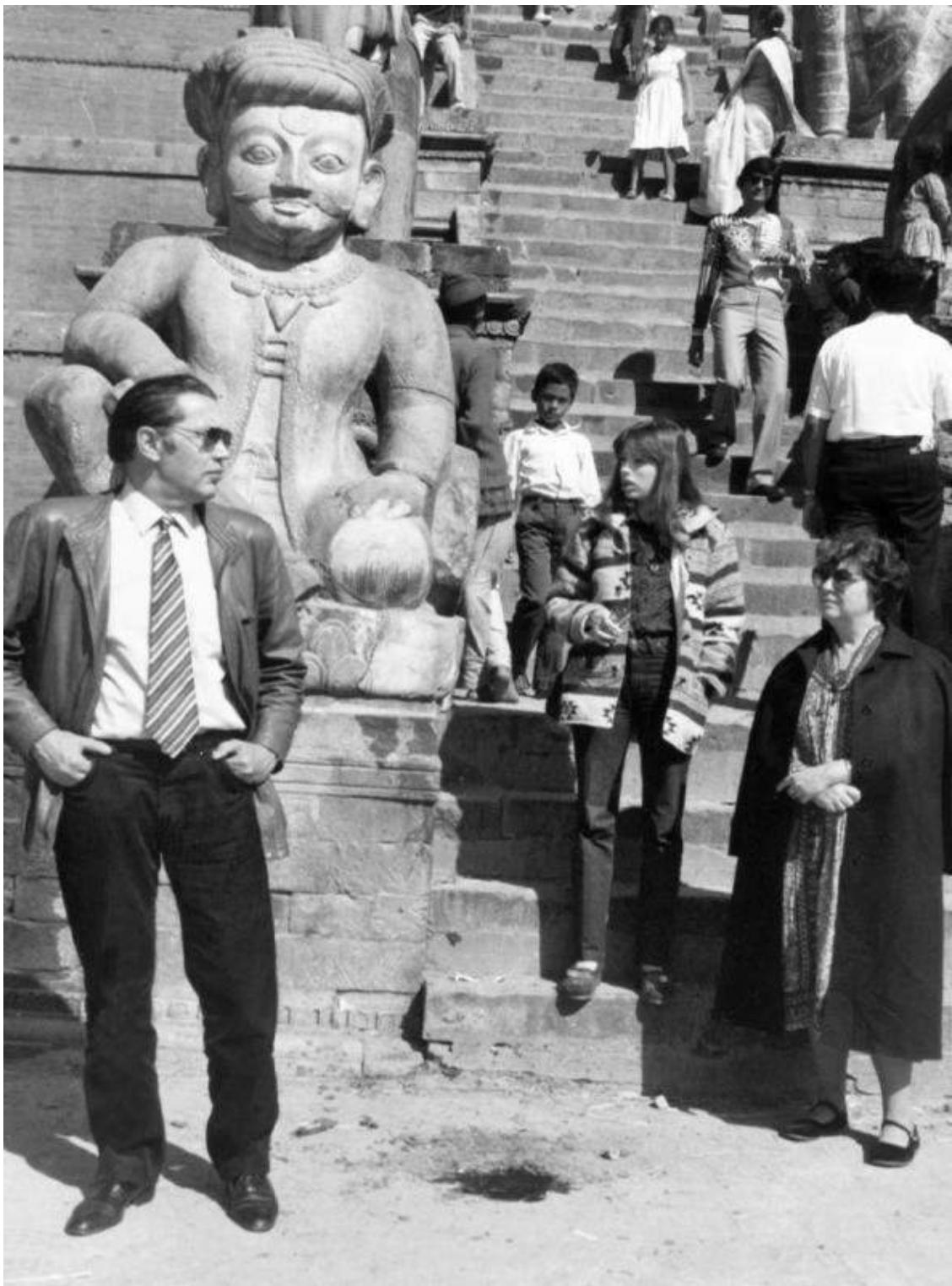

Без комментариев

Индия

Вот такими мы с мужем уехали в Индию. 1983 г.

Однажды из Индии мы машинули в Непал. 1984 г.

Я редко что в своей жизни планировала.

Даже дети появились незапланированно. Не сразу, правда, через десять лет замужества, но появились же! Первый был сделан в Индии, куда мы с мужем уехали в командировку, он корреспондентом от Гостелерадио, я его боевой подругой. Я уже совсем отчаялась, что бесплодна, что как же так, такое горе, а я так хочу. Все врачи до этого в Москве уже были пройдены и даже индийские подтвердили, что все в порядке. Пошла по знахарям в Дели. Индийские знахари – это особая каста. К ним можно попасть только с кем-то из местных, чтобы тебя при-

вели за ручку и посадили в длиннющую очередь. Без очереди никак, лечиться охота всем. У них нет часов приема и своего кабинета. Все происходит на улице около хижины. Пыль, грязь, жара, рыдающие сопливые дети, слоняющиеся без дела священные худые коровы, летающие насекомые с огромными жалами – вот мои воспоминания о той очереди к знахарке. Она была врачом в пятнадцатом поколении, в их роду не было других профессий, и это целительство передавалось по наследству только женской половине, мужчины не в счет. Она была родом с Тибета, маленькая, юркая, темная, вся в монетах и украшениях из бубенцов – каждый шаг ее звенел, и если не наблюдать за ней, то просто слышались какие-то необычные музыкальные позывные, азбука Морзе из колокольчиков. Лавки все были заняты разноцветными женщинами в сари, я стояла в тени, прислонившись к дереву, и ждала. Ничего не изменилось, наверное, за эти 15 поколений, такая же очередь, те же сари, пыль, жара, все то же. Тибетка звенела, переходя от одного болезненного к другому, щупала пульс, прикрывая веки и что-то шепча. Маленькая девочка лет 6–7 ей помогала, смотрела преданно в глаза и быстро бежала выполнять указания. Часа через два она подошла ко мне. Попросила сесть – пульс надо слушать в покое – и обхватила своими звенящими руками мои запястья. Прикрыла глаза и стала качать головой. Не потому, что было что-то не то, нет, просто так она входила в то состояние, когда слушала и взглядалась в чужой организм, проникая вместе с толчками пульса в отдаленные его уголки, пытаясь разобраться в проблемах. Она качала головой, перехватывая запястья то так, то так, улыбалась чему-то своему, видимо, понимая, что происходит.

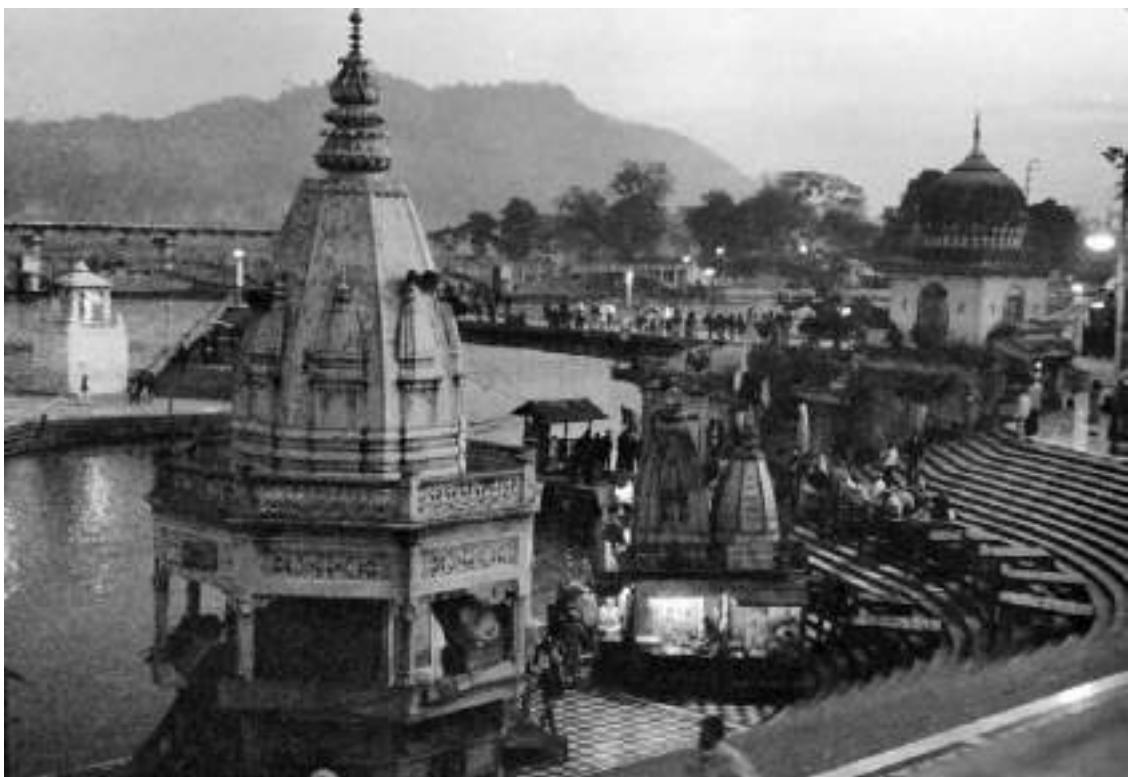
– Я дам вам четыре вида пилюль, – произнесла она. – Вы будете их пить месяц, потом придете снова.

И все, и больше ни слова. И никаких объяснений. Она сказала что-то девчушке, та убежала в дом. Пробыла там минут десять, вышла уже не одна, а со старой толстой бабушкой, завернутой в километры сари. Девчушка принесла мне четыреувесистых пакетика с круглыми черными пилюлями, забрала деньги и убежала. Из чего они были скатаны – одному Богу известно. Черные, блестящие, твердые, похожие на козы какашки, и пахли на самом деле не очень. Но я стала их пить четыре раза в день, как было сказано. Первое время боялась, что заболею чем-нибудь, – санитарные условия у знахарки были так себе. Но ничего, тогда все обошлось.

Когда пришла к ней во второй раз, выпив курс, она, снова прослушав мои запястья, дала мне еще таблеток и сказала:

– Если через месяц не понесешь, езжай в Ришикеш, окунись в Ганг. Будешь подготовлена. Все случится.

Она так и сказала: «It will happen».

Ганг в районе Ришикеша

Через месяц поехала к Гангу. Погуляла по берегу, поудивлялась. Увидела двух покойников, завернутых в белое и закрытых расшитым покрывалом. Родственники сооружали костер, выкладывая для обряда дрова. Две фигуры лежали рядом, соприкасаясь. Когда дрова наконец были сложены, одно тело водрузили на другое. Внезапно то, что лежало сверху, встало и медленно направилось к родственникам. Все отнеслись к этому спокойно, не разбежались, не закричали, только приобняли по-отечески да и все, а «тело», сбросив белое полотно, оказалось молодой женщиной в красном вышитом сари, но без единого украшения. Так вышло, что я стала свидетелем старинного ритуала сати – самосожжения вдовы, но нет на современный лад. Ритуал этот официально отменен, а подстрекательство уголовно наказуемо, но то тут, то там вдовы добровольно восходят на костер с покойными мужьями, а иногда и сами поджигают себя. Ничего противозаконного, с их точки зрения, в тот раз не произошло, обряд был видоизменен – вдова просто полежала рядом с усопшим мужем в свадебном платье. Таким образом брак был завершен. Точка.

Не знаю, как для вдовы, но для меня стресс оказался сильным. Почти побежала в реку и в этот миг испытала еще один шок от того, что увидела. Он был даже сильнее первого, и организм понял – со мной дальше лучше не спорить, надо беременеть, а то еще чего-нибудь предприму. В реке я была не одна. Я вошла в мутную воду и встала по колено. Мимо меня, метрах в десяти, там, где река разбегалась и течение было веселее, на тлеющих плотах проплывали вздувшиеся, обуглившиеся трупы людей, которые не до закона сгорели в священном ритуальном костре. Как только плоты с останками отплывали подальше, на них тотчас опускались грифы и вороны, ждущие неподалеку и упливали на пир. Эти вереницы плотов проплывали мимо, кто быстрее вниз по реке, кто теряя скорость и норовя пристать рядом со мной. Грифы подозрительно на меня зыркали, будто я претендую на их добычу, но в конце концов понимали, что в бой за покойника я не брошуся.

Я закрыла глаза и вошла. Вода была теплая, и от этой теплоты было еще противнее. Я будто растворялась, не чувствуя, где заканчивается мое, еще живое тело, а где начинается этот похоронный растворитель.

В общем, окунулась с головой. Без эмоций, без всхлипываний, без причитаний, без «фу, какой кошмар». Просто сделала несколько шагов в воду с каменным лицом. Муж в ужасе на меня посмотрел.

– Ты как?

– Все хорошо, – спокойно ответила я. – Скоро рожу.

Письма из Индии домой

Я родила через положенные девять месяцев. Мальчика, Лешу. Родила уже в Москве, 26 января, в День независимости Индии. В общем, совершенно незапланированно.

* * *

В Индии мы пробыли три года. Отработали, оттрубыли, выжили. Переболели всевозможными экзотическими болезнями, были напуганы еще большим их количеством.

А прилетели в Дели перед самым сезоном дождей, в конце июня, дышать было нечем. Помню, когда приземлились, пилот поблагодарил нас, что мы летели самолетом Аэрофлота, а потом тихонько, чтобы не расстраивать, сказал: «Температура в Дели 51 градус...»

Все вокруг было странно, непривычно и диковато для нас, маменькиных деток из Москвы. Даже солнце и луна были непривычными! Солнце слишком белое, почти бесцветное, на вид очень холодное, словно на Северном полюсе. Скорее, похожим на полную луну. А месяц был и того страннее, будто подвешенный рожками вверх, как обгрызенная арбузная корка на столе.

У нашего дома в Дели в районе Васант Вихар

В садике рядом с домом. Индия, 1983 г.

Перед поездкой в Дели нам дали множество «ЦУ»: воду для питья долго кипятить, пока в ней не сварится вся микробная дрянь, фрукты промывать карболовым мылом и ошпаривать (выглядят они после этих процедур не очень, надо сказать), уличную еду не пробовать, в рестораны ходить только проверенные, руки мыть с мылом раз в полчаса, беречься от комаров и прочих насекомых, а от всяких ползучих гадов с криком бежать. Хотя бегала я не ото всех гадов. В нашем малиосеньком садике, у окна, после сезона дождей появился миниатюрный хамелеон. То ли он вылупился из яйца, то ли его принесла кукушка или аист, не знаю, но однажды я заметила среди листьев скрученный зеленый хвостик, а по нему взгляdom нашла хозяина. Хамелеон или не набрался еще опыта, или не видел никогда настоящих врагов, а может, просто страдал от одиночества и хотел, чтобы его наконец заметили. Зачем всю жизнь прятаться, подлаживаться, скрываться? Видимо, это был революционный хамелеон. Или просто неопытный подросток. Он, сидя на ветке, репетировал все известные ему цвета, то заболевая желтухой, то снова зеленея от злости, а то вдруг краснея от ярости. С этими светофорными цветами все обстояло более или менее, а вот с синим не получалось. Видимо, это было верхом хамелеоньего искусства, недоступным для мальца. Но он очень старался. Казалось, даже пыхтел от напряжения, пытаясь хоть на минуту стать синененьким! Но только бурел, грязнел, изредка голубел какой-нибудь частью тела и, сконфуженный, уползал в глубь листвы.

Я смотрела в окно на это «в мире животных» и мечтала, что как-нибудь подойду к окну, а под зонтиком на мокром стульчике сидит Николай Дроздов и говорит: «Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня в очаровательном садике Кати Рождественской у нас есть хорошая возможность познакомить вас с представителями отряда пресмыкающихся...» – а сам неловко так держит в руках кобру или удавчика, зажав зонтик, как телефон, между плечом и ухом...

В саду у нас росло одно-единственное дерево. Среди индусов оно называлось очень романтично – «смерть европейца». И совсем не из-за того, что огромные красные цветы пахли чем-то, мягко говоря, неземным, а увесистые плоды, падая с десятиметровой высоты, могли если не убить, то покалечить неосторожного прохожего, и совсем неизвестно европейца. Дело было совсем в другом. Дерево отцветало в конце апреля – в начале мая, и наступало настящее лето, без всяких поблажек, без единого облачка, зато с пыльными бурями, от которых и дома-то было трудно укрыться. Воздух становился тяжелым, вязким и маслянистым. Чтобы вдохнуть, нужно было приложить усилие. Все лето состояло из таких усилий. Но «смерть европейца» мы любили: оно и тень отличную давало, и цвело красиво. На времена нашей командировки мы считали себя азиатами, а не европейцами.

Около Парламента Дели, 1984 г.

В общем надо было быть все время начеку. Я строго выполняли все требования и советы бывалых. Но вдруг однажды увидела в окно, что собираются тучи, что небо посерело, начался сильный ветер. И тут я, дура, вспомнив, как волнующе пахнет воздух на даче в Переделкино перед грозой, решила выйти на балкон и глотнуть озона. Глотнула. Всей грудью. На следующий день слегла с температурой, бредом и поносом. Загремела в больницу. Амебиаз, врач объяснил причину. И, как оказалось, очень просто заразилась. В Индии считается, что естественно, то небезобразно, поэтому если в пути приспичит, по большому, можно спокойно сесть попой к дороге, чтобы лицо не показывать, сделать свое дело и идти дальше. Жара под 50°, какашка высыхает мгновенно, а через неделю вообще превращается в говяжью пыль, которая лежит до поры до времени, пока нет ветра. С ветром все мумифицированное дермо поднимается в воздух и начинает метаться по городу, пока не грязнет дождь и не смоеет его наконец. Я вышла на балкон в период такой пыльной бурей и вдохнула по полной программе. Потом прочитала: механизм передачи амебы – фекально-оральный. Почти мой случай, только фекально-вдыхательный!

Две недели лежала под капельницей в крохотной больничной палате без окна. Это было ужасно. Мигал и вздрагивал свет, оранжевая жидкость ползла по трубке мне в вену, я таскала за собой капельницу в туалет, опираясь на нее, как на посох, и возвращалась в постель, уставшая, будто пробежала марш-бросок. Утром приходили две молчаливые медсестрички, сгоняли меня с постели и «меняли белье» – переворачивали простыню и подушку. На следующий день тот же ритуал. Простыня переворачивалась туда-сюда, уж и не помню, меняли ли ее вообще. С температурой ушли все силы. Помню, что недели через две живот успокоился (помимо лекарств врач прописал мне кокосовое молоко), голова уже не гудела, как раньше, но не хватало сил даже поднять руку. Пролежала пластом два месяца. Потом начала постепенно

оживать. Когда выписывалась из больницы, местный врач порекомендовал мне, как человеку совершенно неподготовленному к местным «прелестям», выпивать два раза в день лекарство – днем порцию неразбавленного виски (от кишечных проблем, вроде как дезинфекция), а на ночь – джин-тоник, чтобы запах можжевельника, выходящий через поры, отпугивал комаров. Главное в этом «лечении» было не войти во вкус. Потом, после больницы, стала беречься еще больше: фрукты, по совету старожилов, сначала замачивала в мыльной воде, а еще лучше – в стиральном порошке, потом хорошенъко сполоскивала, обдавала кипятком и минут десять держала в растворе марганцовки. Получившуюся гадость можно было уже есть, не вытирая. С мясом было не так интересно: его надо было вымыть в марганцовке и заморозить на несколько дней. По идее, вся зараза должна была загнуться от холода и неожиданности. Потом мясо надо было варить – жареное есть не рекомендовалось. И правильно – однажды, когда мы еще не знали этого правила, поджарили буйволятину с личинками не то овода, не то еще какой пакости. Жаренные уже, правда, в маслище...

С папой около Кутуб-Минара

Говядины не было как таковой в принципе, она бродила в образе священных коров по улицам Дели, обвшанная гирляндами оранжевых цветов, и смотрела на всех сонными красивыми глазами с длинными ресницами. Индийские коровы на наших совсем не похожи, они белые, горбатые и мелкоголовые, бродят по городу известными только им маршрутами, а когда их становится слишком много и они начинают мешать транспорту, их в специальных загонах вывозят куда-нибудь подальше. Корова для индийца все равно что мать – она и скромна, и добра, и мудра, и спокойна. Как с такими-то качествами ее убить? Так еще после смерти именно корова переводит индийца через ритуальную реку, а если ты съешь или побьешь ее, кто тебя переведет? Так и зависнешь в НИГДЕ. Есть нельзя, но пользоваться тем, что она дает, можно. Молоко, например, коровы лепешки, моча. Все священное, ничего не пропадает.

Молоко – в пищу, навоз сушится, а зимой становится топливом для домов, в основном неприкасаемых, а свежий – идет на лекарства и косметику. Не целиком, конечно, а видоизмененно. Моча! О, это отдельная тема! Такое впечатление, что в Индии культ мочи. На Гоа даже проходит самая необычная в мире научная конференция – по уринотерапии. А если у супружеской пары долго нет детей, один из проверенных способов зачать ребенка – пить мочу друг друга. О моче и ее применении говорят буднично и совершенно спокойно. Даже премьер-министр Индии Морарджи Десаи, который сменил на посту Индиру Ганди, во всеуслышание заявил, что вместо чая-кофе пьет по утрам стакан собственной мочи и прекрасно себя чувствует. Дожил до 99 лет. Я не хочу никого обидеть, и не обидно это вовсе, но этот культ там уже целых пять тысяч лет. Да и европейцы, нет-нет да обращаются к уринотерапии. Кто бежал в туалет, чтобы пописать на ожог, признавайтесь? Ну а йоги предпочитают пить утреннюю мочу, потому что считают, что именно утренняя порция способствует качественной медитации. Моча и в лекарствах, и в косметике, и наружно свеженькая, и внутрь – тепленькая. В общем, пропадать ничего не должно.

Это так, лирическо-мочевое отступление. Вернемся к священным коровам. Если хозяин коровы вдруг заподозрит, что она больна, то быстро спровадит ее на улицу, выгонит, одним словом. Потому что, если корова умрет в доме, все, пиши пропало, начинаются безумные тряпты (а денег обычно нет): ритуалы, обезды всех священных городов, чтобы проводить как следует корову и отмолить в связи с этим свои грехи. Именно поэтому так много бродячих коров на улицах. Они не голодают, нет – травку щиплют (хотя ее нет почти), индийцы их уважительно подзывают и подкармливают лепешками, сама видела. Коровам даже не сигналят, когда они перегораживают улицу – ждут, пока сами уйдут.

В общем, с коровами все понятно, это – табу, поэтому буйволятину была единственным возможным красным мясом, но она ни в какое сравнение с говядиной не шла – жестковатая, волокнистая, испещренная, как сеткой, какими-то тонкими белесыми нитями. Хотя, по идеи, ее можно было есть даже сырой, но запах у нее, скажем так, не самый изысканный. Понюхайте кошку за ушком и смело можете приступать к блюду из буйволятинны, пахнет одинаково.

Довольно скоро у нас появился повар из Непала, Камча, который взял на себя саму готовку и, что было еще важнее, долгое подготовление продуктов к еде – вымораживание, отстаивание, выпаривание, кипячение и мойку в десяти водах. Он и сам нас многому научил, хотя не очень понимал, зачем нужна такая трудоемкая прелюдия. Ну как ему было объяснить, что не готовы европейцы к такой насыщенной внутриишечной индийской жизни, совсем не готовы!

Стал он ликвидировать нашу темноту и безграмотность в сфере индийской кухни. Первым делом рассказал про не очень любимую нами буйволятину, что мясо это диетическое, близкое по свойствам к телятине, что даже улучшает сон. Попробуйте, говорит, и увидите сами. А я и так хорошо спала, проверить его слова было трудно. Тогда, говорит, если я буду вам готовить раз в день хоть маленькую порцию буйволятинны, вы всегда будете энергичной. Это вместо витамина для индийцев, можно съесть кусочек, а тонус – на весь день. А я и была энергичной, бегала как заведенная, поэтому его слова невозможно было проверить. И еще говорит, это мясо очень хорошо влияет на концентрацию и умственные способности, мол, думать начнете, хозяйка. Приобиделась я тогда на повара, но думать так и не начала. А может, и начала, как узнать? В общем, буйвол – это сила!

Гости у нас дома. Дели, 1985 г.

Еще был постирщик, стиральщик, стиран, стиратель – как еще называть мужика, который работает прачкой? Он был из «неприкасаемых», из касты дхоби. Его и звали Дхоби, по названию касты. Это потом в «Гарри Поттере» появился Доби, который был безумно похож на нашего индийского Дхоби, послушного, безотказного, с носком в руке. Ну, или с чем-нибудь другим. Дхоби эти специализировались на стирке. Именно на ручной стирке. Я показала ему в первый же день стиральную машину, которая стояла без дела, но он взглянул на нее презрительно, как на заклятого врага, чуть ли не плюнув в ее сторону. Он постоянно старался осквернить ее, используя как подставку или хранилище. Отключал от воды, чтобы она умерла от жажды, в общем, вел с ней партизанскую войну. Но сломать, конечно, не посмел, хотя ему было физически тошно рядом с ней находиться. Он брал свои тазики и выходил стирать на улицу. Сначала вымачивал белье с мыльным орехом. Я несколько раз подсовывала ему стиральный порошок, но он заговорщицки качал головой, мол, что вы, что вы, такое мне предлагаете, будто это была супружеская измена или даже измена родине. Вода от орехов пенилась, белье потом ничем не пахло, было хорошо простираным и мягким. Остатки воды Дхоби всегда выливал нам в садик, который разжирел с его приходом и благодарно отзывался на мыльную пену. Потом, сидя на корточках, Дхоби выколачивал белье. Я видела, как над его головой взлетает какой-нибудь очередной скрученный тряпочный жгут и с силой ударяется о ребристую жестянную доску. И хотя рубашки мужа выглядели безукоризненно, такой активной стирки они долго не выдерживали. Потом дхоби тщательно все выполаскивал, развешивал и ждал, пока не высохнет. Потом обедал чем-то своим, неприкасаемым, завернутым в банановый лист, а белье высыхало, как в быстрой сушке.

Стирают из этой касты только мужчины, работа физически очень тяжелая. Мне было интересно, кем же тогда работает его жена, если он – прачка? Улыбался, не отвечал. Видимо, она работала на стройке. Я очень часто видела вереницы молодых женщин, которые несли на голове стопку кирпичей на соседнюю стройку, а дети, почти у каждой, висели как живые рюкзачки на спине. Но работали женщины очень грациозно, со смехом. Повар рассказал мне, что

дхоби живут обычно на окраинах города огромными коммунами. За работу наш брал недорого, стирал шикарно, выглаживал все виртуозно, ни разу ничего не испортит. Он аккуратно пересчитывал деньги, которые я ему давала после работы, потом разглаживал их своими хорошо промытыми тонкими паучими пальцами, подготавливая к основной глажке утюгом. Не электрическим, конечно, а старым, дедовским, на углях. Каждую купюру он тщательно выглаживал с обеих сторон, собирая стопкой и клал в самостоятельно сшитый мешочек на веревочке. Потом садился на свой велосипед и ехал двадцать пять километров домой, на окраину Дели, а иногда и в какую-нибудь гостиницу, в которой тоже стирал белье. Стирал он всегда хорошо, никаких проблем не было, а то посольский врач нам рассказывал, как один из наших заразился какими-то паразитами, переползшими на него с плохо выстиранных вещей. Поди знай, что и где тебя поджидает в этих экзотических странах.

После окончания муссонов, то есть продолжительных дождей, возникает новая опасность – малярийные комары. С одной стороны, дожди все смывают, обновляют и освежают, но появление воды означает рождение миллионов комаров, которые вылезают, переродившись и отряхнувшись, из застойных луж и с широкой улыбкой, поводя хоботком, летят за витаминной кровушкой. Есть что-то такое в крови зараженного человека, что заставляет комара как магнит лететь к нему с большей скоростью и намного чаще, чем к здоровому. Раньше думали, что лихорадка начинается там, где есть сперты, непроветриваемый, плохой воздух – *mala aria*. Потом увидели, что вспышки малярии происходят рядом с болотами, отсюда другое старое название – «болотная лихорадка».

Малярия – беда не только этих широт. Ею болеют повсеместно уже 50 000 лет, и в России тоже. Для малярийных комаров главное – тепло, болота и отсутствие холодных зим. Нам дали перед поездкой профилактические таблетки, которые мы начали пить за неделю до отъезда и должны были принимать в течение всего пребывания в Индии. Но это ведь целых три года! Посольский врач дальше пить антималярийную химию отсоветовал – три года такой профилактики, и печень вылетает напрочь! Если уж комар укусит, так безвреднее пролечиться, чем пить так долго эти таблетки.

А раньше, я слышала, малярию использовали как лечение сифилиса. Антибиотиков не было, на больного сифилисом напускали комаров и использовали повышение температуры при малярии как стерилизацию крови. Риск, конечно, был большой – многие пациенты от такого болезненного коктейля умирали.

Малярия подкосила нашего оператора. Я увидела его в один из малярийных приступов – он сидел в вязаной московской шапке, укутавшись с ног до головы стеганым одеялом, как взрослый новорожденный, и дрожал крупной дрожью, будто передавал попой важное сообщение стулу. Его колотило, на лбу выступали крупные капли пота. Видно было, что ему совсем не до гостей. Потом через какое-то время малярия так же внезапно ушла. Ему мгновенно стало лучше. Он просто раскучался, снял шапку, вытер пот, выпил стакан воды и пошел на работу, забыв о температуре, болезни и комарах. А года через полтора заболел, бедняга, лихорадкой «денге». И снова температура под сорок, боли во всем теле, сыпь, но ничего, слава богу, выздоровел.

Обычный индийский вид транспорта

Это я не к тому, что в Индии все так страшно, опасно и плохо. Нет, страна удивительная, прекрасная и совсем неразгаданная, особенно для чужаков. Там странно многое, если не всё. Еда, философия, одежда, погода, образ жизни. И сколько я людей ни встречала из тех, кто побывал в Индии, никто не оказался равнодушным к тому, что увидел. Индию можно или любить, или ненавидеть. Тех, кто любит, в разы больше, и я в их числе. Там ты путешествуешь по другой планете – терпкой, яркой, ароматной, неторопливой, опасной и зазывной. Откусываешь по кусочку, усваиваешь, узнаешь, перевариваешь и хочешь больше. К концу нашего пребывания в Индии я стала есть уличную еду, заниматься йогой, жевать бетель, чего раньше боялась, хотя, скорее, просто не понимала. В общем, ассимилировалась. Многие индийцы ходили с кроваво-красным ртом и все время чего-то жевали. Оказывается, это был бетель. Торговцы бетелем сидят там почти на каждом углу, но у уважающего себя индуза есть свой мастер, который знает вкусы и может предложить что-то под настроение и погоду. Сначала берется лист бетеля, он – и основа, и упаковка, потом – известье для консистенции, потом – сушеный арековый орех, можно добавить пасту из бобов акации. Бетель ведь жуют, а сколько людей, столько и вкусов, ведь это как отдельное блюдо – можно положить укроп, куркуму, шафран, тмин, кориандр – можно семечки огурца или арбуза, можно – ментол или сахарный сироп с кокосовой стружкой, а для особых знатоков – серебряную фольгу или даже камфору, которая вызывает эйфорию. Мне нравилась смесь имбиря с гвоздикой с добавлением огуречных семечек, но я жевала разное. На углу нашего квартала у продуктовых лавок всегда сидел старик со своей бетельной тачкой и, завидев меня, кивал, махал рукой и начиналсыпать в блестящий зеленый лист по маленькой ложечке всего из своей лаборатории. Потом свертывал в аккуратный треугольник и клал на блюдце передо мной. Первый раз я, зажмурившись, запихнула сверточек в рот, стараясь не думать о том, что старик не помыл руки, что в этих немытых годами баночках, может, уже черт-те что завелось и что снова в больницу я не хочу. Но риск – благородное дело!

Стала жевать – остро, жгуче, пряно, хрустящее. Решила, что в такой смеси сдохнут все вражеские бактерии. Короче, получала удовольствие, а потом узнала, что бетель включен индусами в число восьми жизненных удовольствий: помимо мазей и всяких притираний, ладана, женщин, музыки, постели, пищи и цветов. Будем считать, что удовольствия для женщины – бетель, мужчина и т. д., а то, ей-богу, обидно!

Вкус бетеля раскрывался по мере того, как я распробывала все новые и новые ингредиенты: какие-то семена, орешки, специи, лепестки. Бетель на самом деле – это растительная жвачка, наркотического в нем не больше, чем в табаке, но если сигарета успокаивает, то бетель бодрит и будоражит. Но никаких розовых слонов и ходячих кактусов не наблюдалось даже близко. В бедных районах бетель жуют и дети тоже – это проверенное средство от голода, вроде что-то ешь, челюсти двигаются, мозг, видимо, успокаивается. Время так и проходит. Тех, кто любит бетель, видно: у них ярко-красный рот и бурые зубы. Еще говорят, что он очень полезный – что-то типа «мезима», помогает переварить тяжелую пищу. В Австрии после ужина пьют «Егермайстер», в Италии – «Лимончелло», в Индии жуют бетель.

Жуют, конечно, после долгого сытного и вкусного ужина. Любое приготовление еды в Индии – это важный ритуал, а не просто механическая нарезка, жарка, варка и так далее. Это мысленное общение с богами и божками, передача своей любви родным через пищу. Не смейтесь, когда что-то делаешь с любовью, это становится намного полезнее, чем формально, скажем, месить тесто или резать мясо. Сколько раз я видела, как индианки шептали и приговаривали что-то во время готовки, зная и веря в то, что простая еда влияет не только на тело, но и на душу.

У кого-то в гостях. Мы с мужем и жена посольского доктора. 1985 г.

Индийская кухня – не чисто индийская в том смысле, что многие продукты, способы приготовления и вкусы были завезены извне. Португальцы привезли паприку, которая стала

одним из важнейших ингредиентов традиционного карри, французы – хлеб и суфле, монголы – плов, сухофрукты, сливки и, главное, – печь тандур, в которой пекут хлеб и готовят мою любимую тандури-чикен. Но, думаю, все-таки основа индийской кухни – это пряности и специи. Сначала пряности использовались как лекарства: гвоздика и кардамон – природные антисептики, куркума – мочегонное, имбирь – тонизирующее, а со временем все это распроверяли и стали совмещать приятное с полезным. Обилие специй в такой тропической стране оправдывается и определяется климатом – жарко, влажно, продукты быстро портятся – и, чтобы замедлить, извините, процесс гниения (холодильник ведь всего лет 80–90 назад изобрели), в мясо клали масалу – смесь пряностей, которая прожаривается на сухой сковородке и толчется в ступке. Это и продлевает жизнь еды, пока она еще не попала в желудок. Причем именно мясо или рыба добавляется в пряности, а не наоборот, как у нас. После пряностей по важности продуктов идут рис, хлеб, фрукты-овощи (большой процент в Индии – вегетарианцы), молочные продукты, особенно йогурт, и только потом мясо-рыба. В Индии не принято пищу просто перечить или солить, только специи, под настроение! Едой в Индии пахнет отовсюду – кто-то что-то все время ест, кто-то что-то готовит, а если учесть, что индийцев миллионы и миллионы, то едой пахнет всегда, и ночью тоже.

Разные виды индийского хлеба – чапати, тури, пирожки самоса

Карри – основа индийской кухни, ее лицо. Хотя сами индийцы питаются в основном рисом и бобами. Это то, что лежит в большом металлическом блюде посреди обеденного стола, а рядом в маленьких пиалочках может быть все, что всегда угодно: панир – местный сыр, похожий на тофу, свежие овощи, соусы чатни, лепешки чапати, но и все равно карри. Что бы ты ни ел – все равно это будет карри. Это своеобразный образ жизни, а не блюдо или набор специй.

Некая жизнь с приправой, с перчинкой, с привкусом, с оттенком. Каждая хозяйка в Индии с детства начинает разбираться в пряностях, у каждой семьи есть свои проверенные смеси трав, пряностей и свой рецепт карри. В основе любой смеси карри – куркума, оранжевая, ярко пахнущая, но без особого вкуса, плюс молотые семена кориандра, кайенский перец и кумин. А потом уже можно добавлять по настроению – смесь имбиря с гвоздикой, корицу с кардамоном, чеснок с мятой, мускатный орех с перцем, все, что угодно, а если чуть изменить пропорции, то любое карри будет совершенно неповторимым. Тем более в Индии его делают непосредственно перед приготовлением пищи – все ингредиенты под рукой, добавляй что нравится. Ну а если любите экстрем – можно положить в еду смолу асафетида, она мерзкая, едкая, горькая и вонючая, но усиливает вкус любого блюда. Ее второе название – «навоз дьявола». Вам все стало понятно? Хотя, если обжарить ее в масле, то дьявол со своим навозом уходит на второй план и приправу можно даже считать приятной. Вот такое двуличие.

Мне очень понравился простой десерт, который едят индийцы. Банан «раздевают» с одной стороны (другая получается как подносик), глубоко надрезают вдоль, густо посыпают красным перцем и поливают лимонным соком. Попробуйте – очень необычно. А после этого обязательно чистят зубы, причем не щеткой, а пальцем, так принято. Индийцы вообще очень чистоплотные. Утро на нашей улице, да и на остальных, начиналось с того, что на всех крышах хозяйки выколачивали из ковров пыль и песок. Именно на крышах. Потом разномастными метелками подметался дворик, причем дворовая пыль шла вверх, а ковровая – вниз. Пыль встречалась на уровне человеческого лица и превращалась в белесый туман, который оседал в легких и немного приглушал яркое утреннее солнце. На нетвердых покореженных ногах выходили из домов старухи – это был их час. Они гордо и молча оглядывали улицу, уцепившись за ограду и долго, кто сколько мог, стояли так, всматриваясь в мир, который в их годы начинался и кончался этой пыльной улицей. Старухи следили за проходящими мимо незнакомцами и проезжающими торговцами, за бездомными собаками и висящей в воздухе пылью. Они, все такие разные и одинаковые, были похожи на птиц – крючковатыми носами, движением головы, цепкой хваткой, – исполняли одну придуманную ими миссию – быть стражами. Так стояли они, эти одинокие утренние старухи-птицы, охраняя от злых взглядов детей, внуков-правнуров, свой дом, маленький садик, свою молодость и будущее всего того, что находилось за их спиной в этот час. Потом, глубоко о чем-то вздохнув, старухи шли в дом, тяжело переступая затекшими ногами, чтобы назавтра, рано утром, выйти опять, кто сможет, к воротам.

* * *

К нам часто приезжали гости из Москвы. Настоящий праздник. Я его и устраивала. Дома вместо индийских блюд готовила, дурочка, борщ, еле раздобыв свеклу на местном рынке. Ну, экзотика там эта свекла, красное чудо! Но я заказывала, разыскивала, закупала впрок. А еще делала пельмени, бефстроганов, пироги, настойки… Надо было бы, конечно, дхал, вегетарианский суп-пюре с самосами, острыми треугольными пирожками, карри или курицу-тандури. Но так мне приятно было вспомнить домашнюю московскую кухню, поставить тесто на настоящих дрожжах, чтобы потом вдохнуть запах горячих пирогов или опустить в кипяток десяток-другой пельмешек. Скорее, радовала нас самих, а не гостей, которые, честно говоря, рассчитывали на местный колорит.

Самый большой праздник случался, когда приезжали родители. Папа пользовался любой возможностью, чтобы прилететь. Мы ехали их встречать в аэропорт, везли с расспросами домой, и мама сразу же доставала гостинцы. Всё, как положено: палку докторской колбасы, две буханки черного хлеба, сыр (в Индии нет нормального сыра), шоколадные конфеты, всякие там «Мишки», «Белочки», «Грильяжи». И кучу писем: от бабушек, друзей, всех-всех-всех.

Мама с папой снова приехали!

В первый же приезд я отвела папу к знахарке, надо было разбираться с его язвой. Снова очередь, прощупывание пульса и таблетки-капыши. Помогло на какое-то время, надо сказать. Ездили к Кутуб-минару, к важному минарету, который давным-давно поставили рядом с необычной железной колонной, воткнутой в землю, как гвоздь, под прямым углом. Вокруг нее – сильное исцеляющее энергетическое поле. Всегда очередь из страждущих. Подходят, трутся. Говорят, надо правильно встать к ней спиной и соединить руки сзади, чтобы позвоночник соприкоснулся с важной железякой, тогда – и здоровье, и счастье, и вообще. Привела родителей, пригвоздила к колонне, пусть, думаю, энергией напитаются. Колонна – из чистого железа, кто ее сделал, как, никто не знает. На ней надпись: «Царь Чандра, прекрасный, – как полная Луна, достиг высшей власти в этом мире и возвел колонну в честь бога Вишну в V веке». Но он же не сам ее делал, не сам возводил, а кто – вопрос.

У папы получилось!

Президент Индии Раджисв Ганди. 1985 г. С фотографировала в его рабочем кабинете

Мои самолепные открытки из Индии

Индийское сари

В общем, возила своих любимых по Дели, чувствовала себя почти местной, знающей, расслабленной, коренной. Кивала торговцам на рынке, здоровалась с соседями, отгоняла на хинди местных ребятишек, норовивших вырвать сумки, чтобы помочь доставить до машины.

Пошла с мамой выбрать себе сари, давно мечтала, но каждый раз бросала это дело, поскольку ни на чем конкретно остановиться не могла, слишком был велик выбор. Пошли на

рынок, где в специальных рядах, зарывшись в шелка, можно было провести несколько часов. Продавали в основном мужчины, которые смешно показывают товар, примеряя на себя. Наш продавец был пожилым сикхом, который сидел по-турецки на возвышении и был похож на индийского божка. Не знаю, почему мы остановились около него. Он не сутился, как остальные, не зазывал и не заискивал, просто сидел среди своего яркого богатства и сосредоточенно молчал.

– Это будет ваше первое сари, диди? – вдруг спросил он.

– Да, но я не могу сама выбрать, сама уже пыталась… – пожаловалась я.

– Это целая наука, – улыбнулся старик. – Я помогу, хотите?

Свободного места в лавке было совсем немного, с пола до потолка, как кирпичи, друг на друге лежали сложенные по цвету отрезы ткани. Красный плавно переходил в шафран, желтый переливался в зеленый-голубой-синий. Что-то блестело стразами, золотом и даже слепящими маленькими зеркалами, какие-то отрезы были совсем скромными и будничными. Шелк, шифон, тонкий хлопок – каждому свое место. И старик посреди этого блеска, как особый художник, составляющий узор не красками, а волшебными тканями. Он усадил нас перед собой, налил крепкий терпкий чай со специями из медного старого чайника и стал показывать ткани, объясняя значение цвета.

– Всё вокруг имеет свой шифр, – начал он. – Не зная правила, можно не только выглядеть смешно, а даже навлечь на себя беду, надев, скажем, черное сари. А можно, наоборот, помочь себе, облегчить страдания и болезни. Можно удачно выйти замуж и обрести гармонию. Все имеет значение, все основано на опыте, все не просто так. Вам на свадьбу или чтобы вспомнить об Индии?

– Буду носить.

– У вас есть предпочтения в цвете?

– Мне нравится красный… Или нет, желтый! Зеленый тоже ничего…

– У вас нет предпочтений, диди, – старик был довольно строг. Он качал головой, мои ответы его не устраивали, да я и сама это понимала.

– Моя жена, например, обязательно меняет сари в соответствии с погодой, ее сари связанны с настроением, она даже переодевается в течение дня: утром – светлые сари, к вечеру – яркие, в жару, я заметил, – не шафранные и не желтые, а зеленые и голубые, под цвет растений и прохладной воды. А желтое и розовое оставляет на сезон дождей.

И стал подробно рассказывать. Мы пили горячий чай, который ничуть не мешал нам в жару, и слушали продавца, все так же сидевшего, скрестив ноги. Он любил то, чем занимался. Искал подтекст, когда женщина выбирала сари сама, без его участия. Знал, что с помощью сари женщина может многое сказать, не произнеся ни слова. Цветом, драпировкой, вышивкой. Если купит синее сари, то оно из касты ремесленников. Другие его не берут, боятся, что примут не за ту, спутают с неприкасаемыми, опасаются. Если женщина выберет красный, скажем, который еще и вышит золотыми слонами по кайме, – она точно из высшей касты – сильная, властная, могущественная. Хотя красное с золотом очень подходит для свадебного сари, это цвет плодовитый, сексуальный и возбуждающий. Сказал, что жениху не принято прямо смотреть на невесту, только в зеркальное отражение, а на вопрос родных, кого он видит в зеркале, надо всегда отвечать одно и то же: «Фею». Фею в красном. Женщина и на роды идет в энергичном красном сари, чтобы быстро разродиться, но, родив, надевает на неделю желтое сари, символ очищения. А еще красное – цвет зрелости и гармонии. Если покупает зеленое, то, скорей всего, мусульманка. Хотя он означает еще и плодородие, цвет леса, природы, но обычно в сочетании с красной каймой, чтобы подчеркнуть красоту зелени, надо добавить «кровушки» для контраста. В Индии любят оранжевый шафран, цвет заходящего солнца и жары. В него одеваются святые, он приносит благо, так и сказал: «Благо», и уважительно показал на оранжевую полку, устланную разномастными тканями апельсинового цвета. А белый – не только для

вдов, нет, это цвет невинности, спокойствия и чистоты, с цветной каймой по краю. Черный, так любимый европейцами, в Индии вообще не принято носить, странно было бы услышать «Маленькое черное сари». Нет такого. И быть не может. Маленькое черное платье – сколько угодно. А сари – нет!

Он был философ, этот стариk, его было любопытно слушать. «А что бы вы подобрали мне?» – спросила мама с улыбкой.

Он посмотрел на нее молча, и молчание это длилось довольно долго, так мне тогда показалось. Я боялась его нарушить. Потом он покачал головой, приняв решение:

– Вам подойдет темно-красный, цвет мудрости и интуиции с золотыми каплями дождя по всему сари, символом любви к мужу. Вы же любите его одного всю жизнь, так, матаджи? – вдруг спросил он.

– Да, – удивленно ответила мама.

– Темно-красный я бы дополнил светло-зеленым, цветом сердечной чакры любви, неширокая полоса хорошо бы смотрелась на красном. Мне нравится спокойный зеленый. Он одинаково удален от небесной голубизны и красной магмы, золотая середина. И подумал бы над вышивкой. Трезубцы были бы хороши. Или колесница.

– А почему так воинственно? – спросила мама.

– Совсем нет, это символ матери и внутренней силы, которую я в вас вижу. А колесница – мудрость. Жизнь идет, крутятся колеса и наматывают опыт, это же понятный знак. Хотя, может, вам бы лучше подошел Ганеш, бог с головой слона, знаете о нем? Он наполнен любовью, вежливый и нежный, но при этом очень сильный и защитит вас. Думаю так.

– Спасибо, очень здорово, мне бы понравилось, – сказала мама старику. – А дочери что тогда, по-вашему?

Он снова молча посмотрел на меня, сканируя взглядом. Это был никакой не волшебный взгляд, не думайте, просто на меня смотрел пожилой мужчина, который лет пятьдесят подбирал сари разным женщинам – молодым, старым, красивым и не очень. Опытный, мудрый, ловящий нюансы, чующий настроения, – все по-восточному спокойно и достойно.

– Наверное, детей еще нет?

– Нет, – ответила я.

– Ярко-красное вам не подойдет, слишком зрелый цвет, не по-возрасту. Желтый – тоже вряд ли, вы в нем растворитесь, сольетесь, растаете, не ваш цвет. Нужен холодный – освежить, встряхнуть, напитать энергией.

Он снова задумался и закрыл глаза. Сидел и сидел, нам даже показалось, что заснул. Ему на лицо вдруг села муха, но стариk даже не пошевелился. Господи, где эта муха только не ползала, подумала я почему-то, а он ее не смахнул. Вдруг сигх открыл глаза, улыбнулся и сказал:

– Вам нужно носить бирюзовый цвет. Цвет между зеленым и голубым, между молодостью и спокойствием, сложный цвет, очень морской. Вы – водный знак, диди?

Я сначала не поняла, о чем он спросил. Мне нравилось слушать монотонный звук его голоса, словно он читал какую-то долгую книгу, которая была раскрыта внутри него.

– По знаку зодиака? Я Рак!

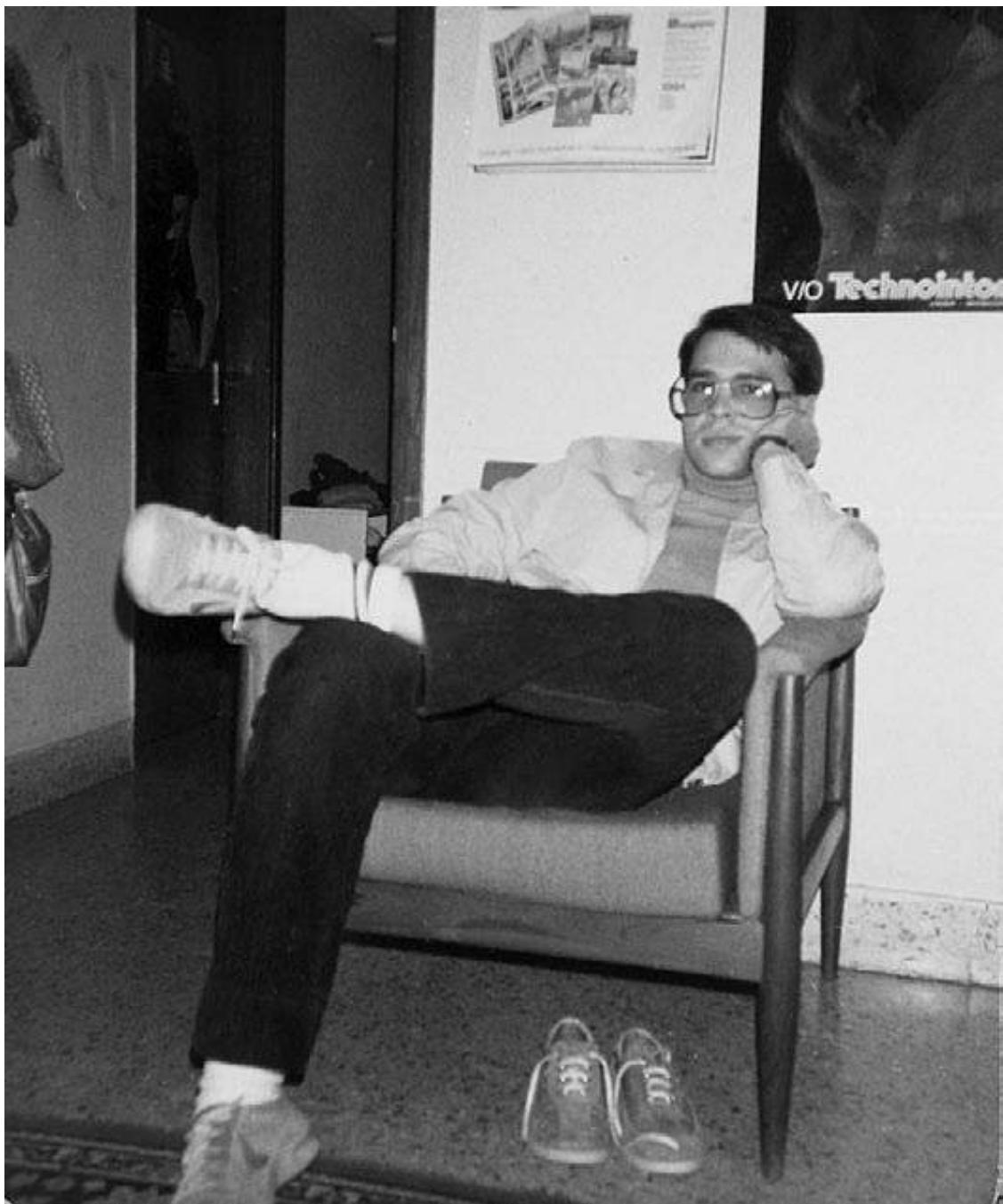
– Ну да, вы похожи. Так вот, бирюзовое море. Вы же не можете оторвать взгляд, когда смотрите на бирюзовое море? Свинцовая серая вода вам не нравится, а от бирюзы вы не отводите глаз. Бирюза притягательна, мистически притягательна. Такой цвет и яркий, и умиротворяющий. Он – для неординарных женщин. Если вы станете носить бирюзовое сари или украшения из бирюзы, вы раскроетесь, начнете чем-то таким заниматься, – он снова задумался, подбирая слова, – что будет интересно не только вам. Станете, например, рисовать или писать. Вы меня понимаете?

С мужем Дмитрием (справа) и Владимиром Финогеевым. 1984 г. На приеме в Посольстве СССР в Дели

Начав носить сари в Индии, я и потом, в зрелой жизни, одевалась, кутаясь в шали, чтобы один конец сзади волочился почти до земли

Видимо, в этот момент муж впервые увидел меня в сари

Я его понимала, конечно. Но ощущение было, что мы пришли к гадалке, а не в обычную лавку сари, каких на той улице были десятки. Почему мы зашли тогда к нему? Почему открыли ничем не примечательную замызганную дверь с нарисованной улыбающейся девушкой в красном сари? Зашли и увидели сикхского божка посреди этого красочного великолепия, будто радуга случайно выплеснулась вокруг старика, совершенно при этом его не задев. Он так и сидел, в белом, не то кителе, не то пиджаке, посреди ярких шелковых тряпок, чуть пахнувших пылью. Прямая спина, улыбающийся взгляд, спокойные несутившие руки, благородство

во всем. Он даже не пытался нам продать свои сари, просто рассказывал, в каких именно нас видит.

Бирюзовый мне, конечно, нравился. Просто как цвет. Я не пыталась даже понять, почему, не связывала его ни с какими морями, психологией и самоощущением. Цвет – в ряду многих других. А тут – скрытая сила и смысл: творчество и неординарность.

– Бирюзовый – очень щедрый цвет. Я бы добавил в рисунок чуть серебра, сдержанного блеска, который будет медленно струиться по бирюзе, в виде мелких точек, скажем, которые все вместе будут означать большую любовь. Ведь все большое вырастает из маленького, из точки, так? А край расширить «бутой», посмотрите.

Он показал нам шаль, расшитую «огурцами», восточным рисунком, похожим на каплю.

– Бута – мудрый символ! Это движение, развитие, энергия. Вам это сейчас необходимо.

Он вдруг встал со своего постамента и сделал два шага в сторону холодных цветов. Провел рукой по голубизне и ловким движением вытащил отрез, как и хотел, бирюзовый, в серебряную точку неимоверной красоты, именно такой, какой описывал. Подошел ко мне: «Встаньте», – попросил. Оказался немного ниже ростом. Он взмахнул тканью и мгновенно обернулся меня всю, будто собирался взвалить на плечо и убежать. Ткани было много. Спланировав, она легла вокруг ног водной пеной, как старик и обещал. Красиво. Он задрапировал меня мастерски и развернулся лицом к маме.

– Какая красота! – только и выдохнула она. – Изумительно! Берем!

– Ваши глаза стали еще голубей, диди, – сказал мне продавец, складывая сари.

Мне и правда не хотелось больше ничего примерять. Бирюза меня подчинила тогда на всю жизнь. Так странно: правильное место и время, нужные слова – и ты понимаешь, что просто не можешь без этого жить дальше. И что вы думаете? Бирюзовые кофты, шали и платки в моем шкафу, коллекция старинных и современных украшений из бирюзы, которые я только и ношу, бирюзовые фарфоровые статуэтки, даже кашпо под цветы и мое маленько колечко из крохотных бирюзовых шариков, которое вообще никогда не снимаю, – результат той давней случайной встречи на делийском рынке. Бирюза впиталась в меня, подчинила и вселила уверенность в себе. Видимо, я в это поверила, но и самоубеждения мне было вполне достаточно, ведь так?

Сари я себе сшила сразу. По-настоящему, по-индийски, как положено. Уж больно захотелось срочно начать развиваться, как обещал сикх, хотя вру, просто материал был удивительной красоты. Наш дхоби порекомендовал какого-то своего родственника, портного, много лет обшивающего его околоделийский городок. Я согласилась, тот приехал. Мильный худощий старикан, состоящий из одних морщин. Зато глаза его были молодыми и веселыми. Он развернул мою неземную бирюзу – восемь метров морской воды в солнечный день – и шумно стал цокать языком.

– Какой выбор, диди, какой волшебный выбор! Это ваш цвет! И шелк хорошего качества, хлопок бы не так лежал и форму бы не удержал. – Он говорил с сильным акцентом, подыскивая английские слова. Потом приложил ткань ко мне.

– Вам сделать европейский вариант сари?

– А как это? – спросила я.

– Почти так же, только складки зашиваются. Или хотите, я научу вас носить сари так, как подобает?

– Да, интересно.

Мне всегда было любопытно узнать, как происходит это изменение – женщина, надевшая сари, восемь метров шелка, вдруг превращается в богиню. Осанка становится величественной, меняется поступь, взгляд, улыбка. Старичок завязал у меня на талии веревочку и стал как-то хитро собирать длинную материю, наматывая на пальцы широкие складки. Потом засунул

складки спереди за пояс, а остальную, несобранную ткань обернул вокруг меня в виде юбки. Длинный конец с красивой каймой перекинул через плечо. Потом взял мерки, чтобы скрыть чоли – кофточку с коротким рукавом из того же материала. Сказал, что уже завтра все будет готово. Я таких темпов не ожидала. Но назавтра он пришел вместе с нашим дхоби – они действительно были очень похожи: обтянутые коричневой кожей морщинистые скелеты, оба в дхоти – ткани, обернутой между ног наподобие штанов, в повязках на седых головах. Портной торжественно, на двух вытянутых руках и с уважительным поклоном, преподнес мне сверток из плотной темной бумаги, где лежало готовое сари. Я развернула и снова восхитилась шикарным цветом. Одевание состояло из трех частей: чоли, шайя – нижняя юбка, простая прямая, в пол, и – само сари. Надела. Сразу почувствовала себя другой. Там, в зеркале, в бирюзовой пепне, было мое индийское отражение, реинкарнация, одна из прошлых моих жизней, где мне тоже было хорошо. Убрала длинные волосы в пучок, набросила расшитый край сари на голову. Не хватало только бинди, той самой красной точки на месте третьего глаза меж бровей – символа замужества и процветания. Еще раз посмотрела на себя, вдруг решила разуться и надеть на ноги тяжелые серебряные браслеты со множеством мелких колокольчиков, которые купила совсем недавно. Слегка топнула, негромко, магически, и, как в сказке, вдруг все собралось, сложилось, срослось. Я увидела в отражении уже не себя, а настоящую индианку – глаза густо подведены сурьмой, красная, как мишень, точка на лбу, блестящие темные волосы, бирюза обволакивающим коконом, сомкнутые в знак благодарности ладони. Открыла дверь и вышла к одинаковым старикам, которые ждали.

– О-о-о, имя ваше теперь Кор, несравненная, – это значит принцесса. – Оба заулыбались, задвигали головами и прижали руки к сердцу, как родные деды, увидев любимую внучку после долгой разлуки. И что-то заворковали на своем, видимо ласковое и доброе, мне непонятное, заобсуждали, зарадовались. Стали говорить мне на хинди, забыв, что я сама другого рода-племени. А я ходила по комнате, мерно позывая десятками круглых, с перчинку, колокольчиков с чуть глухим и слегка хриплым звоном, радуясь такому музыкальному во мне изменению. Старики уже давно ушли, а я весь остаток дня так и проходила в драгоценной бирюзе в сопровождении серебряного перезвона.

А потом – когда я по совету сикха обросла уже бирюзовыми украшениями, предметиками и одеждой – все это вместе с сари сгорело в переделкинском пожаре. Видимо, холодной и спокойной моей бирюзе не хватило огня, страсти и шафрана. Коллекция начала собираться снова, но того сказочного сари больше не будет никогда, никудывшная из него птица-феникс, не возродилось оно из огня.

Италия

Рим, Флоренция, Сиенна, озеро Комо, Милан, Сардиния…

Много ездила по Италии, хотя попала туда уже совсем взрослой, повидавшей и трудно удивляемой. Но вот удивилась, и неоднократно. Небо удивило особой высотой и прозрачностью, синевой нереальной, а каждое облачко – как произведение искусства! Пейзажи красоты изумительной с хорошо поставленным светом, особенно перед закатом. Сразу видно, Мастер ставил. Все думала, почему именно в Италии такая эссенция из гениев? Посмотрела на небо и поняла, видимо, это оно так влияет на свет и тени, и природу, и обычных людей, что нельзя пройти мимо, что хочется запомнить, написать, оставить именно этот момент, именно эти облака, именно этот потрясающе освещенный пейзаж. Может, такие невероятные краски, запахи и виды концентрируют в простом человеке особо замешанные эмоции, заставляют как-то по-другому взглянуть вокруг, и из обычного рождается гениальное? Может, постоянный трепет, когда день ото дня видишь перед собой красоту, будоражит какой-то участок мозга, отвечающий за прекрасное (ведь должен быть такой, правда?), и мозг дает сигнал – бери краски, кисти и рисуй, только отстань и не трепещи! Смешно, но мы же ничего про гениальность не знаем. Что за земля такая, Италия, где, помимо винограда и оливок, вырастают Леонардо и Боттичелли, Микеланджело и Челлини? А Вивальди, Пуччини, Верди, Паганини, Россини? Чем они вдохновлялись, что слышали, как писали музыку? Что за красота такая природная, которая удивительно влияет на людей, на их душу, чувства, умения и мысли?

Даже кухня там особая, не замкнутая, как во многих странах мира, а всеобщая – пиццеобразная и спагетти-зависимая. В общем, красота творит чудеса!

Расскажу о «моей» Венеции.

Венеция

На карнавале в Венеции, 2007 г.

Как о Венеции ни напиши, все равно плохо получится. Это же Венеция!

Как добавить в простые слова звуки – пение гондольеров (редкое, конечно), шум волн, звон колоколов? А запахи – морского сыроватого воздуха, чуть плесневелых свай, горячей пиццы, кожи и кофе?

Меня часто заносит в Венецию. Останавливаюсь всегда в разных местах. В последний приезд – в старинной гостинице (тут вообще-то все старинное) с видом на площадь Сан-Марко. Маленький номерок-шкатулка, именно, номерок, на номер не тянет, но до безумия уютный, держал меня, даже не отпускал в город. Двухкомнатный: одна – комната-кровать, другая – комната-диван, между ними – пять ступенек, то есть лестница. Стены обшиты глубоким синим шелком в темно-золотую полоску, кровать и зеркала – в золоте. Чувствовала себя там как балеринка в старинной шкатулке – открываешь, играет музыка, и балеринка начинает танцевать и кружиться.

Венеция, наверное, самый фотографируемый город, других таких нет. Это ж надо было придумать строить дома на воде! Это от пресыщенности и зашкаливающего романтизма, наверное. Представляю, как визжали рыжие венецианки, когда «казановы» высаживали их, страстно прижимая к себе из кренящихся лодок! Шум, крики, смех, объятия! Наверное, поэтому и продолжали строить город, население же постоянно росло. И торговля тут была не на первом месте, главное – любовь. Видимо, с такой любовью были построены дома, улицы и каналы, что Венеция стала рассадником любви. И продолжает им быть до сих пор. Сколько здесь парочек, сколько разновозрастных людей, держащихся за руки, сколько взглядов, вздохов и поцелуев!

Стоянка гондол

Вид с площади Сан-Марко

А самые фотографируемые люди в мире – гондольеры, я в этом уверена. Как они красуются, как скользят по толпе масляным оливковым глазом, почти так же, как по Гранд-каналу на своей гондоле. А эта многозначительная улыбка для всех без исключения дам, и это влажное и чуть хриплое: «*Como stai?*»

Основных профессий в Венеции три: торговец, повар и перевозчик (по воде, естественно). Это мое мнение, никаких справочников. Весь город состоит из каналов, магазинов и кафе. Всё!

Венецианский продажный набор – это муранское стекло, кожа, маски, макарошки в виде разноцветных пенисиков и остальное по мелочи. Без маски из Венеции пока не ушел никто! Ажиотаж – в феврале, когда начинается маскарад. Маскарад азартен и игрив, к нему готовятся, шьют костюмы, запасаются адреналином. Была один раз – в восторге! Ходила среди таких же разодетых по Венеции, подол расшитого бирюзового (а какое могло быть еще!) платья волочился по Сан-Марко, глаза хлопали из-под маски. Эх, есть что вспомнить! Это же Венеция! Она любвеобильная, она принимает всех!

Еще помню, как однажды ночью боролась с Венецией. И не ожидала, что будет так бурно.

Номер был с видом на площадь Сан-Марко, прямо на толпу, прямо на базилику. Дух захватило, когда все это волшебство увидела сверху, не могла весь вечер отлипнуть от окна. Потом где-то рядом стали грохотать колокола каждые пятнадцать минут. Прекрасно! Потом полилась музыка, разная, но очень под настроение, и вот вдруг вальс Евгения Доги, помните, из фильма «Мой ласковый и нежный зверь»? Ох, как это было здорово! Под него я легла, приоткрыв окно, заснула, а на Сан-Марко началась сухая гроза. Вернее, грозища! Ветер стал гонять жестяные банки прямо внизу по мостовой, с шумом, грохотом, как дряхлый кот, вспомнивший юность. На небе засверкали молнии, и я, испугавшись, что одна может меня проводить, закрыла окно. Начался ливень. Ливень на Сан-Марко! Стеной! Когда такое увидишь сверху? Снова села, как девица у окна, и стала – что? – правильно, фотографировать капли на стекле. Наконец утихло, рассосалось, рассвело. Я заснула. Но ощущение восторга осталось навсегда.

Венеция – самый странный город из всех, что я видела. Видимо, потому, что ломает стереотипы. Везде улицы – в Венеции каналы, везде машины – тут катера и лодки; кое-где кареты и многометровые, уходящие за горизонт, лимузины – здесь элегантные гондолы с не менее элегантными гондольерами; везде выискиваешь, что бы сфотографировать, ракурс, план – в Венеции каждый план шикарный, каждый ракурс удивительный, а любая фотография гени-аль-на-я! И не потому, что ты такой хороший фотограф, просто Венеция сама раскрывается, подставляя самые выигрышные места под твой объектив, успевай только заряжать батарейку в фотоаппарате.

Венеция – сама сказка. Здесь не покидает ощущение нереальности. Где-то за углом обязательно должен ждать принц на белой гондоле, феи и маги прячутся в не хоженных туристами переулках, а разгуливающий по улицам Пиноккио, или, в крайнем случае, смотрящий на вас с витрины магазина, – вообще обычное дело.

Первый раз была здесь давным-давно, в 90-е. Вышла на вокзале, посмотрела вокруг, и мне на минуту показалось, что я вошла в исторический фильм – знаете, такой прием в кино, когда герой переносится в прошлое и попадает в какое-то удивительное место? Все на секунду застывает, и как только герой оказывается в кадре – р-р-раз – и начинается движение, слышатся крики, чувствуются запахи, ветер шевелит волосы, тебя кто-то случайно задевает, извиняется и идет дальше, кино продолжается. Вот это то самое ощущение, охватившее меня тогда, в тот первый венецианский раз. Я стояла, открыв рот, глядя на все это роскошество вокруг, и сама не могла поверить тому, что вижу. Потом, когда первый шок ушел, на лице вылезла буратинская улыбка – от уха до уха, самопроизвольно, никто не просил. И держалась всю Венецию. Потом плыли, помню, пыталась фотографировать, катер подпрыгивал на волнах, ничего не получалось. Да и, в принципе, ничего не могло получиться, одно дело – ощущения, брызги Гранд-канала, чайки, ветер в лицо, вдруг запевший шикарным баритоном гондольер и совсем другое на снимке – накренившийся борт, уплывший вбок горизонт, несколько фасадов и размытое лицо какого-нибудь проплывающего мимо туриста с широко открытым ртом.

Приехали, вернее, приплыли в шикарную гостиницу, «Danieli». Дворец просто удивительный! Перед номером – бронзовая табличка: «В этой комнате останавливалась Жорж Санд». Ну и как мне теперь в ней жить? В соседнем номере – Фредерик Шопен, а в другом – Чарльз Диккенс. Каково, а? Вошла, как в музей: старинное шикарное зеркало – она, Жорж Санд, точно в него смотрелась, тяжелые шторы на окнах, а сами окна выходят на канал, прямо над полосатыми «маркизами», затеняющими кафе на первом этаже у воды. Я запомнила тогда картинку – красно-белые «маркизы», идущие от нашего окна, желтые палки, торчащие из воды, стоянка синих гондол и бирюзовая вода. И запах свежего кофе снизу. Тоже отпечаталось навсегда. А потом – несколько дней беззаботного гуляния по Венеции, милые магазинчики с письменными принадлежностями и дорогущим мурanskим стеклом, пиццерии на каждом шагу и мои первые попытки поговорить по-итальянски.

Палаццо, а по нашему – дворец

Около гостиницы Даниэли

Шемякин средь шумного бала

Маскарадная колесница

Так выглядел средневековый чумной врач в маске

Маски животных

Без маски из Венеции не уезжал никто!

Маскарад для всех

Позже, через десяток лет, февраль, маскарад в Венеции, и снова совершенно незабываемо. Опять вокзал, открытый от удивления рот и полнейшее счастье.

Тогда Венеция показалась мне совсем другой, вернее, еще более сказочной. Просто прививилась театральность и зашкаливающая нереальность. Мы приехали специально на карнавал, все говорили, что это необходимо увидеть. Необходимо, и всё тут! Платья и маски были уже заказаны, надо было только выбрать цвет. Хотя зачем мне выбирать цвет, я его заранее уже выбрала – бирюзовый. Хотя от обилия платьев разбегались глаза. Одежда была совершенно настоящая, хорошо сделанная, вручную вышитая, из добротных дорогих материалов, Италия же – родина портных. Маскарадный ужин проходил в палаццо, куда мы приехали на украшенном цветами и еще чем-то тряпочным катере. Помню, там был до неузнаваемости переодетый художник Шемякин, который обожает Венецию именно в феврале. Он надевает черный камзол с кружевами, треуголку с пером и становится очень похожим на своих героев, только без длинного загнутого носика. Но самое интересное, конечно, не праздничный ужин. Самое удивительное было бродить эти несколько дней по венецианским улочкам – жизнь не совсем реальная, вернее, совсем нереальная – пурпурные парики и перья, носатые маски, таинственный шепот и звон пряжек на туфлях. Все здороваются: «Как вам идет это платье, синьора!», «Как нам повезло с погодой!», «Синьора, вы прямо из того времени...»

Какое это было ощущение! Словно тебе, еще совсем маленькой, разрешили побывать среди взрослых, и ты наслаждаешься каждой минутой, стараясь запомнить все до мельчайших деталей.

Я и запомнила – серое море, тогда, в феврале, оно серое, разноцветные платья незнакомых дам с чуть намоченными снизу длинными плащами, какие-то особые мужские взгляды

сквозь прорези страшных масок и чья-то сорванная ветром треуголка, унесенная к морю и брошенная с высоты прямо в волны.

Маскарад надо обязательно раз в жизни увидеть. И если уж ехать в Венецию, то – в феврале, подгадать, поудивляться, переодеться, выбрать свою маску.

Маски – дело давнее, еще со времен чумы. Средневековые врачи считали, что чумой заражаются от ядовитых испарений, «миазмов», существующих обычно рядом с болотами, что заражение происходит через отравленный воздух, который, соответственно, надо очистить и освежить. Что только для этого не делали! Жгли костры на улицах и окуривали больных дымом лечебных трав и специй, звонили в колокола и палили из пушек, чтобы воздух «задвигался», выпускали в комнате птиц, которые махали крыльями и отгоняли болезнь. А иногда вообще советовали забивать «чумной» воздух чем-то еще более вонючим – трупным запахом дохлой кошки или испражнениями, или просто больного укладывали рядом с козлами, в прямом смысле этого слова. Поскольку большинство обычных врачей сбегало из зараженных городов, властями было решено организовать и особо оплачивать специальных «чумных» врачей, которые обязаны были оставаться в городе до конца эпидемии. И чтобы хоть как-то защититься от «чумных миазмов», врачи стали надевать пугающую маску с длинным клювом, на кончик которого – как противоядие – капали благовония. Делали это для того, чтобы якобы очистить чумной воздух через этот благовонный фильтр, своего рода средневековый противогаз. В этот длинный клюв закладывалось все самое пахучее – розмарин, ладан, лаванду, терпкий лавр, розу. А поскольку маска из плотной ткани со стеклами для глаз покрывала всю голову, то дышать в этом противогазе было практически невозможно. Хотя две маленькие дырочки для доступа воздуха все же были. Представляю, какой ужас вселяли в умирающего эти фигуры врачей в черных, до пят, плащах, с длинными клювами вместо лиц и палками. Появлялись вместо самой смерти, чтобыtkнуть несчастного палкой, пробурчать что-то в свой розмариновый клюв, покачать головой в маске и уйти, унося с собой последнюю надежду. Так, видимо, умер в Венеции и великий художник Тициан, заразившись чумой от своего сына, но умер с кистью в руке, не успев закончить картину. Для самих «чумных» докторов такая масочная защита была совершенно бесполезной, но маски прижились именно с тех самых бубонных времен. Масочная «эпидемия» перешла тогда на выжившую аристократию, уж очень удобно было безобразничать, прикрыв лицо, ведь нет лица – нет и наказания. Поэтому игорные дома и бордели были наводнены анонимными персонажами-птицами в шикарных масках с перьями и блестками, которые, покуражившись и набедокуря, снимали маску и возвращались домой благочестивыми отцами семейства. «Я? А что я? Где доказательства, что это был я?» Понравилось такое и простым горожанам, ведь плохой пример заразителен. Так маски вошли в народ. Естественно, пали нравы и мораль, начались, как это водится, злоупотребления, и властям пришлось вводить ограничения, нельзя же безобразничать постоянно! Поэтому закрывать лицо можно стало только в определенные дни, которые обычно совпадали с праздниками.

Маски готовятся заранее, заказываются за месяцы и превращаются в произведения искусства. Хотя делаются всего-навсего из папье-маше. Маски всякие. Есть носатые, с клювом, пугающие – не думаю, что их очень покупают, хотя это классика, – есть под названием «Баута», когда нижняя часть маски выдвинута вперед, как нос у корабля, за счет чего ее можно не снимать во время еды. Сам Казанова ходил в «бауте», попивая вино и томным шепотом мурлыча что-то незнакомке в полумаске. По легенде, одна красавица-актриса отказалась закрывать все лицо, чтобы не прятать природную красоту, и специально для нее придумали маску, закрывающую только глаза – более привычный нам вариант. Такая маска стала очень популярной. Видела еще маски животных, но никогда не встречала в Венеции кавалера в шикарном шелковом плаще, в треуголке с перьями и в маске бегемота! Хотя...

В общем, праздник этот уникальный, замечательный и волнующий кровь. Очень рекомендую!

* * *

Именно в Венеции нашла наконец музей современного искусства, который мне понравился. Не путать с биеннале. От биеннале, что видела там, совсем не в восторге – понимаю, это плохо, скорее, говорит обо мне, – но такое обилие старых обшарпанных дверей и растопленного воска на унитазе заставляет думать об особом диагнозе художников, а не об их таланте. А в этот музей решила зайти, несмотря на то, что у входа красовался памятник огромной какашке из папье-маше. Музей в очень красивом палаццо, интерьеры наверняка сохранены при трепетном отношении венецианцев к культуре. Внутри действительно роскошно: авторские барельефы каких-то дев 1886 года, расписные высоченные потолки, резные колонны и окна – венецианские шестиметровые окна палаццо, которые я никогда еще не видела изнутри. В музее я была одна, видимо, не только я боюсь современного искусства. Но в этом музее совсем другое оно, это искусство – настоящее продолжение дел старых мастеров, в основном стеклодувов и ювелиров. Все работы с большим достоинством и, главное, с чувством юмора. Шкаф, полный разноцветных стеклянных книг-кувшинов, мурановый прозрачный рыцарь у входа в зал, зеркала – произведения искусства – которые вдобавок очень худят, что ценно, кубки зеленого уранового стекла и целый набор веселых рыцарских шлемов для поднятия настроения прекрасной dame, а заодно и противнику – так, видимо, его легче вывести из строя. Все – на уровне, ничуть не хуже, чем 200–300 лет назад. Жизнь и красота продолжаются!

В общем, если будете проходить по мосту Академии и увидите красавец-дом с огромной кучей «г...» у входа, не пугайтесь, зайдите, вам понравится, точно говорю!

В Музее современного искусства в Венеции

Зайдите, вам понравится!

Шкаф со стеклянными книгами

Была в Венеции еще не раз, стараясь прокладывать европейские маршруты именно через нее, останавливаясь хоть на день-два, чтобы подпитаться. Однажды поднялась на высоченную башню колокольни Сан-Марко, это одно из лучших мест в Венеции, по моему мнению. Раньше колокольня служила еще и маяком для проходивших кораблей – а как же, самая высокая точка города. На этой стометровой башне Галилей показывал дожам, как работает его изобретение – телескоп с увеличением всего лишь в восемь раз, что по тогдашним меркам было совсем немыслимо. Представляю, как поднимались к нему, простому ученому (это для нас он великий Галилей, а для них был простым ученым), эти разодетые в пух и прах тучные дожи, втискиваясь в узкую винтовую лестницу, ведущую на самый верх. Как пыхтели и останавливались, не в

силах ступить больше ни шагу, как пережидали, ловя ртом воздух, чтобы осилить очередную ступеньку. А там, наверху, глядя в Галилееву трубу, удивлялись и цокали языком, всматриваясь в Луну, вдруг ставшую близкой, или в красненький, вполне различимый Марс, превратившийся из точки в жирную точку. Но больше всего их, конечно, поразила возможность рассматривать корабли, лодки и даже людей, которых можно было узнать и детально разглядеть. Да, и в восемь раз приблизились окна, за которыми легко различились рыжеволосые венецианки.

Да и я сама не могла оторваться от удивительного вида на залив и Венецию под ногами, на все стороны света, уходить не хотелось. Единственное разочарование – лифт, пешком нельзя. Лесенка действительно маленькая, винтовая, уже довольно ржавая. Если по ней пустить толпу, представляю… А смотритель – ничего, – ходит туда-сюда, и вестибулярный аппарат небось лучше всех с такими-то тренировками. Однажды башня упала, в начале XIX века. Вот так взяла и упала, никого, слава богу, не убив. Потом снова отстроили.

Сверху – потрясающий вид на земную и водную венецианскую жизнь. Все хотят запомнить, нафотографировать, поделиться такой красотой. Вдруг – БОМММ!!! Прямо над головой, на расстоянии вытянутой руки, «заговорили» колокола. Первым ударил маленький, чтобы мы собрались и подготовились к тому, что будет. А дальше заговорили большие. Они раскачивались прямо над головами, связанные какими-то канатами и бьющие так, чтобы было слышно всей округе. Казалось, они раскачивали саму башню. Я слушала их звон, как будто звенела сама, наполняя этим звуком, и смотрела, не отрываясь, на огромные, ударяющие по колоколу языки. Потом что-то такое со мной произошло, и я зарыдала. Я, вообще, девушка не плаксивая, слезы у меня – на вес золота, редко такое бывает. А тут вдруг, совершенно неожиданно, мой плач зазвучал в качестве аккомпанемента чудесному звону. Тот самый случай, когда я могу это объяснить какой-то подсознательно накопленной веками памятью, передающейся вместе с генами. Не знаю, как там это по-научному объяснить, ну вот как повадки, цвет глаз, какие-то основы основ и неким фоном – вечный колокольный звон, который всегда созывал люд на вселенский плач или праздник, на пожар или войну, на службу церковную, на благость. И я уже была частью этого звона, и подсознательный, а может, и осознанный трепет вырывался на волю горючими слезами. Стояла, слушала, растворялась. Звон был долгим, громогласным, могучим, проходящим через меня насквозь. И вот закончился, отсчитав положенное время. А я стояла, совсем другая, притихшая, вспомнившая почему-то наших, похороненных здесь, в Венеции, на острове-кладбище – Бродского, Дягилева, Стравинского. Почему именно здесь? Почему в таких странных театральных декорациях? Почему все они были связаны с Венецией?

Первый, кто лег здесь, на кладбищенском острове Сан-Микеле, – Серж Дягилев. Сбылось пророчество цыганки – суждено было Сержу «умереть на воде». Тоже был влюблен в эти вечные венецианские театральные декорации. На могиле всегда лежат пуанты – примета среди балетных: если принести и оставить их около стоптанных мраморных, то ждет успех. Правда, пуанты необходимо утяжелить песком или камнями, чтобы не унес ветер.

По венецианским «улицам»

Большой канал

Второй великий композитор Игорь Стравинский, тоже влюбленный в город и завещавший похоронить себя рядом со своим другом Дягилевым. Умер он в Нью-Йорке, но тело перевезли в Венецию, пышно, чинно, церемониально. Эту гондолу с гробом Стравинского среди всех провожал и Бродский: «Вот – Большой канал, туда Стравинский поканал». А сам Бродский «поканал» на кладбище посреди моря через четверть века.

У Бродского все объяснимо: любовь к венецианке, а видимо, через нее к – Венеции (чем-то похожей на родной Ленинград), и неизвестно, любовь к чему была на первом месте – к женщине или к городу. Он все время возвращался, прилетал на Рождество и совсем не принимал летнюю, жаркую и тесную от людей Венецию – только зимой, только зимой... И влюбленность в город примагнитила его навсегда, не сбылись брошенные когда-то в воздух строки:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.

Нет, не пришел. Остался вечно зимней для него Венеции. «Letum non omnia finit» – «Со смертью все не кончается» – написано на его могиле. И почтовый ящик с бумагой и карандашами, видимо, для переписки с поэтом. Были ли ответы?

Йосиф Бродский

Сколько раз ни приезжала в Венецию, все хотела попасть в базилику Сан-Марко, но время терять в огромной очереди было жалко. Когда в последний приезд остановилась в отельчике, выходящем прямо на площадь Сан-Марко и базилику, много часов провела у окна – оторваться от этой красоты было невозможно. Заметила у храма еще один вход, куда туристы неходят. Там вечно стоит охранник, пожилой, не очень улыбчивый. Он приходит около семи утра, переодевается и начинает подметать у входа мусор, который ночью наносит ветром в этот уголок. Потом снова переодевается – синие брюки и голубая рубашка с бляхой – и становится полноправным охранником. Рано утром в этот закрытый вход торопятся люди. Я удивилась, что он пускает почти всех, ничего не спрашивая. Иногда, правда, кого-то заворачивает. Не позавтракав, побежала к этому потайному ходу. Кому он разрешает пройти? По какому принципу отсеивает? Сейчас не пустит, думаю, вот точно не пустит. Вблизи старичок оказался не таким уж мрачным и неулыбчивым.

– Доброе утро, синьор, еще не поздно? – решила почему-то спросить я.

– Прекрасное утро, синьора! Нет, только начали, вы в самое время! – И открыл мне дверь.

Действительно, было еще не поздно. Я попала на утреннюю мессу. Голос неимоверной красоты и тембра пел молитвы на любимом итальянском. Венецианцы смиренно стояли, глядя в пол и внимая каждому слову священника. Прислушиваясь к звуку голоса, я рассматривала храм. Он действительно стоил того. Построен на месте погребения святого евангелиста Марка, покровителя Венеции. Построен очень по-византийски – большой торжественный храм с пятью куполами, с красивой галереей, весь в разноцветном мраморе, резьбе, фигурах-скульптурах, мозаике и разномастных колоннах. Раньше он был хранилищем сокровищ, привезенных со всего света, эдакая демонстрация венецианского могущества. Трофеи привозили отовсюду – и украшали ими базилику: древние резные пилоны и большая античная колонна из порфира –

из крепости Аккра в Сирии, скульптуру «Четыре мавра» умыкнули из Египта еще в IV веке, большая бронзовая квадрига над главным входом привезена из Греции. Вот так, с миру по нитке, одно разоряли, другое украшали, как праздничный торт.

Храм весь светится изнутри – повсюду, включая пол, чудесная, словно золотая, мозаика. Хотя на самом деле многие фрагменты и правда выполнены из чистого золота. Фрески, будто объемные, чуть «выходящие» из стен. Поначалу для работы над мозаикой в храм приглашались византийские мастера, но со временем венецианские подмастерья раскрыли все их секреты и стали зарабатывать на этом сами. Самое необычное в храме – алтарь, усыпанный драгоценными камнями. Лично я такое количество дорогих камней видела только в мультике про Али-Бабу и сорок разбойников.

В общем, базилику Сан-Марко посмотреть, при возможности, надо, там все дышит стариной, завоеваниями, отношениями, властью, искусством, историей. А остальное вы додумаете сами.

Когда я выходила из базилики, чужая среди своих, старишок-охранник кивнул мне и улыбнулся:

- Как вам сегодняшняя месса, синьора?
- Bellissimo, come sempre, signor!
- A domenica prossima, signora!
- Ciao!

Исландия

Памятник морякам на набережной Рейкьявика. Говорят, у этого памятника можно увидеть призрак утонувшего моряка

Однажды в Америке почитала «русскоговорящие» газеты.

Узнала, что есть, оказывается, гендерные маршруты, куда девушкам ездить не стоит из женской солидарности. Во-первых, в Турцию, где президент заявил, что женщин нельзя равнять с мужчинами, так как это противоречит природе и исламу. Во-вторых, в Индонезию. Там девушек-полицейских заставляют проходить тест на девственность методом пальпации. Кто проводит тест, не уточняется... В-третьих, в Сальвадор. Там самое жесткое в мире антиабортивное законодательство – «всего-навсего» 30 лет тюрьмы за аборт. Потом в Саудовскую Аравию – там совсем недавно запретили тетенькам входить в ресторан без сопровождающего мужичка, вдруг она сразу бросится к кому-нибудь на колени? В Кению тоже не рекомендуют – там живет и побеждает традиция женского обрезания самым что ни на есть кустарным способом.

Еще женщин притесняют в Иордании, в Марокко, в Египте, в Тунисе, на Маврикии и на Мальдивах. Так что в знак солидарности сидите-ка вы дома, бабоньки! Хотя нет, езжайте в Исландию, там все равны. Я была, проверила, подтверждаю.

В поездке писала что-то типа дневника и решила все в таком виде и оставить: с датой, со свежими эмоциями – все как положено.

28 июня 2014 г

Окраины Рейкьявика

Только что прилетели в Рейкьявик – исполнила наконец свою давнюю мечту!

Во-первых, в институте был первый язык – исландский, который я потом практически поменяла на французский. Еще с детства была уверена, что Исландия – страна викингов, эльфов и селедки. Это меня, конечно, интересовало, но чтобы язык учить… Узко мне это было, не хотела я ограничиваться одним лишь языковым островом, хотелось лингвистического пространства и нечеловеческого размаха. Английский знала. Исландский отвергла, взяла любимый, картавый. Но все равно мечтала когда-нибудь приехать и посмотреть-послушать, от чего в свое время отказалась. С первого вздоха кислород сбил с ног.

Воздух морской, свежий, островной. Погода пока солнечная – тут белые ночи. Курятся себе вулканчики, небо красивое, где свинцовое, где голубое, облака высокохудожественные, люди улыбчивые. Девушки-красотки с огромными голубыми глазами и, естественно, блондинки.

Красоты красотами, но когда пришло время поесть, мы поняли, что в рестораны необходимо записываться, иначе шансов нет, с улицы почти не попасть. А так надо попробовать местное: из рыбы – треску, пикшу и зубатку, а из мяса – баранину, все непривычно свежее. Но особо рекомендовали акулу – национальный деликатес – исландскую тухлятину, честно говоря. Но об этом потом.

30 июня 2014 г

Как говорит моя умная сестра, надо стараться как можно чаще делать что-то впервые. Желательно каждый день. Хоть пустяк, хоть самую малость. И жизнь становится намного интереснее и наполненнее, чем раньше.

Так вот, за эти два дня я много всего переделала впервые.

Вчера ела мясо кита. Через не могу и через не хочу... Ничего так кит оказался, очень даже!

Видела, как дышит земля, чуть потрясываясь мелким бесом и извергая из себя фонтанище кипятка на 30 метров вверх, приводя в телячий восторг людышек. Первый увиденный мной живой гейзер.

Ела хлеб, испеченный в лаве, – потрясающий на вкус.

Видела первый в своей жизни большой водопад (маленькие карельские – не в счет) с радугой, с колотящимся от счастья сердцем, с миллионами брызг в воздухе, с оглушающим мощным шумом. «Можно жить дальше!» – подумала я.

А ближе к ночи полезла в гору. Реально. Однажды в гору поднималась на фуникулере, а оттуда – пешком, а вчера – все по-взрослому, как настоящая скалолазка. Красота неописуемая: горные речки, поля синих люпинов и родимой успокаивающей живой валерианки. Предательские камни под ногами, сильный ветер. Ночью в гору на 900 метров (для меня мировой рекорд, не смейтесь), а потом – с горы.

* * *

Исландия – именно та страна, где многое можно делать впервые в жизни. Я люблю музеи, и здесь тоже, конечно же, решила пойти.

Мама прислала ссылку на единственный в своем роде музей в мире – фаллогический! Заботится о нашем с сестрой развитии. Хотела еще, чтоб мой младший 13-летний сын сходил с нами, но он в последний момент чего-то застеснялся и не пошел.

В такси адрес водителю не сказали – просто сообщили название музея. Без вопросов – привез моментально.

Музей крошечный, при входе – крупный каменный член в виде пушки. Вход 1250 крон и инструкции на разных языках.

В музее как – сначала всех надо поразить и заинтриговать. Здесь поражают размером. У входа висит пенис кашалота – самый большой в мире. Далее – по убыванию. Из наземных обитателей самый большой – у слона, оно и ясно.

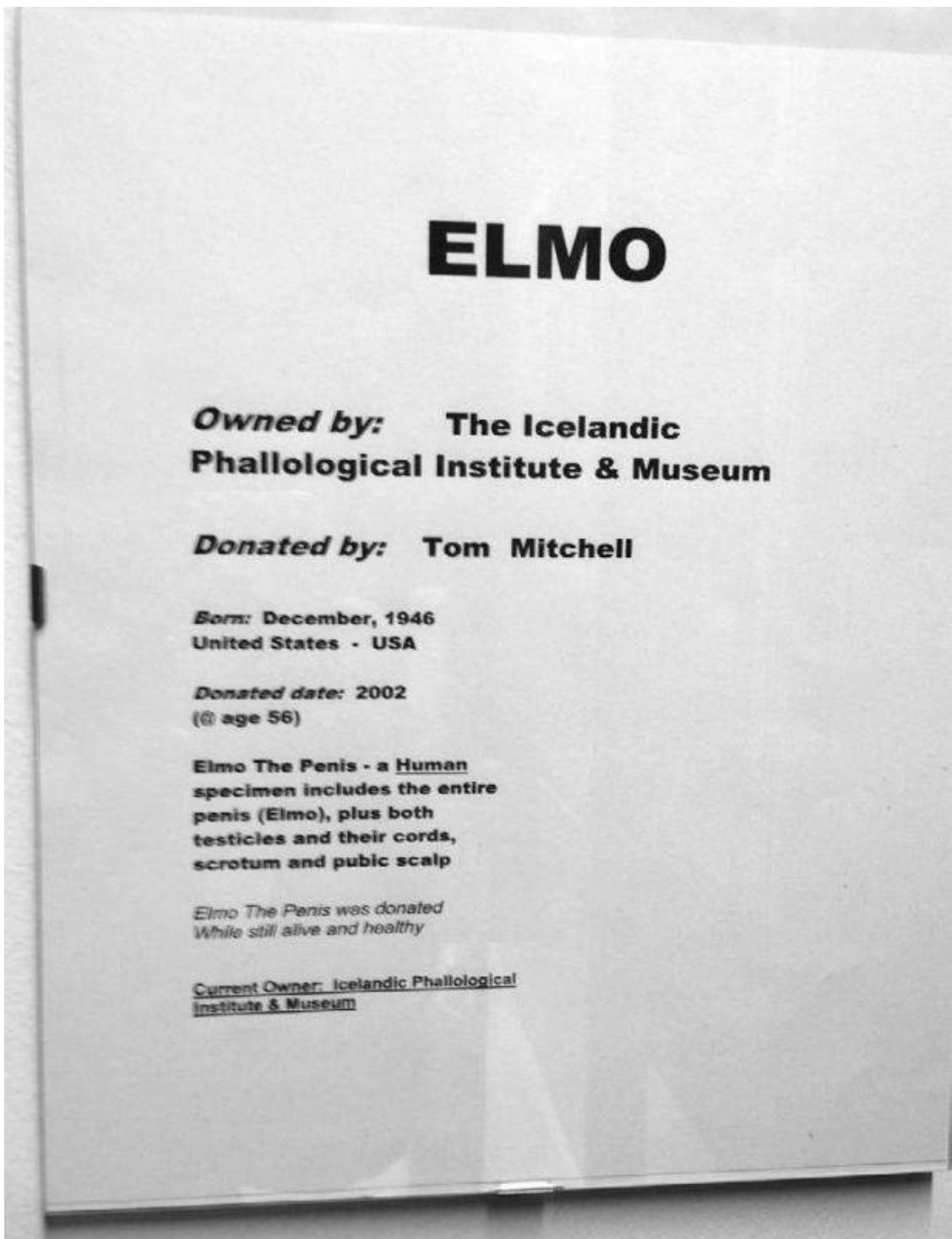
Немного сковывает и напрягает то, что все это дело – отрезанное, и в колбах, как в кунсткамере... Неприятно... Хотя, может, было бы намного неприятнее, если бы там по подиуму ходили хозяева человеческих пенисов, которые они завещали этому милому музею. Завещать член – этого я вообще понять не могу! Знать, что тебе под корень отрежут «достоинство», заспиртуют и поставят на полку среди других таких же уже не детородных и безжизненных? Один мужичок публично заявил, чтобы после его смерти член срочно отсоединили от тела и прямиком – в маринад и в музей. Но зажился старик на свете, и «причина» у него совсем усохла, а когда ее еще и замариновали в неправильном рассоле, она стала микроскопической и могла бы поступить в музей только как казус человеческий. Или с микроскопом в придачу. Еще пара чудаков сделали то же самое. При жизни, думаю, были эксгибиционистами и ими же решили остаться после смерти. В общем, не самый познавательный музей, впечатления жалкие, в прямом смысле: я представила всех этих мужских особей, у которых ухмыляющийся

хирург отнимает их единственную ценность, которой они так дорожили при жизни. «Это? В музей? Ну-ну...»

А почему музей членов находится именно в Рейкьявике, я так не поняла.

Дверь в туалет в Музее пенисов

Дарственная на член музею от одного странного человека

* * *

Вчера нам на полном серьезе сказали, что эльфы – официальные жители Исландии. Правда-правда. Даже в фаллогологическом музее есть такой экспонат – пенис эльфа. Витиеватый и с шишечкой на конце. То есть всё на полном серьезе. 53 процента населения верят в существование эльфов, остальные верят, но стесняются об этом сказать. Об эльфах пишут в исландских газетах, говорят по телевидению. С эльфами советуются, особенно когда надо

вести строительство, ведь они невидимы и им можно навредить ненароком. Так раз и случилось – вели взрывные работы во время строительства дороги, и, говорят, погиб эльфийский король. Тогда эльфы попросили людей (они снятся избранным, и те «озвучивают» их просьбы), чтобы мэр Рейкьявика извинился перед эльфийским народом и на несколько дней приостановил стройку, пока эльфы не найдут себе новое место жительства. И что вы думаете – стройку приостановили, хотя мэр приносить официальные извинения отказался. Об этом писали на первых страницах официальные газеты Рейкьявика.

Существует 30 разновидностей эльфов – есть тролли, феи, всякие хоббиты. Есть прячущиеся эльфы. Есть добрые и злые, светлые и темные. Светлые считались мудрецами и волшебниками, были удивительными творческими существами, поэтами и музыкантами. Красоты, говорят, неописуемой, которая могла запросто ослепить простого смертного. Хотя некоторые люди их видят. Есть эльфы такого же роста, как мы, есть маленьского росточка. Исландцы любят их и приветают. Строят у себя на участках маленькие домики, поставленные специально для эльфов. Но главное, стараются никогда их не тревожить. Не сдвигают огромные валуны, считая, что это жилище эльфов. Даже большие стройки ведут с учетом расположения больших камней, чтобы обойти их стороной. Есть известные ведуны, которым снятся эльфы и во сне рассказывают, как кого лечить, дают советы по ведению дел, просвещают, одним словом. Утром ведунья просыпается, быстро свой сон записывает и рассказывает округе, что и как надо делать. И все вроде сходится. Я тоже хотела приобщиться, хотела увидеть эльфов, старалась, смотрела во все глаза. А вдруг? И около их камня, есть такой, где вход в эльфийский город, положила конфетку, так надо, хотела задобрить. Но мне никто не приснился. Оно и понятно, я ж чужая для них.

Эльфы в Исландии живут под камнями

* * *

Выезжаем из Рейкьявика. Наш гид – милая девушка Таня, которая живет здесь уже 14 лет, говорит:

– Тут за городом у нас промышленность: молочная фабрика, шоколадный завод, протезная фабрика, лимонадная фабрика…

Вот такой необычный набор исландской промышленности. Есть, правда, алюминиевая – она дает основной доход – и животноводство – барашки тут и правда шикарные. Помидоры-огурцы свои, теплицы-то гейзерной водой обогреваются.

Но вообще, жизнь островная – тяжелая. «Живут, как на вулкане» – это про них, климат все-таки довольно суровый, до Арктики рукой подать, даже белые медведи иногда на льдинах доплывают. Дважды население острова уменьшалось больше чем на третью – в Средние века завезли бубонную чуму, а через пару столетий взорвался вулкан, и снова трети населения не стало.

Так что относятся исландцы ко всему с осторожностью – уйти-то некуда. Даже ввели шестинедельный карантин для домашних животных, а ввозить экзотику вообще запрещено.

С собаками и кошками тоже сложно: власти считают, что животные должны жить за городом, на природе, а не в городских квартирах. Чтобы поселить питомца в квартире, необходимо спросить разрешение у всех соседей. Вот один злой попадется, и всё…

Диких животных в Исландии очень мало – полярные лисы, они же песцы, норки, зайцы, олени, ну редко когда белый медведь из Гренландии на льдине приплывет, но его сразу убивают, потому что он может задрать других животных, а тем уйти некуда – остров опять же. Зато огромное количество и разнообразие птиц – одних уток 72 вида.

Деревья почти не растут, если и есть, то низенькие, кустарниковые формы, чтобы противостоять ветрам. Поэтому руку человека видно сразу – стоят высаженные лесочки одного возраста, стройными рядами. Неинтересно.

Зато песок мне тут понравился: совершенно черный, вулканический, непривычный. Везде застывшая лава, пемза, из которой многое делают для жизни – посуду, мебель, декорируют ею дома. Иногда пемза красного цвета, с примесью железа, – красиво.

Очередной водопад

Так выглядят исландские развалины

* * *

Теперь о еде.

Есть и пить одновременно исландцы не умеют. Мы в России, например, можем есть и пить на протяжении многих часов. И даже дней. У них же главное – побыстрей поесть, чтобы побыстрей начать пить. Поели, убрали и начали пить. Пьют крепкие коктейли и запивают пивом. Дуреют моментально! У многих северян – финнов, эскимосов, исландцев – отсутствует фермент, который расщепляет алкоголь. Опьянение наступает очень быстро, раз в пять быстрее, чем, скажем, у крепких челябинских парней. При этом самые северные эти северяне, напившись, не просто поют песни или бьют друг другу морду, что было бы понятно и естественно, а входят в транс и начинают типа «разговаривать» с эльфами, духами или другими сказочными персонажами. То есть ведут себя стрёмно.

Долгое время в Исландии был сухой закон, поэтому тот, кто хотел быстро «накидаться», чтобы полицейские его «не застукали», запивал водку пивом – отсюда и повелось. У исландцев нет такого, чтобы они красиво и культурно «отдыхали», как мы, – с тостами, многодневными загулами, требованием продолжения банкета. Им главное – побыстрей махнуть рюмаху в угол, озираясь, как школьник, которого вот-вот застукает родитель за постыдным занятием. Гурманство, как таковое, у них, товарищи, совершенно не развито.

Еда тем не менее очень вкусная, потому что качественная.

Традиционная исландская еда – рыба (треска, пикша, лосось, зубатка) и баранина. Хлеба долгие столетия не было, вместо него использовали сушеную треску. Представляете исландский гамбургер – треска-котлета-помидорчик-треска. Вместо булочки. Жуть!

Про исландскую селедку мы все знаем и любим ее, родненькую, под водочку и с бородинским хлебушком. Исландия тут вроде как и ни при чем, русская еда это для нас.

Еще есть исландский мясной суп, похлебка такая, очень зимняя и согревающая. Ели мы ее в одном придорожном кафе посреди поля из камней и вулканической застывшей лавы, черной, неживой. Собирался ураган, в воздухе металась водяная взвесь, ехать дальше в горы было опасно, о чём нам говорило табло, стоящее около дома. На табло высвечивались цифры: скорость ветра 79 км/ч, температура 13 градусов тепла. Народу в кафе было много, на штурм никто не рассчитывал, рисковать не отваживались, ведь ураган мог запросто сдуть тяжелый джип в пропасть. Я за 10 дней пребывания в Исландии видела две «сдутие» с дороги искореженные машины. В кафе был настоящий аншлаг, обветренные краснолицые мачо в промасленных комбинезонах и с всклокоченными волосами смиренно ждали, пока природа выпустит их на волю.

Подача еды в исландских ресторанах всегда на высоком уровне! Это гейзерский хлеб, взбитое масло и черная соль

«Хлебный» отдел в магазине. Вяленая треска

Меню не было. Просто на почетном месте стояло несколько больших чанов с горячей, вкусно дымящейся едой. В одном – наваристый мясной исландский суп из баранины, его готовят повсюду, и еда эта вполне будничная. В другом – картофельное пюре, размолотое с рыбой, белесое, с мелкими крапинками.

Сначала мы взяли суп, который, в общем, ничем особенным от других мясных супов не отличался, просто очень подходил под исландскую погоду, согревал его пожирателя, радовал желудок и надолго оставлял чувство сытости. А что еще надо во время путешествия? Пока не забыла, мы попросили добавку, которую нам сухая, как вобла в очках, исландка дала бесплатно, сдержанно растянув проволочные губы в такой же сухой, как и сама, улыбке. Баранина в Исландии – любимое мясо. Коров держат в основном для молока, мясных пород почти нет. И говядина дороже, видимо, из-за своей экзотичности. А овечки-барашки, вон они, по всем исландским дорогам пасутся, дышат островным воздухом, едят свежую травку и даже маринуются изнутри, поедая ангелику, лекарственно-пряное растение, которое у нас зовется дягилем. Дягиль придает мясу чуть уловимый аромат чего-то восхитительного, совсем не того, чем пахнет обычный промышленный баран. Мясо получается намного нежнее и сочнее. Надо сказать, баранов вдвое больше, чем исландцев.

Вот он, мясной исландский суп, хотя странно, что он имеет национальность, скорее это домашний мясной суп!

Именно для исландского нужно брать баранину. Говядину и свинину едят очень мало.

На литр воды:

400 гр. баранины;

1 луковица; 2 картошки; 2 репки; 2 морковки; 1 ст. ложка риса; 1 ст. ложка особой исландской соли с ангеликой, можно, конечно, и простой; петрушка, укроп, корешки.

1. Варится, как и все мясные супы, – сначала бульон, в который постепенно добавляются овощи и рис. В кипящую подсоленную воду положить мясо, снова довести до кипения, снять пену и уменьшить огонь. Варить на слабом огне 20–25 минут.

2. Пока мясо варится, подготовить овощи и нарезать их небольшими кусочками.

3. В кипящий бульон добавить овощи, рис и смесь из сухих и свежих трав, варить на малом огне еще 30 минут. За 10 минут до готовности достать мясо из кастрюли, порезать на куски и снова отправить в кастрюлю.

4. Готовый суп снять с огня и дать настояться 10–15 мин. Я бы еще положила дольку раздавленного чеснока. Суп получается очень сытный, ароматный, наваристый и густой, нечто среднее между первым и вторым блюдом.

Суп исландцы уважают

Остальные супы довольно непривычные. Но главное, они есть. Непривычность в странных ингредиентах – ржаной хлеб, яйца, масло, ягоды, сухофрукты (не суп из сухофруктов, а уха с черносливом и курагой!). В рыбные супы, я заметила, обязательно добавляют сахар, чуть-чуть, конечно, и мне это нравится. Бабушка тоже меня учила во все блюда добавлять сладость. Однажды в борщ вывалила половину банки клубничного джема, и суп получился сказочной вкусноты! Может, в нас течет исландская подсахаренная кровь? Кстати, о крови. Очень популярная домашняя еда в Исландии – кровяной пудинг. Приносит мама домой литровый бидончик со свежей ягнятиной кровью, процеживает через марлю, чтобы сгустков не было, разбавляет двумя стаканами воды из-под крана (она полезная, минерально-термальная) и добавляет две чайные ложки морской соли. Потом – бараний жир и муку. Все смешиивается, заталкивается в промытую баранью кишку и варится. Получается черная страшная колбаса с кровяным вкусом. Кому-то нравится, особенно викингам.

Многие продукты в Исландии уникальны. Это же остров, и употреблять в пищу раньше можно было только то, что там водится. Тупиков, например. Это североатлантические птицы, у которых много названий – толстячок, арктический монашек или арктический братец. Птица очень талантливая, умеет делать почти все: прекрасно плавает, летает, бегает (что для

птиц редко) и, как зверек, роет длинные ходы, где предусмотрены отделанная пухом комната и отдельный туалет. А еще тупик единственный, кто собирает много мелкой рыбы в клюв одновременно, чтобы принести птенцу не одну, а сразу с десяток-другой мелочовки. Живет с одной женой всю долгую жизнь, до 30 лет. Если, конечно, его не убивает человек. Ловят тупиков обычными сачками. Может, раньше птиц и били для пропитания, но сейчас это стало скорее туристической забавой, экзотическим продуктом, который, кстати, особой вкуснотой не отличается – простое птичье мясо, сильно пахнущее рыбой. Хотя тупиков довольно много, за их популяцией следят, и если у птички во рту гирлянда из рыбешек, его не трогают, значит, он спешит домой к своему единственному чаду.

Красавец, правда? Тупик

Китятина. Говорят, что самое вкусное место – у хвоста

Процесс вяления акулы

Тот самый кусочек тухлятины с тминной водкой

Еще во всех супермаркетах продается китовое мясо, жирное, как печень, черно-красное. Поскольку кит – млекопитающее, то и готовят его, как говядину. Его можно быстро обжарить, по минутке с каждой стороны, или долго-долго тушить до мягкости. Пробовала, вкусно.

Еще одно традиционное исландское блюдо – тухлая вяленая акула, хаукарль. Есть гренландскую акулу, в принципе нельзя, она ядовита. Дело в том, что у гренландской акулы нет ни почек, ни мочевыводящих путей, и вся ненужная отработанная жидкость поступает в кровь и выводится через кожу. Поэтому пропитанное аммиаком мясо для человека ядовито. Викинги придумали способ, чтобы выветрить аммиак. Вот так: ее, только что пойманную, разрезают на 10-килограммовые куски и кладут под гнет на два месяца. Вся жидкость потом сливается. Затем подвешивают на крюк на целых полгода, и остатки аммиака выветриваются. И, наконец, разрезают на мелкие кубики и едят накалывая на зубочистку. Раньше викинги закапывали акулу на берегу, где гуляли приливы и отливы и делали на месте «погребения» отхожее место («по-маленькому» только), чтобы придать мясу еще более сильный запах и, стало быть, характер. Акула всегда считалась у них панацеей от всех болезней. Еще бы, плавает около своей Гренландии по 200 лет, ничем не болеет, мечта! Видимо, консервируется там, в холодных арктических водах, и все процессы, в том числе и старение, идут медленно и нехотя. Так что

эта рыба – с определенным настроением, характером и вкусом. А сдобренная мочой – ммм... Акулу едят, запивая тминной водкой. Мочевина и тмин – странное сочетание, но мне понравилось. Оказалось, вполне приличная рыба. Выглядит как сало, от бело-розового цвета до светло-коричневого. На вкус – как жирная солено-вяленая рыба. Запаха особого нет, если подносишь кусочек к самому носу. Но когда входишь в комнату, где пакет с акулой только что открыли, хочется срочно выйти на свежий воздух. Ничего особенного, просто ощущение, что прорвало канализацию. Зато когдаешь эту рыбу с пониманием того, что в ней все витамины мира и все омеги 3–4–5–6–7 и 8, это становится самым лучшим деликатесом. К устрицам, думаю, не у всех гурманское отношение, да? Я пыталась несколько раз их есть, и только усилием воли не кривилась, заедая гримасу огромным количеством французского багета. А тут и вид пристойный, и вкус вполне, и польза (у них, кстати, полки три в аптеке занимают акульи витамины, но в качестве кушанья она намного полезнее). Так что по всем параметрам устрица с акулой и рядом не стояла или не лежала.

Да, забыла сказать, в Исландии нет милых нам сердцу рынков. Все продукты продаются только в супермаркетах, включая тухлую акулу, китятину, тресковые щеки, квашеные тюленьи плавники, «тупиковые» яйца и другое интересное.

* * *

Была очень удивлена, что в Исландии приглашают в гости со своим алкоголем. Любишь виски – тащи, ставь около себя и пей, а остатки забирай домой – твоя ж бутылка! Короче, что пьете, то и приносите. Тогда и еду надо б с собой, хотя какой тогда смысл в гости идти? Поговорить можно и по телефону. За самим ужином алкоголь никогда не пьют – только после. Связано такое благовение перед алкоголем, наверное, с его дороговизной. Сухой закон отменили не так давно, в конце 80-х, когда решили, что надо вытеснить датское питье и продавать что-то свое. Долгое время свое в Исландии было только пиво – хмель растет в изобилии. Потом появились всякие настоящие на травах и ягодах водки, и стали продавать их. Правил для продажи алкоголя несколько: он должен быть дорогим, чтобы им не злоупотребляли, продаваться в отдельных магазинах и в ограниченное время – с 10 до 18 часов.

В Исландии свой язык гостеприимства – если приглашают на детский праздник родителей с детьми, то алкоголя, даже пива, родителям точно не дадут, и если присыпают приглашение в гости на 15.00, пиши пропало – это всего лишь чай. Ну а на ужин несите сами ваши любимые напитки.

В гостях

2 июля 2014 г

Пришла к гадалке, уж очень захотелось испробывать всю возможную экзотику, а не только тухлую акулу и горячие источники.

Тем более что в 18 лет уже была – ходила в Ереване к гадалке на кофейной гуще, и та наобещала мне трех сыновей. Исполнилось!

Исландская колдунья – высокая, иссиня-черноволосая, с длинными ресницами, среднего возраста, в белых в черный горошек колготках и в красном вязаном балахоне – импозантная, как сказали бы у нас.

Сигридур. Так ее звали. Сразу обняла, внимательно посмотрела, пригласила в свой кабинет. Попросила написать имя, дату и год рождения. Посчитала, закрыла глаза, запела, держа меня за руки. И стала все про меня рассказывать. А я слушала, будто так оно и надо, словно про моих скелетов в шкафу можно прочитать в любой исландской газете.

– Записывайте то, что я говорю, так легче потом проверить будет.

Разложила на меня карты таро – первый раз в жизни.

Сказала, помимо всего прочего, что я очень много путешествую и постоянно что-то праздную (ну да, открытия выставок, а их у меня уже 200!), что должна «лечиться» природой – мне ее катастрофически не хватает (ага, центр Москвы – не самое подходящее для жизни место), что у меня много направлений в работе и многое другое, известное только мне.

Держала за руки и пела. Протя-яжно так… и дико.

После сеанса сказала: «Пойдемте, я покажу вам свою коллекцию. Не всем показываю. Вам будет интересно».

Отвела в комнатку, где на полках стояли, лежали и висели шляпки-шляпки-шляпки. В основном самодельные. Из старых абажуров, перьев птиц и исландского мха. Специально посвященная шляпкам комната.

– Тебе интересно жить, Катарина. Возвращайся, тебе должно здесь понравиться.

Летняя форма одежды – плащ на теплой поддевке

Исландская гадалка Сигридур

* * *

Во многих странах, я заметила, обязательно должна быть своя «Голубая лагуна», некая общечеловеческая мечта о райском уголке: красивая бухта, голубая вода, коктейли и девушки в бикини. Есть такая «Голубая лагуна» и в Исландии, хотя вода здесь не голубая, а белая, из-за какой-то жутко полезной глины, а вместо девушек – милые старушки, которые хотят жить вечно или хотя бы сбросить десяток лет. Сюда съезжаются со всего мира, чтобы искупаться в «молочном» источнике – 60 процентов океанической воды и 40 – термической. Еще добавлены глина и сине-зеленые водоросли, в которых живут особые бактерии, не знаю, как их там по фамилии, которые оказывают магически-оздоравливающее влияние на кожу и иммунную

систему. Вода – белая, горячая, непрозрачная, соленая, с голубоватым отливом. И с огромным количеством людей.

Выяснилось, я экстремал, поэтому решила сходить, вернее, сплавать на подводный массаж. Его делают прямо в бассейне в специально огороженной бухточке. Надо забраться на надувной матрасик, закрыться тяжелым мокрым полотенцем и расслабиться на час. Расслабиться поначалу сложно, поскольку надо приоровиться и не соскользнуть под воду, когда массажист довольно часто погружает тебя по ноздри, как бегемота, чтобы полотенце не охлаждалось. Мне достался местный Иван Царевич, то есть Йон Царевич. Огромный увалень в черном костюме водолаза. Улыбчивый, блондинистый, веснушчатый, голубоглазый и похожий на двоеизларцаодинаковыхлица, помните мультфильм? И очень какой-то располагающий. Рядом народ на матрасиках, как поплавки в белой воде, а над ними другие колдуют, красота нирванистическая.

Только расслабилась – начался нерельный исландский ливень, и я поняла, почему Иван Царевич в костюме водолаза. Крупные капли, каждая размером с плевок великана, заливают лицо, водолаз втирает в мою руку масло и постоянно за эту скользкую руку ловит уплывающую меня. Хотя кайф я все-таки словила – экологически чистый исландский ливень и экологически чистый массажист в костюме водолаза – это вам не кот чихнул!

Молочные реки, но не кисельные берега

Остров с автоматическим подогревом

3 июля 2014 г

В одной из прошлых жизней, видимо, я была амазонкой.

Поняла это, когда впервые села верхом. Здесь, в Исландии. Может, решилась на такое геройство, узнав, что исландские лошадки – маленькие, такие почти пони, если что, падать невысоко. Ростом с огромную собаку, с плотной кокетливой челкой, большеголовую, косматую, крутобокую – такую коняшку мне выбрали. Собственно, она не особо отличалась от других ее подруг. Я сказала конюхам, что мы приехали из далекого африканского племени и таких животных в жизни не встречали. Просила самую сонную и спокойную, чтоб была мне под стать. Действительно, просьбу мою учли и дали совсем снульную милую кобылку с нерусским именем Карре Фнуур, как из детской сказки. Хозяин конюшни уверил, что лошадь практически автоматическая, все стоят – она стоит, все бегут – она бежит. Показал, как держаться в седле, и дал поводья.

– Здесь, как и в любом другом деле, надо выглядеть профессионалом! – сказал он и легко ударил коняшку по заднице, в смысле по крупу. Она и пошла.

Казалось, мое тело вспоминает навыки прошлых поколений на каком-то генном уровне. Сначала, конечно, было непривычно, что под тобой что-то движется само по себе. Но как только понимаешь, что тем, что движется, можно управлять, становится абсолютно спокойно. Главное, не говорить исландской лошади «тпrrу-у!», когда хочешь остановиться, наоборот, она помчится во весь опор.

Прогулка

Исландская порода лошадей

Через речку

4 июля 2014 г

Приехали в гостиницу в западных исландских фьордах, далеко-далеко отовсюду. Красота вокруг удивительная, не сравнимая ни с чем. Потухшие вулканы в большом количестве, кратеры, зеленые горы, океан, насколько я помню, Атлантический, водопады на каждом шагу (с водопадами, действительно, перебор). Птицы какие-то энциклопедические – не в плане знаний, а в плане картинок из Брэма, и тоже в количестве. Людей по дороге не встретили, зато барабанов и лошадей полно. Пасутся, прячутся от ветра. Сегодня штурм, настоящий конкретный штурм, из машины не выйти, дверь не открыть, одному человеку это не под силу. Двери открываем вдвоем.

Заехали в музей акулы. Там про нее все: от зачатия до того редкого момента, когда она может попасться в сети и стать традиционной исландской закуской. Про закуску наконец узнала подробности, так как именно хозяин музея и занимается отловом и дальнейшей переработкой акулы. Снова ели мелкие вонючие кусочки, и теперь мне уже определенно понравилось. Хотя хозяйская кошка от нее отворачивалась. Единственная проблема – ферментированная акула, тут так предпочитают ее называть, – является, помимо всего прочего, мощнейшей натуральной виагрой...

Нападение акулы на человека

* * *

Как удобно, когда белые ночи, и день растянут, и можно ездить без перерыва и смотреть, смотреть, смотреть! Пейзажи в Исландии настолько диковинные, что кажутся неземными. Сначала захватывает дух, и глазам не веришь, а через минуту шок проходит, и можно уже спокойно радоваться, что существует на земле такая красота. Солнечной полночью поднимается туман, почва под ногами будто мягчает и растекается, звуки становятся глушее, краски – пастельнее, воздух обволакивает, а сердце колотится, вспоминая вдруг детские забытые впечатления.

5 июля 2014 г

А у нас в западных фьордах Исландии шторм. Настоящий. Не знаю, в чем измеряется сила ветра и по какой шкале, но если, скажем, до – 10, то сегодня – твердая 8! Или даже восемь с половиной. Я, например, впервые полетела аки птица – легла на ветер и крыльишками бяк-бяк-бяк... Иногда ложилась не только на ветер, но и на землю, чтоб не унесло. Круто! Силища неимоверная! Не у меня – у ветра. Но исландские птицы в такой ураган все равно летают, вернее, замирают на одном месте в воздухе и не двигаются, просто расправив крылья. Необычно. Тут много чего необычного: дымящаяся земля, повсеместно сады камней из прошедшей пару тысяч лет назад лавы, черный песок, горячие речки, невероятное количество птиц, лохматые исландские лошадки и, конечно, пейзажи... Думаю, вполне могла бы не есть (вру, конечно), а питаться местными красотами. Глаз радуется, причем не один, оба, – здесь это очень ощутимо. Есть, конечно, ем, и стараюсь самое местное, без «Цезаря» и всяческих спагетти. Акула, кит, птичка тупик, батат, тминная водка (шикарная, как жидкий бородинский хлеб!).

Темная ночь

Пятнистые горы

Акула и кит – два, грубо говоря, столпа, на которых издревле держится вся местная человеческая жизнь.

Акула сама по себе рыбина ядовитая, мы уже знаем, но после выдержки она превращается практически в панацею. Тысячу лет назад ее заготавливали так же, как и сегодня.

Кита раньше били нещадно, чтобы потом долгое время можно было отапливать и освещать его жиром дома. Мясо заготавливали впрок, даже квасили. И сейчас в магазине можно купить кислого кита. Кислый кит! Звучит!

Потом, в 1985 году, охоту на кита запретили, однако лет 7–8 назад снова разрешили, как говорится, «по многочисленным просьбам трудящихся». Традиции-то соблюдать надо. Это очень для островитян важно. А то ведь выросло поколение, которое китятину даже не пробовало – неполноценные какие-то исландцы.

Теперь можно ловить 229 «малых полосатиков» и 129 «финвалов» в год, но местные никогда не бьют больше сорока и тех и других. Киты нагуливают жир у берегов Исландии, съедая по 2–3 тонны рыбы в день (касатки, скажем) и тонны планктона. Поэтому, экология – экологией, но не нравилось, когда эти морские чудища сжирали их треску, и валили китов в большом количестве. Это было сделать легче всего ночью, когда кит дрых – на самой поверхности, похрапывая через фонтанную дырку и ворочаясь во сне. Человек все-таки самый хищный зверь.

* * *

Первый раз в жизни (за эту неделю было много «первых раз в жизни») каталась на собачьей упряжке.

Долго ехали на ледник к центру Исландии – мимо водопадов, в которых вода не падала вниз, а распылялась вверх из-за ураганного ветра, мимо вечных баравов, которые тупо позировали у дороги, мимо старой березовой рощи высотой всего в человеческий рост, мимо двух «сдутих» ветром с дороги машин (слава богу, все живы!), мимо «Центра Земли», откуда Жюль Верн начал путешествие к ядру – в общем, долго-долго, сначала основной двухполосной трассой, потом какими-то тропами и проселками. Заехали на потрясающий дикий берег с черной отшлифованной галькой, оранжевыми водорослями и останками судна, выброшенного на берег еще в 1948 году. Ставшая за 60 лет еще более оранжевой, чем водоросли, ржа на черном фоне выглядела совсем уж сюрреалистично.

Проехали еще какое-то время, и вдруг резко пропала растительность. Стали забираться на гору, к леднику. Горы у ледника похожи на огромных далматинцев или, скорее, на черных коров с большими белыми пятнами еще несошедшего снега. У ледника, который начался абсолютно внезапно, без какого-то логического перехода – одной ногой стоишь на черной земле, другой – на льдине, разбит лагерь из нескольких машин, прицепов, палаток и туалета. Фургон со спецодеждой – каждому выдали полярный комбинезон. Посадили (нас было восемь человек) в огромный старый драндулет – как сказал сын, годов 80-х, но с GPS – и куда-то повезли по льду от такой родной черной земли. Ехали медленно и долго, минут 40, все время объезжая дыры во льду, отмеченные валунами.

И вот они, собачки! Сидят, лежат, стоят, пристегнутые к одной длинной цепи. В основном свернувшись на снегу, чтобы сохранить тепло. Другие, более эмоциональные, визжат от радости, что приехали хозяева и дадут им наконец побегать.

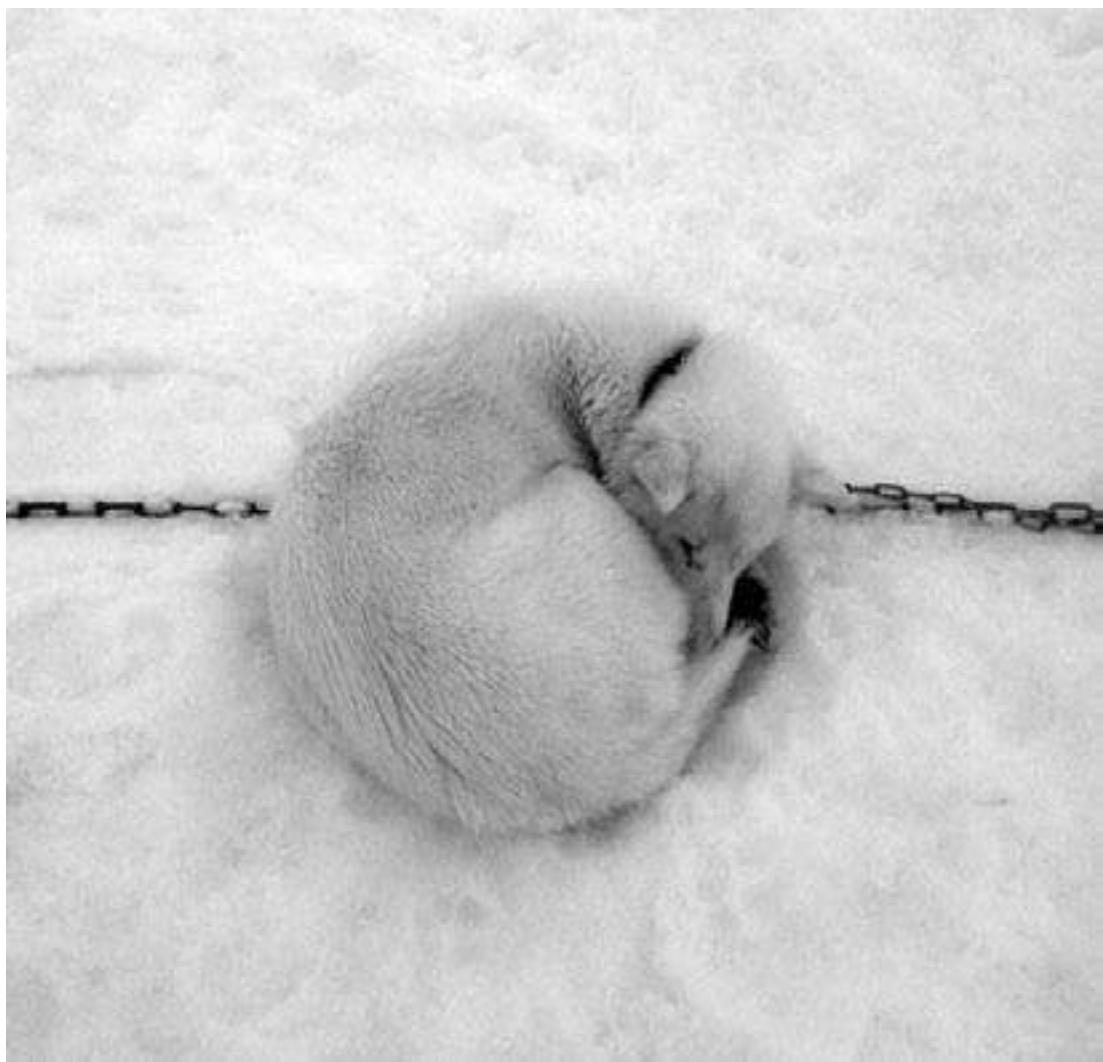
Так здорово, когда своими глазами видишь то, что привыкла смотреть в кино или по телевизору.

В ожидании работы

Стоянка

Все собаки пристегнуты одной веревкой

Поехали!

Эрос и Юпитер

Нас разделили по двое в одни сани. Каюр стоял за нами на полозьях и управлял. Короткий инструктаж, как сидеть, куда наклоняться, и – вперед!

Упряжка из семи собак. Нам достались гренландские ездовые, две девочки и пять мальчиков. Даже не представляла, что суки могут и здесь выполнять кобелиную работу, но когда вспомнила, что у людей так же – наши бабы и шпалы разгружают, и дальнобойщицами работают, – сразу успокоилась.

Собачки весом 30–40 кг, могут тянуть более центнера, т. е. три своих веса. В упряжке обычно едет клан, то есть семья – братья, сестры, родители. Щенки начинают работать с шести месяцев. Первая пара собак – самые надежные и умные, которые ведут других, облезкая трещины во льду. Последние, перед санями, – самые сильные, тягловые. Самыми умными у нас были Юпитер и Эрос, самыми сильными – Денежка и Игорь. Я очень веселилась, когда каюр кричал: «Юпитер, вперед! Эрос, не отвлекайся!» (О, боги Олимпа, видели бы вы это!)

Не проехали и десяти метров, собаки начали одновременно писать, а поскольку рядом не было ни кустиков, ни фонарных столбов – писали друг на друга. Причем Эрос – на Юпитера, а Юпитер – на Эроса. Метров через сто все, как по команде, начали какать, как овцы, на ходу, смешно приостанавливаясь и выгибаясь буквой «зю».

Не удивляйтесь, собака перед работой должна от всего лишнего очистить организм, так положено, сказал каюр.

Поэтому сначала идет «желтая» зона, потом – «коричневая». И, действительно, мы ехали по впечатанным в снег собачьим какахам.

Раз чуть не перевернулись, подскочив на кочке, но выровнялись и поехали дальше как ни в чем не бывало.

Накатавшись вдоволь по леднику, попав в сильную пургу и потеряв две перчатки, повернули обратно. Назад, с горки, дорога шла веселей, а почувя дом, собачки понеслись во весь опор. Почувствовала себя Амудсеном или даже Берингом, ну, в общем, полярником.

«У нас принято благодарить собак после похода», – сказал каюр, и мы с удовольствием бросились трепать этих полуволков. Потом подошли к соседней упряжке, и еще, пока не перетискали всех маламутов, лаек и хаски, которые благосклонно принимали ласки и тыкались носом в колени.

А на прощание поцеловали Юпитера и Эроса. Юпитер лежал, положив тяжелую умную голову на скрещенные лапы, и щурил глаза, а Эрос… это же Эрос, чего с него взять?

* * *

Не рассказала еще об одном исландском впечатлении самых первых дней. Мы ехали в «Голубую лагуну», с неба моросило, дорога красоты необычайной – кратеры вулканов, сочные, напитанные дождем травы, местный северный «хлопок» – хилая травинка с белым петушком на голове, деревья отсутствуют – их там почти совсем нет, вырубили сотни лет назад, а о будущем не позабочились. Ехали и глазели во все фотообъективы.

– Вот куда я вас сейчас завезу, – сказала наша Таня и круто свернула налево.

Недалеко от дороги стояли навесы, под которыми сушилась рыба, вернее, ее головы и скелеты. Навесов было много, рыбных останков тоже – заполнено ими было все.

Такого огромного рыбьего кладбища я еще не видела. Тушки и черепушки были подобраны по видам – треска к треске, зубатка к зубатке – и висели совсем не новогодними гирляндами. Почему-то не было птиц. Не было никого, и людей тоже. Только одиноко стоял старый дырявый матерчатый диван, на котором, наверное, чувствуя себя Нептунами, сиживали сушильщики рыбы с банкой пива.

Дождь пошел сильный, но я все же вышла из машины. Огромные рыбы головы с каким-то неземным оскалом и огромными глазницами постукивали друг об друга, то ли отгоняя кого-то, то ли, наоборот, призывая.

Мне стало ясно, почему у трески отрезают голову и ее целиком никогда не увидишь в магазине. Она же безумно страшная. Это ж не рыба – ихтиозавр!

То, что осталось от рыбы, было разной степени тухости – кое-где еще красноватые скелеты, где-то добела высушенные на солнце блестящие рыбьи кости. Пахло тоже интересно. Дождь, судя по всему, приглушил какие-то запахи, какие-то, наоборот, усугубил. Добавился запах травы – мокрой, жирной – хоть в соковыжималку запихивай – и прелого дерева. Запах, которой невозможно объяснить, не тухлый, нет, а какой-то специфический, немного резкий и острый, так пахнет икра у воблы, когда раздавили плавательный пузырь, и руки несколько дней уже ничем не отмыть.

Рыбы головы таращились на меня глазами и пустыми глазницами, истекая дождем, как горькими слезами. Было в этом что-то совсем нереальное, невозможное, наверное, из-за гигантского количества глядящих отовсюду невидящих глаз.

Я сделала несколько шагов под этот рыбий шатер и поняла, что это не лучшее место для прогулки, тем более с фотоаппаратом в руках, – сверху капали желтые, перемешанные с дождем капли рыбьего жира. А у меня к нему еще с детства, ну как бы это помягче… неприязнь, короче.

Местный «хлопок»

Портреты

Сушкильня

* * *

Исландия – одна из немногих стран, где книга – все еще лучший подарок. Пишут почти все и от нечего делать – зимы долгие и темные, жизнь коротка и надо успеть ее описать. Потом книжку издают малюсеньким тиражом и дарят на Рождество друзьям и соседям. Поэтому у каждого, даже самого неписучего исландца есть как минимум одна книга.

Учиться писать (не только книгу – вообще) начинают в школе. Там равноправие – мальчики учатся вязать и шить (Исландия очень вяжущая страна, орнамент их колючих шерстяных кофт известен во всем мире), девочки мастерски орудуют молотком и разбираются в моторах. Но есть особая женская школа, откуда все уважающие себя исландцы мечтают заиметь жен – там помимо домоводства, медицинских навыков, садоводства, педагогики и кулинарного искусства преподают еще и искусство любви. Интересно, а как знайные исландские профессора принимают экзамены? Садись, пять? Ложись, пять?

Лет в 16–17 дети обычно уходят жить отдельно, для чего устраиваются на какую-нибудь работу, ведь деньги у родителей брать не принято. И естественно, сразу вступают в отношения – родительского пристального ока уже нет. Аборты очень редки. Поживут потом вместе какое-то время и расходятся. В Исландии очень часто можно встретить женщину с тремя-четырьмя детьми от разных мужей. Но исландские отцы очень любят детей и страдают, если ребенка забирает мать.

Потом все быстро – ясли, школа, колледж, универ, работа и пенсия.

На пенсию выходят в 67 лет, и государством поощряется, если новоявленный пенсионер еще несколько лет работает. В Исландии не принято, чтобы дети ухаживали за родителями. Старики часто продают свои квартиры и уходят в дома престарелых, чтобы иметь на старости должный уход и не зависеть от детей. Столько домов престарелых я не видела нигде. Не пойму, хорошо это или плохо? Вообще, исландцы – долгожители, что вполне понятно – чистый

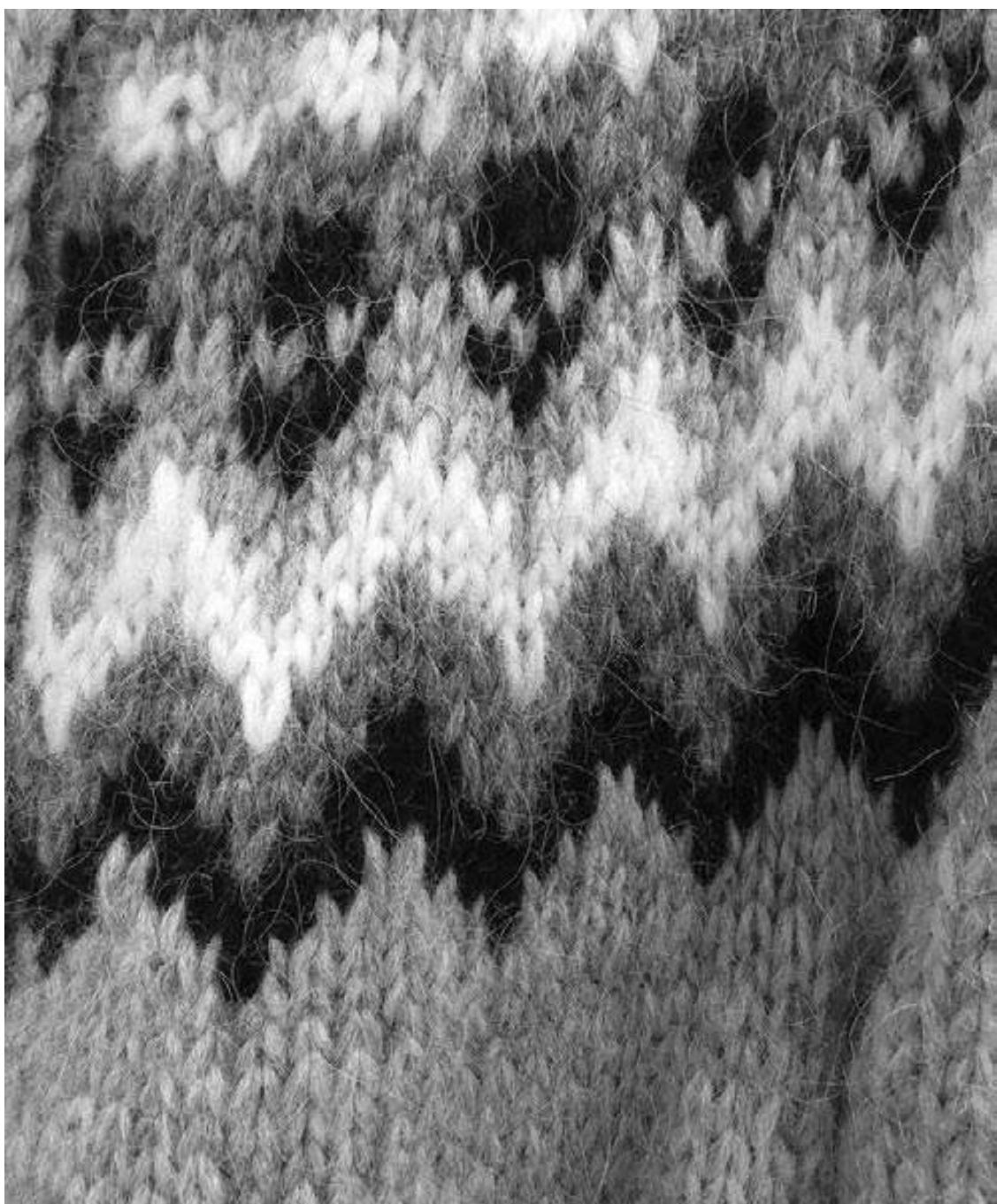
воздух (нет ТЭЦ, так как горячая вода идет в кран сразу из-под земли и адски пованивает сероводородом), экологически чистая пища, которая пасется себе на лугах, и целебная вода, полная всяческих минералов. Овец на острове более 130 видов, они непуганые и шастают по обочинам дорог, слизывая соль, которую посыпают от гололеда. Даже есть смешные таблички: «Осторожно, на дорогах много баранов, в смысле животных!»

Электричество и вода в Исландии стоят копейки. Недавно остров приобрел новую игрушку – купил два ветряка. Пока играются и не могут понять, что выгодней.

Вот так выглядит жизнь вкратце.

P. S. В Исландии.

P. P. S. Где никогда не бывает цунами.

Один из узоров национальной вязки

Их действительно много

6 июля 2014 г

Долго решали вчера, когда лучше всего снова ехать в Исландию, чтоб заодно махнуть и в Гренландию, а главное, увидеть северное сияние. Получилось, что где-то в конце марта – погода с характером, северное сияние на небе. Сидишь с бокалом хорошего белого и смотришь, как в телевизор, или нет, как в огромный черный экран монитора с удивительной заставкой (а что, сравнение очень даже современное). А еще в это время в Рейкьявике проходит фестиваль еды «Food and Fun». Еда тут и в будние дни отличная, чего уж о праздниках говорить? Приезжают всемирно известные шефы и готовят нечто этакое...

Так что лучше заранее выбирать, куда и на что ехать, а не просто лишь бы куда-то с глаз долой, когда дали отпуск. И северное сияние того стоит! Хотя, как говорят исландцы, оно как кит, может появиться, а может и нет, по желанию. Оно полностью зависит от взаимодействия Солнца и Луны, особенно от солнечной активности. Чем выше активность, тем выше вероятность, что небо засияет. Еще знаю, что если мороз за 30 – северное сияние разноцветное, с красными всполохами, если ниже 30 – зеленое. И вообще, северное сияние предсказывают как погоду, за три дня. Можно посмотреть сайт (spaceweather.com), расслабиться и сидеть дома, а не шастать ночью, если вероятность северного сияния нулевая.

Лучше всего всполохи видятся в ясную морозную погоду, а если ветер – видно, как они шевелятся и играют, будто кто-то встягивает прозрачной люминесцентной вуалью. Когда безветрие, сияние можно услышать, оно шуршит, тихонько так, будто пересыпается космический песок. Шшишишишиш...

В Исландии есть гостиница для охотников за северным сиянием. Там будят постояльцев по ночам специальные наблюдатели когда северное сияние вдруг распускается на небе. А так можно спокойно спать, зная, что северное сияние деликатно постучит к тебе прямо в дверь.

P. S. Хотите знать, видела ли я северное сияние? Да! Но не здесь, в Исландии, а в Финляндии лет десять назад, летом. Я уложила маленького сына, взялась за книжку, как вдруг увидела, что окно осветилось зеленым. Выглянула и увидела ЕГО. Не в смысле зеленого мужчина моей мечты, а северное сияние. Шикарное, изумрудное, во все небо. Всех зычным рыком буданула, и мы стояли, в исподнем, открыв рот и глядя на небо... Потом оно колыхнулось куда-то в сторону, за озеро, будто задул какой-то космический ветер, и во мне проснулся дух охотницы. Я завернула сонного ребенка в одеяло, мы с мамой сели в машину и бросились за северным сиянием.

Не поймали.

Оно не пользуется автомобильными дорогами.

Красоты

Главный гейзер острова

7 июля 2014 г

Жаль, сегодня улетаем. Страна очень интересная, красоты неописуемой, с сильнейшей энергетикой, милыми позитивными людьми со здоровым чувством юмора (одна только «сборная членов», в смысле коллекция детородных органов игроков по гандболу, выполненная из серебра, в фаллогологическом музее чего стббит), с суровым климатом (Гренландия в 300 километрах, совсем рядом), с историей, основанной на завоеваниях викингов, с самобытными традициями и с самым большим в мире птичьим базаром. Птиц, наверное, ни в одной стране столько нету.

Сборная членов исландских игроков по гандболу

Перед отлетом зашла в сувенирный магазин – распределяют свою страну буквально по кусочкам! В самом прямом смысле. Отшлифованные океаном камушки – простые и сделанные из них фигурки, исландский мох и водоросли в сушеном виде, кусочки лавы – это святое, немного изделий из дерева – леса-то совсем мало, кружки из китового уса, разные шкуры – овец, тюленей, песцов, норок, чай из местных сушеных трав, косметика из «Голубой лагуны», бараньи рога и копыта, оленьи рога и копыта, любые рога и копыта, а также брелки из них, пуговицы и всякое другое. Много разных кофт грубой вязки с прелестным традиционным

орнаментом на плечах, как ожерелье, – у каждой мастерицы свой орнамент. Купила бы с удовольствием, но почему эта шерсть так кусается! Я о баране была другого мнения... Всякая непромокаемая и теплая одежда фирмы «бб», которой они гордятся. Еще много всего вяленого – от одежды до рыбы. Еще чучела всех, кто живет в Исландии, за исключением человека... Изделия из бараньих косточек и сумки из рыбьей кожи. Ну, и куча сортов водки – настоящей на мхе, березе, даже на красной лаве и лакрице (наверное, что-то отвратительное, хотя лакрица – любимая конфетка в Исландии).

К чему это все я? К тому, что мы страну распродаем по-другому, не гордясь и оберегая, а унижая и разворовывая – кто урвал. Нет хозяйствского отношения, нет уважения к природе! А куда мы без нее? Что иностранец может купить в «дьюти-фри» перед отлетом? Шапку-ушанку со звездой «мэйд ин чайна»? Матрешек из бывших президентов? Ленин родил Сталина, Сталин – Хрущева, Хрущев – Брежнева и так далее, а последним из Ельцина вылезает самый махонький Путин.

Это наше достижение?

Ну, водку еще можно купить.

Икру уже нельзя. Кончилась вся...

Хохлома, жостово, гжель, палех и иже с ними – да, но это уже из другой оперы. А так, почему нельзя делать деньги на мелочах, чтобы возвращать потом именно в природу, а не только творческим коллективам художников?

Просто, наверное, в этом отношении выгоднее быть очень маленькой страной, еще лучше – островом, чтобы жить с окружающей природой на одном дыхании и, соответственно, на взаимном уважении.

Я поняла, что это вполне возможно. Надо только начать с себя.

Франция

Франция – это особенная для меня страна. Любимая. Я очень ей благодарна. Она дала мне друзей, таких, что на всю жизнь. Она продлила жизнь отцу – на целых пять лет, а это так много! Мы с мамой и сестрой ездили туда его лечить, выхаживали, снова заставляли жить.

Мы с младшим, Даней, в Виль-де-Франсие. Говорят, это самая красивая бухта в мире

Франция научила меня яркому вкусу жизни после серой, без оттенков, юности в Советском Союзе и долгой болезненной командировке в Индию – и вдруг сразу Франция! Так вышло: поехала к друзьям по приглашению через ОВИР еще тогда, в самом конце 80-х. В первый же день, прямо с поезда, забралась на Эйфелеву башню, отстояв полдня в очереди. На самый верх. И просидела там, как дура-птица на голове у какого-то важного памятника.

Сидела, смотрела на Париж, как на карту, следила за машинками, огоньками, людышек почти и не видела. Взвесилась там, на высоте, на каких-то странных весах, которые показывали, сколько ты потянешь на Луне и на Юпитере. Помню, что на Луне весила бы около 10 килограммов. Зачем я это помню?

Ну а в остальные дни ходила, ходила, ходила. Ела необычные тогда для меня продукты, клубнику со сливками, вернее, с кремом Шантанье, морщилась, когда нюхала какой-нибудь рокфор под названием «Вонючий епископ», а если встречался масляный запах лаванды, то сразу чувствовала себя парфюмером, тем самым «Парфюмером» Зюскинда, только что прочитанным мной по-французски. И хотя я была полностью очарована запахами романа, с головой утонув в парфюмах, которые по капле собирались из девичьих тел для создания запаха любви, и почти влюбилась в гениального убийцу по имени Лягушка, я понимала, что ни о каких духах, извлеченных из тел того нечистоплотного времени, и речи быть не могло. Чего врать? Ходили, не мывшись, месяцами, могу себе представить эти духи. Но врал Зюскинд поразительно красиво. Я потом довольно долгое время принюхивалась ко всему, пытаясь разложить понравившийся запах на оттенки, играла в «парфюмера». Но хоть никого не убила, и на том спасибо.

Ездила, наведывалась во Францию при любом удобном и неудобном случае, была и в Биаррице, и в Страсбурге, и в Дижоне, и в замках Луары (жена одного известного композитора, помню, жаловалась как-то моей маме: «Аленушка, ты себе не представляешь, вместо того, чтобы дать нам два дня свободного хождения по магазинам, организаторы отправили нас по этим сраным замкам Луары!»). «Сраные» замки Луары произвели на меня неизгладимое впечатление, особенно Шенонсо, арочный, на воде, по-настоящему дамский. Хотя когда количество увиденных замков уже перевалило за десяток, они перестали меня радовать и удивлять, и от замка к замку становились все однообразнее и «сранее».

В другой раз поехала на самый запад, на Атлантику, в Биарриц, где через пролив – сразу Англия, совсем рядом, вот она. На Атлантике взвесь из морской воды стоит прямо над морем, высоко стоит, покрывает с головой, приходишь домой с прогулки вся в соли! Этот физиотерапевтический город всегда был царской лечебницей, все сюда «на подышать» съезжались, тем более что совсем недалеко Бордо, вино и прочие удовольствия. Рядом с Биаррицем – чудесная усадьба Ростана, а в самом Биаррице домик Василия Аксенова, папиного друга. У Ростана была, а с Аксеновым не совпали, гостил он в Москве, когда я приезжала.

На набережной Сены

Джоконда

А Страсбург каков с его чудесным старым городом? А горчичный Дижон? А Лион со своей требухой? А Париж со своей Джокондой? Не своей, конечно, общей, просто висит там итальянка, ладно уж. Недавно Мона Лиза даже в новый зал переехала, специально для нее построенный.

Джоконда висит на расстоянии, чуть отгорожена, совсем небольшого размера, без ленинского прищура ее и не рассмотришь. Хотя такое впечатление, что именно Джоконда меня разглядывала, а не я ее. Причем впивалась взглядом, зная все о каждом и вроде как прощая все

эти наши грешки и шалости. И не только смотрела, но и нарывалась на разговор с каждым пришедшим. Внимательно следила, преследуя, куда бы ты ни передвинулся, и немного неловко было ловить на себе ее пристальный взгляд. Чем приманивала она всех, что влекло именно в этот музейный зал – бросать все дела дома, планировать поездку за тридевять земель и ехать на свидание с этой пятисотлетней женщиной? Стоять перед ней, как мышонок, и смотреть, как на удава, а удав заигрывает, пережидает, не пора еще, ох, как не пора... И взгляд этот, джокондов, всезнающий, чуть едкий, снисходительный, подразумевающий больше, чем говорящий, от которого мурашки по телу. С кого Леонардо писал портрет, с точностью не известно, столько предположений... Видимо, все-таки официально – это Лиза Герардини, молодая жена флорентийского торговца. Хотя, мне кажется, что не только ее портрет мы видим на тонкой тополиной доске. Леонардо изобразил через нее себя, войдя в портрет и повернувшись к нам лицом. Да, думаю, он, всеми признанный гений, смотрит на нас ее насмешливыми глазами и улыбается про себя, почти улыбки своей не показывая, только «чуть-чуть». Именно это самое чуть-чуть так и манит к портрету, заставляет разглядывать эту безбровую женщину совсем не небесной красоты, нет, внешности вполне заурядной, непышноволосую и небольшегрудую, но ставшую почему-то самой известной на планете, объектом культа и поклонения. Люди любят тайны и загадки. Редко когда удавалось около нее тихо постоять и подпитаться, в основном в толпе японцев, обсуждающих загадочную европейскую улыбку громким голосом. Так что увидеть Мону Лизу можно, а вот насладиться – трудно.

С музеями в Париже не всегда везет. Пошла в Музей д'Орсе, там очередь на три часа, весь Париж хочет импрессионистов, место как медом намазано. Ну, просто гуляла по набережной Сены, среди японцев. Такое ощущение, что в Японии вообще никого не осталось – все уехали в Париж. И все стоят в очередь в музей. Вот зачем люди вообще ходят в музей? Посмотреть на красивое? Зарядиться, как от аккумулятора? Приобщить детей? Подразнить себя – такие же люди, две руки – две ноги, – могли, а почему я не могу? Позавидовать, сколько что стоит, вот бы мне? Каждый по-своему, наверное, но идут все, толпами, стадами, семьями, прайдами.

* * *

У меня к Франции накопилось много вопросов.

Во-первых, почему салат едят после основной еды, до десерта? Как это так? А почему тогда сыр – это десерт? Он же соленый и вонючий!

Во-вторых, почему французских детей возят в колясках практически до школьного возраста и не отнимают соску почти до совершеннолетия? А когда отнимут, те засовывают в рот большой палец и начинают активно его сосать. Почему не отучить пораньше? А то неловко, честное слово: едет большой, почти взрослый дядя в коляске, в памперсах, почти с пробившейся бородкой и сосет большой палец, загнав его в горло. Негигиенично.

В-третьих. Что особенного во француженках? Ну что в них особенного? Худенькие, невзрачные и не всегда красивые, в маленьких черных платьицах. Но откуда в них столько шарма? Не обаяния, а именно – шарма, хотя это ли не одно и то же? Их всегда можно распознать, только лишь раз взглянув. Эта? Эта – француженка...

В-четвертых, почему всегда такая проблема по всей Франции с такси? Только по телефону, на улице – ни за что, левака – никак, они просто не знают, что такое левак.

Где мне искать ответы?

* * *

В поездках обычно завтракаю в гостиницах, так уж повелось. Сегодня решила выйти на завтрак в люди. Для «в люди» выбрала одно из самых известных кафе в Париже – богемное

Cafe de la Flore, «Кафе у Флоры», на бульваре Сан-Жермен. Старенькое, я бы сказала, ста-ринненъкое, на самом юру, кафе кормило и поило всяких известных и великих – Хемингуэя, Сартра, Пикассо, Камю, Верлена, ну и еще многих из современных, претендующих на величие. Что они ели? Яйца! Именно яйца. Это – по утрам, а на ночь пили абсент, конечно же! В Кафе де ла Флор есть специальное «яичное» меню – так повелось с войны, когда с едой было туга, но хозяин кафе обеспечил ежедневную доставку свежих фермерских яиц и напридумывал кучу яичных блюд. Яйца вареные так и сяк, глазуны-омлеты, взбитые-недобитые-крутые, всякие. Ну, и основное обычное меню. Сюда ходил Жак Превер, один из моих любимых французов, и писал стихи на салфетках. Хозяин кафе потом их аккуратно собирал и вручал поэту на следующий день.

Какое сегодня у нас число?
Число? Любое... и день любой.
Моя дорогая,
Все дни такие у нас с тобой,
Вся жизнь такая.

Место нашла сразу, 10 утра все-таки, а аншлаг там днем, особенно вечером. Села в уголке, стала наблюдать за богемой. Ни одного француза, сплошь такие же туристы, как и я, с картами, путеводителями и схемами. Все в ожидании официанта или хотя бы Хемингуэя. Рядом сидел наглый мужик китайского вида, как киллер в засаде, и прицельно снимал все, что движется.

Заказала омлет с предвкушением шедевра, получила – вкусно, честно. Посидела, помечтала. Мечтания давались тяжело – миллион машин, миллион людей и собачка, которую проглатил понос прямо перед кафе. Хотелось срочно выпить абсенту...

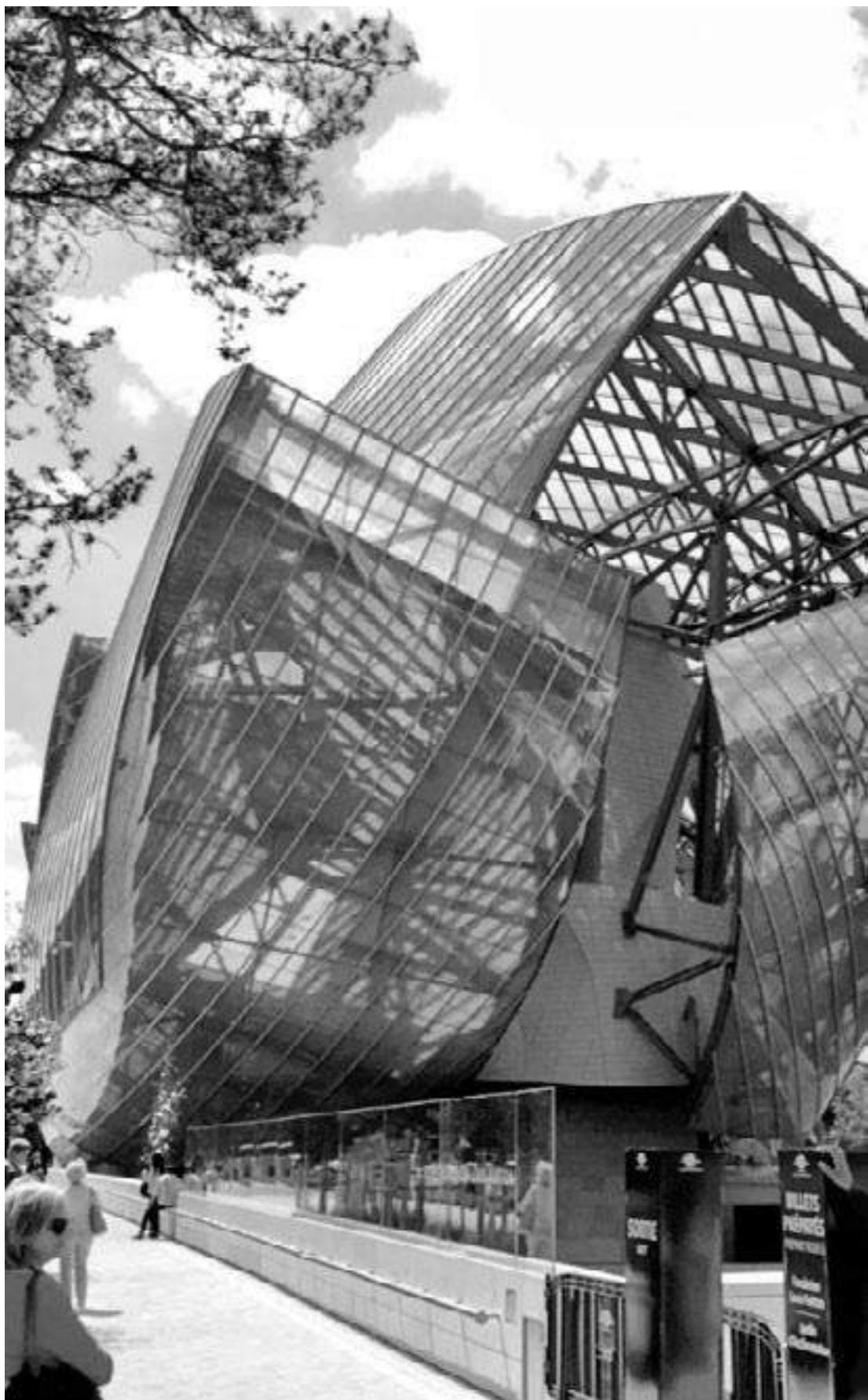

В кафе «У Флоры»

* * *

День прожит не зря – посмотрела коллекцию Луи Вuittona (так он пишется-то?). Представляю сейчас ваши лица, испугались, да? Но я это не про сумочную коллекцию, а про собрание картин в Фонде его же имени, в новом шикарном здании, похожем на огромный стеклянный корабль с парусами, который Джонни Депп тащит с помощью крабиков в «Пиратах Карибского моря». Здание построил 90-летний американец, шалун и фантазер, надо сказать. Даже если бы оно стояло пустым, его обязательно надо было бы увидеть, походить по лестницам, удивиться огромным тараканам на потолке (необычный дизайнерский подход!), залезть на самую верхотуру, где сад, взглянуть оттуда на Булонский лес, сам Париж и торчащую посреди

столичного великолепия Эйфелеву башню. И при этом там такая выставка! Там столько гениального народа! Пикассо, Матисс, Мунк, Кандинский, Малевич, Леже... Квадрат наш черный висит – один из трех, вроде (гениальная затея у Малевича с этой геометрией), губы диванные стоят, жутко, кстати, неудобные для сидения, «Крик» Мунка под стеклом и охраной – намного ярче, чем я о нем думала. Небо в «Крике» ужасно зловещее, кровавое и полосатое, закричишь тут. А сама картина написана на картонке... «Криков» у Мунка много, психика, видимо, у художника была больным местом, и он таким образом выливал свои громко кричащие эмоции на публику. Картина приносила несчастья его обладателям, как в свое время огромный голубой бриллиант «Хоуп», убивавший хозяев направо и налево. В общем, я с опаской, боком-боком, мимо норвежского крика и огромного черного охранника – в соседний зал, к родному Малевичу. Хотя надо было черному товарищу рассказать про легенды «Крика», поменялся бы он кого другого охранять, а то жалко парня.

Здание музея Луи Вuitтона

Дизайнерский потолок в музее – из надувных тараканов

Вид на Париж из музея

Единственное имя, мне еще не известное, – Франсис Пикабиа, весь из себя француз, кубист и дадаист с довольно скромным, на мой взгляд, художественным талантом, и кажущийся абсолютно чужим и лишним в этой коллекции гениев со своими голыми тетями, как из плохих немецких фильмов.

Вот такая выставка. Впечатлила, правда. А само здание – одно из самых интересных в мире.

И обратно, по шумному городу, подурневшим и поменявшим хозяев Елисейским Полям, мимо улицы, где живет Аллен Делон, по набережной напротив башни и через наш русский мост Александра III. На мосту – свадебная фотосессия – женились две японки в девчачьих летних платьицах и гигантских накладных ресницах.

И снова закат, довольно яркий, но совсем не как у Мунка.

* * *

Почитала я про этого неизвестного мне художника Пикабиа, который выставляется наравне с Пикассо и Матиссом: богатый дядя, который ни в чем себе не отказывал, хватался за любое дело и дожимал его, пописывал (уже вроде как публицист), порисовывал (уже вроде как художник). Молодец, конечно, видимо, так и надо – выжимать из себя все осколки таланта и выливать их на холст или бумагу, а не говорить: «У меня не получается...»

Так и он. Менял стили намного чаще остальных художников. Пикассо со своими розово-голубыми периодами по сравнению с ним просто мальчишка. А Пикабиа – рекордсмен по изменению стилей, какое настроение, такая и картина. С настроением тоже было неважно: снова что ни художник, то психопат, обидно, чесслово. Интересный персонаж, вот его мудрое высказывание:

«Наша голова имеет круглую форму,
чтобы мысль могла менять направление».

Вот как-то так. Еще головой едят. А его нарисованные девушки, по-моему, все равно похожи на немецких проституток...

* * *

Ходила сегодня по Монмартру. Ну, а до Монмартра через Пигаль, конечно. Пигаль обветшала, приуныла, потеряла интерес к сексу, позакрывала половину кабарешечек и кинозальчиков, вся осунулась и опала как-то. Плохо выглядит. Даже японцы здесь почти не встречаются, а это говорит о многом. Была я там в хорошие времена, когда дым столбом, все двери раскрыты, неон, фотографии, музыка, лайв-шоу, все в новинку, любопытно и страшно, я же советский человек. И потом, как это – не пойти на Пигаль? Это же абсурд – приехать в Париж и не пойти на Пигаль! Это все равно что не залезть на Эйфелеву башню или не съесть круассан. Я приехала тогда с мамой (а мы обе были вполне хулиганисты), и ей, между прочим, тоже было любопытно, что происходит за черными плотными занавесками. Мы попросили нашего друга, который жил во Франции, составить нам компанию и сходить на шоу – ради науки и из чистого любопытства. Согласился, пришел, готовый показать нам изнанку капитализма в отдельно взятом парижском районе под названием Пигаль. Долго слонялись по улочкам и прицеливались, на какое бы представление пойти. Оыта, сами понимаете, особого у нас не было, но раз решили, хотелось с выбором не промахнуться. По фотографиям не скажешь, где веселей и качественней – одинаково голые лоснящиеся дяди и тети почти в одинаковых прикладных позах. Решили выбирать по музыке, мы же интеллигентные советские люди. Фантастическую симфонию Берлиоза, скажем, мы услышать не рассчитывали, само собой, хотя конечно бы клюнули. В общем, пошли на джаз. Хороший выбор для лайв-шоу! Опасливо вошли с мамой в зал, словно перешли без документов государственную границу. Зал – темненький, маленький, на несколько рядов. Сели, слушаем Армстронга. Довольны. Боимся, что откроется красный плюшевый занавес и нарушится весь кайф. Подпеваем, радуемся, что вечер хорошо начался.

Let's fall in love
Why shouldn't we fall in love
Our hearts are made of it, let's take a chance
Why be afraid of it
Let's close our eyes
And make our own paradise
Little we know of it, still we can try
To make a go of it.

Потом занавес открылся, нам выдали шампанское и приставили смотрительницу в годах, но без трусов, которая была вроде как гидом. Или сексуальным экскурсоводом. Разве что без указки. Но в очках. Мы еле сдерживались от смеха – пили шампанское с незнакомой женщиной, которая иногда приподнимала юбку и рассказывала нам, что происходит на сцене. Мы чокались, ржали и снова ржали в голос от нереальности всей этой ситуации. Нам даже не важно было, как оно там, на сцене-то, эта женщина-клоун без трусов была круче всех наших хазановых и петросянов, вместе взятых! А на сцене большой и сильный негр пытался понарошку оплодотворить женщину со шрамом после кесарева сечения. Он натужно пыхтел и выл, как хаски, но Армстронг с его неповторимой хрюпотцой перевывал его намного сексуальнее. Женщина-гид наливала нам шампанское и, поняв, что мы не самые активные посетители и много-го от нас не дождешься, решила просто поговорить. Она еще раз на всякий случай дежурно

приподняла коротенькую юбочку – похожие были у девочек из группы «Тату», – шлепнула себя по голой замерзшей заднице в мурашках и, поняв, что нам ее даже немного жалко, села и успокоилась.

– Вам нравится наш ведущий? Это Жаки, он недавно приехал, может без таблеток долго на сцене продержаться в рабочем состоянии, голодный еще. В Африке они все голодные, ха-ха-ха, – пошутила она. – Ему через 40 минут уже на другое шоу, у нас круговорот. А почему вы в такой странной компании? К нам обычно парочки ходят.

– А как же? Я без мамы не могу, – вступила в разговор я. – Она же советы дает.

– А-а-а, – понимающе кивнула милая женщина с голой попой, но щутку не поняла, – вы это хорошо придумали. Мамы они такие, они опытные! Хотя моя не поняла бы. Я ж из Греции. – Она задумалась, и по ее лицу виден был весь сценарий обращения к ее древней греческой маме подержать свечку и молниеносный мамин ответ. Интересно, в греческом есть матерные слова? – Я своей деньги посылаю, она думает, у меня магазин белья. Но вы молодцы! Вы немцы?

– Натюрлих, – сказала я на всякий случай.

– Ну, тогда все понятно, а как хорошо по-французски говорите!

– Соседи же, – напомнила я ей географию.

– Хотела раньше свое шоу сделать, – разоткровенничалась женщина без трусов. – Но теперь уже поздно, да и атрофировалось у меня все тут. – Она вдруг раздвинула ноги и показала товар, как на деревенском базаре. – Смотрите, ничего же не чувствую. – И стала показывать, насколько она ничего не чувствовала.

Еще заплачет, подумала я.

– Да ладно, милая, не расстраивайтесь, что делать, годы, – пыталась утешить ее мама.

– Да как же так, еще недавно все чувствовала, а сейчас вообще никак. Орган-то отработал, наверное.

Мы сидели, прямо как в очереди к гинекологу.

Армстронг все еще пел что-то очаровательное, женщина-клоун пыталась себя реанимировать через рабочий орган, не прекращая с нами разговор, назойливый лиловый негр оприходовывал женщину со шрамом, а мы старались вести себя не так шумно и весело, чтобы не нарушать творческий процесс вокруг. Когда на сцену вышел доктор в белом халате на голое тело, мы поняли, что черному товарищу пора на другое шоу и уже пришел сменщик. Негр взвыл что-то многозначительно-африканское, поиграл белками глаз, жутко лязгнул огромными квадратными зубами, сделал вид, что ему очень хорошо, что у него отличное настроение, и гордо удалился, подобрав свое хозяйство. Думали, что и женщину со шрамом после кесарева унесут, но нет, видимо, у них плавающий график. Доктор сбросил халатик и стал возиться около изнуренной тети, пытаясь ее оживить. Делал это быстро, смешно, от него рябило в глазах, он все время ойкал, бегал, сутился. Он и сам был похож на сперматозоид, который бьет хвостиком, чтобы быстрей-быстрей, впереди всех, первым долететь до яйцеклетки. Яйцеклетке было пофиг. Шоу застяжало, не получив развития. Репетиций, видимо, было недостаточно, а режиссер был не талантлив и не похотлив.

Посмеявшись вдоволь, мы расплатились и пошли на выход.

– Спасибо, что пришли, – сказала нам гречанка. – Какие вы душевные, хоть и немцы. Вечер тогда явно удался!

C'est si bon,
So I say it to you,
Like the French people do,
Because it's oh, so good.

* * *

Сейчас многие, не останавливаясь на Пигаль, идут выше, по лесенкам на Монмартр, к кафе и художникам. Сначала – к дому, где жил папаша Танги, который был продавцом красок – краскотером, как тогда называли эту профессию. Танги готов был поделиться всем, чем владел, с первым встречным, а уж с художниками – сам бог велел. Он брал у них в залог картины, которые, кстати, никогда не выкупались, и давал неограниченный кредит на краски, холсты и другие необходимые принадлежности. А еще, что немаловажно, бесплатно кормил их, благо женат был на дочери колбасника, и добра этого колбасного в доме всегда было вдоволь. Ван Гог и папаша Танги сразу нашли общий язык. Папаше Винсент очень понравился, ведь тот всего лишь был художником и не торговал своим искусством. Он готов был даром отдать картины любому, кто хотя бы чуточку проявил к ним интерес. А стало быть, Ван Гог мог спокойно и безвозмездно пользоваться красками из запасов папаши Танги, тем более что добра этого ему надо было море – он писал по три картины в день, быстро, с чувством безотлагательности, используя краску прямо из тюбиков, широкими сочными жирными мазками, словно выполнял чей-то срочный заказ.

Ван Гог – личность для меня очень интересная, выплескивающая на холст не то, что видит, а то, как чувствует. А уж чувствовал он – будь здоров!

Ван Гог

Психопат, скандалист, драчун, сифилитик и эпилептик, обожающий абсент. Да, знаю, ну и что? А разве мог написать такие насыщенные, объемные, залитые цветом картины благополучный отец большого семейства, по воскресеньям посещающий церковь и выгуливающий на природе собак и многочисленных детей, пока жена дома засаливает голландскую селедку? Только псих, только очень одинокий, несчастный и ранимый, никому не нужный художник-неудачник. За всю жизнь ему удалось продать всего одну свою картину, и то – родному брату. То, как он буйно воспринимал и видел мир, связано, как считают врачи, с особыми препаратами, которые он принимал от эпилепсии, которая, в свою очередь, развилась на фоне пристрастия к абсенту. И мир он иногда видел в сочных желтых тонах, такое вот побочное действие тех лекарства. Видимо, «Подсолнухи» его – прямое тому подтверждение. Зеленый

абсент на фоне желтых подсолнухов. Красиво получилось. Хотя цветы писать ненавидел, что ирисы, что подсолнухи, – просто на натурщиц не хватало денег.

Сейчас лавку папаши Танги купил какой-то японец, и все у него в лавке теперь японское – японский Ван Гог на рисовой бумаге с иероглифами, подсолнухи какие-то неумелые, нет в Японии подсолнухов потому что. В общем, все не то, по-восточному, и Ван Гог с папашей Танги не имеют к этому никакого отношения. Обидно.

* * *

Встретила одну интересную особу. Зашла в парикмахерскую недалеко от Фобур-де-Сант-Оноре, болтаю с мастером. Все как обычно. Вдруг в салон забегает девушка-красавица с маленькой ушастой мукообразной собачкой с глазами навыкате. У собачки, не у девушки, конечно. Собачка розовая, пугливая и удивляющаяся ласке.

«Подержи пока у себя, – говорит девушка мастеру. – Ее зовут Молли, я вечером заберу». Чмокает парикмахершу, делает ручкой собачке и упархивает.

– Это очень хороший человек, – говорит мне мастер. – Она работает официанткой в соседнем кафе, а в свободное время ворует собак и, вообще, животных в зоомагазинах. Знаете, есть такие зооловки на набережных Парижа? Там животным дают снотворное, чтобы спали, не гадили и вели себя тихо. Она их и ворует. Потом лечит какое-то время, ищет хорошую семью и отдает, безвозмездно. Вот, сегодня эту украла, там еще ей кто-нибудь, видимо, приглянулся, снова пошла.

– И что, специализируется только на собаках? – спрашиваю.

– Нет, про быка рассказывала, кроликов выносила, котят полудохлых.

Про быка это, конечно, сильно! Вынесла? Увела? Как это вообще возможно? Кому пристроила?

В общем, вот такие странные встречи бывают в парижских парикмахерских.

Вспомнился Деточкин...

* * *

Когда-то давно, в начале 90-х, жила подолгу в Париже, стараясь из болезни вытянуть отца. Операции, госпитали, кофе из автоматов, доедание за папой больничной еды – все деньги ушли на операцию, и на пропитание нам особо не хватало. Мы менялись – то мама с сестрой поживет, то я. Так и жили – Москва – Париж – Москва. Тогда я изучала город, все было впервые. Французский знала хорошо, французскую столицу – плохо. Придумала удачный метод изучения – садилась в метро и ехала до любой конечной станции, там выходила и шла до центра. Так постепенно «собирала» весь Париж по веткам метро. Заходила во дворики, смотрела на людей. Когда уставала, садилась в кафе рядом с милыми старушками, настоящими парижанками, – всегда в чулках, даже если +30, всегда с прической, всегда с накрашенными губами, сигареткой и микрочашечкой кофе. Так, через какое-то количество часов доползала с языком на плече до больницы или дома, где жили. Но Париж изучила. Не весь, конечно, но знаю.

Спустя 25 лет решила добрать недоизученные аррondисманы – сяду в метро, и в путь! Но не сегодня. На улице +32, парижан почти не видно, все спрятались, асфальт плавится, люди в музейной очереди падают в обморок. И старушек в чулках уже совсем нет. Закончились...

* * *

Мы с папой в Париже. 1991 г.

Очень хороший музейшко на Мадлен, Пинакотека. Маленький, мною еще не хоженный, но уже раз и навсегда полюбленный. А как же, туда привезли Климта! Я много о нем писала, и

о нем самом, и о его женщинах, и о кошках – об этом не буду. Картины показали те, за которые мы его и любим, – «Саломею», «Юдифь», «Бетховенский фриз». Многое еще чего, и не только его – выставка называется «Во времена Климта». А времена Климта – это ни много ни мало Фон Штук, Курцвайль, Эгон Шиле и Оскар Кокошка. И всех их я сегодня увидела.

Еще времена Климта – это и Зигмунд Фрейд, который повлиял на художника, направив его внимание на женское тело. Фрейд занимался психоанализом с Климтом, а Климт первым стал писать обнаженную натуру именно так, как видел, – с изъянами, складками, рубцами, неровностями и шероховатостями, безо всякой идеализации и божественности. Женщина, как она есть. Вернее, какая уж есть.

Впервые рассмотрела «Бетховенский фриз» – удивительное художественное воплощение «Девятой симфонии» Бетховена. Вот именно так Климт увидел музыку... А видит ее каждый по-своему. Первый раз позолотил работу, с нее и начался его «золотой период». Сначала «фриз» никто не понял, только Роден похвалил. Наверное, для Родена было важно, чтобы все заканчивалось поцелуем, правда?

Бетховенский фриз. Фрагмент

* * *

Вышла поснимать вечер. Тут, в Париже, они красивые, яркие, ветреные, золотые, нельзя пропускать. Постояла на мосту, как часовой на службе, которая нравится. С места не сойти, сплошная красота вокруг. Пароходики по Сене на выбор, хочешь – старенький, на угле, с колесом, хочешь – модерновый, из будущего. Все битком. Люди смеются, машут, разноцветные такие, разнокожие, радостные. Все парочками, за ручки держатся – детский сад, право слово, воспиталки не хватает. И я стою, улыбаюсь, как дура, закату. Нравится он мне, что скрывать. Пока улыбалась, поднялся ветер – я же говорю, закаты ветреные, – и сдуло меня в переулок. По дороге решила в лавку зайти, фруктов купить. Лавка махонькая, полприлавка, продавец милый, косоватый итальянец. Набрала всякого, даю деньги. Он посмотрел на меня пристально:

– Мадам, я хочу, чтоб вы завтра провели самое счастливое воскресенье в вашей жизни! О каков, думаю, спрос у местного населения, и ржу.
– Почему вы смеетесь? Разве вы против?
Разве ж я против? Просто не связывала это с фруктами.

* * *

Начала самое лучшее в жизни воскресенье с красивой походки по набережной Сены. А как еще можно начать воскресенье? Походка удавалась, японцы толкались, спортсмены-бегуны пинались, парижское солнце светило, не понимая, то ли еще поддать жару, то ли пердохнуть после вчерашних 33 по Цельсию. Я гордо шла, держа вместо дамской сумочки от «Шанель» фотоаппарат от «Кэнон».

Набережные местные люблю, они «усажены» букинистами. Есть где порыться, о чем поговорить. Я, вообще-то, совсем неразговорчивая, но люди требуют ответов, задавая мне вопросы.

– Мадам, сегодня хороший день! – Опять они о своем! – Откуда вы?
– Из России.
– Россия большая.
– Из Москвы.
– В Москве красивые женщины, я был, видел.

Я поверила ему на слово и зарылась от него в книгах, старых и пыльных. Пыльные книжки на берегу Сены – это точно мое. Сразу нашла ту, что понравилась, – «Язык цветов», начала XIX века на французском языке. Книжка маленькая, «новая», еще никем не читанная, страницы неразрезанные. Про то, что можно сказать без слов, просто подарив цветок. Как все раньше было деликатно, изысканно и витиевато, с нюансами и намеками. А сегодня просто – миллион алых роз, которые хоронятся в ванной на пару дней и, склизкие, потом выбрасываются.

Ну, в общем, смотрите:

Белая акация – платоническая любовь. Осталась сегодня одна акация, платоническая любовь исчезла, как класс.

Анемоны – не дарите их вообще и даже не смотрите в их сторону – разлука, болезнь, обманутые надежды.

Бальзамин, он же «Ванька мокрый», – нетерпение, когда нельзя, но очень хочется, то можно.

Базилик – только в помидоры или в пасту, если дарить живьем – то к бедности.

Ромашка – к спокойствию. Согласна, пока сосчитаешь – любит, не любит...

С горнензией поосторожней – на языке цветов это значит «порушенная репутация или забытая слава». Ужас, недавно подарила на юбилей целый букетище шикарной «растоптанной репутации»...

Гвоздики – сплошная любовь и капризы. Как-то не вяжется это со временами Советского Союза. Помните, как Брежnev с мавзолея махал народу «капризами»?

Про розы – целое исследование.

Роза без шипов – легкое удовольствие, белая роза – молчание, красная – восторг, розовая – грация. А шиповник – постоянство.

Настурция – всепоглощающая страсть. Видела страсть около одного подъезда, от нее только что отошла собачка. Гасила, видимо.

А мне подарите цветок мандрагоры – есть ли он вообще? – я взбешусь! А бешеную себя я еще не видела.

Старинные гравюры цветов

* * *

Мода в Париже на этот раз меня не впечатлила. Совсем. Абсолютно будничная, скорее спортивная, без изюминки. Вроде все удобно, но настолько универсально, усредненно, униексуально и простенько, что я даже растерялась. Мужчины, правда, стали выделяться окладистыми бородами. Представляю, как они счастливы, что это стало модно и им не надо еже-

дневно водить по скулам своим «жилеттом»! Хотя с непривычки все время почесываются. Штанки подкоротили и показывают цветные детсадовские носочки. Пиджачки цирковые, в цветочек, короткие, материала прикрыться явно не хватает. Сумки яркие, через плечо, очки с разноцветными непрозрачными стеклами, кеды цвета «электрик» – вот он, молодой парижанин. Постарше – те менее яркие и менее смешные. Но парижские мужики, как правило, ходят парами.

Женщины в Париже стали более самостоятельными и мужественными. Короткие стрижки, короткие брючата, кроссовки (только цвет «вырви глаз»), курточка серенькая на молнии, шарфик на шее и рюкзак за спиной, опять же, очень модный аксессуар. Бороды нет. Пока. Шла мимо Оперы перед спектаклем – толпа, поднимающаяся по старой лестнице с дорогими билетами, – ни одного выходного платья, ни одних приличных туфель, ни сумочки, ни шлейфа из приличного парфюма, знаете, когда нос сам поворачивается в нужную сторону донюхать прекрасное? – только рюкзаки со спины. А что нести в рюкзаке в оперу? Сплошное разочарование...

Яркими пока остаются лишь японские стайки – японки одеваются очень хорошо, но что странно – обязательно с длинным рукавом, даже в жару, в широкополой шляпе, очках и перчатках. Неужели они так боятся загореть? Непонятно. Ну и африканки в шикарных национальных платьях до пят с отдельно идущими на почтительном расстоянии за ними попами. Очень выделяются из толпы.

С магазинами – напряженка. Я имею в виду истинно французские магазины одежды. Все маленькие и миленькие бутики сожраны «Зарами», «HM», «Massimo Dutti» и прочими монстрами китайской одежды. Все одинаково и некачественно-одноразово. Чтобы найти французскую марку, надо обрыскать целый квартал. Я не про «Шанель» и «Вuitton» – туда японские очереди на два часа, я про простое.

Так что приодеться в Париже, как раньше, чтобы было заметно, что ты из Парижа, стало проблематично.

У вас на улице та же «Зара» за углом.

Рассказать, что я везу из Франции? Пару платьишек моим девчонкам, майки сыновьям, много книжек и альбомов для работы и кучу сыра. Он пока еще есть! А за-апах...

Ницца, и не только

В Ницце

Тулон, Антиб, Канны, Сан-Тропе – это если от Ниццы по карте налево, а направо – Вильфранш-сюр-Мер, Кап-Ферра, Больё-сюр-Мер, Монако, Ментон. Вот они, городки, называющиеся в нашем народе дурным словом «Лазурка». Нет, не «лазурка» это, Лазурный берег, мечта всех старлеток и кокоток, да, вообще, мечта! Монако, конечно, стоит особняком, это ведь княжество и совершенно не французское, но тоже – мечта. Вдруг принц одарит принцевским взглядом, хотя на белого коня рассчитывать, конечно, не приходится, там у них с этим делом строго, «вдруг» ничего не бывает. Море везде действительно лазурное, средиземноморское, берег – из гальки, довольно малоприятный, погода вечношикарная, как венчозеленые растения, мягкая, теплая и очень располагающая к отдыху. Отсюда, конечно, и безумные цены на все, что движется, не движется, естся и надевается. Место, еще очень любимое миллионерами и ворами, тут так шикарно подъехать к казино на роскошном алом «Феррари», вальяжно выйти, забыв в машине одноразовых длинноногих красоток, бросить тысячную фишку: «На красное!», выпить глоток «Шато лафт», оставить баснословные развратающие чаевые и умчаться на дискотеку Twiga, поменяв там блондинок на брюнеток, и уехать к себе на яхту, где помывшись в шампанском, заснуть до вечера липким сном праведника с кошмарами.

Ницца – шумная, беспечная, яркая для всех. Она выделяется на побережье, стоит немного особняком среди остальных приморских городов: подемократичнее, поживее, почеловечнее, что ли. Не сравнить ее с чопорными шанельно-диорными Каннами с их вечно краснеющей за то, что идет в кино, дорожкой и икорными русскими вечерами, а уж про разгульно-проститучий Сан-Тропе я и не говорю. Там, во всех важнейших местах города, а особенно на побережье, высажены наши женские элитные отряды быстрого полового реагирования. Параметры: до 25 лет, желательно до 20; рост за 180, на платформе – за 200; размер груди – 4–6; волосы – платиновый и золотистый блонд; прическа – длинная волнистость, допускается каре; маникюр дизайнерский, с драконом на каждом ногте и стразом вместо драконьего глаза, допускается разноцветность. Лицо чуть удлиненное, с торчащими утинообразными и неплотно закрывающимися губами, мелким, чуть заметным носом и детскими, широко распахнутыми голубыми глазами. Ресницы встроенные, длинные, загнутые; брови округлой формы, слегка щипанные; зубы одинаково большого размера, отдающие в голубизну. Односложно отвечает на простые вопросы, пьет, курит, обнимается. Такое везде. Я не преувеличиваю.

Главная площадь Ниццы

Ницца мне ближе остальных городов в округе. Тем более что она отличается от остальной Франции своими большими балконами – море же теплое, есть на что посмотреть, а значит, должно быть, куда выйти. Так и сидят люди на больших балконах Ниццы, проводят свою большую жизнь, посматривая на прохожих, кивая соседям и посвистывая красоткам. Даже один из самых хороших ресторанов города назван «Большой балкон», хотя в самом ресторане балкона нет, я проверяла! А простые французские балконы, не открыть, не выйти – ни то ни се, сплошное недоразумение.

Если не лежать на пляже, а лежать там иногда и негде, можно походить по городу. Совершенно чудесный старый город, располагающий к спокойным прогулкам по узеньким улочкам, в которых бывают заторы из туристов – не пролезают некоторые по ширине, и всё тут. А из махоньких кафешек на два-три столика так пахнет кофе, что мимо не пройти! Старый город начинается прямо за местным рынком на улице Кур Солейя, главной пешеходной улице города, где по понедельникам гудит блошиный рынок. Он хороший, думаю, в десятке лучших в Европе, уж поверьте мне. Сюда привозят старое добро и из Италии (до Сан-Ремо всего 40 минут), и из Прованса. По понедельникам тут все. Просто пройтись, присмотреть что-то, поторговаться, выпить кофейку, снова пройтись, купить, наконец, присмотренное – целый ритуал. Улица была пешеходной всегда, народ клубился, поэтому и решили установить на ней во времена Французской революции гильотину – с хлебом было туго, зато зрелищ – хоть отбавляй. Небольшую такую, аккуратненькую гильотинку для обезглавливания непослушного народа вроде нашего лобного места на Красной площади. По вечерам площадь отмывали от крови, а то одна дама пожаловалась в мэрию, что зрелище хорошее, но пачкотное очень – весь подол в крови, – и попросила убираться на местах казни потщательнее, воды не жалеть. С дамой согласились,

к бытовым петициям в те времена прислушивались. На ночь гильотину закатывали в пещеру, чтобы никто не разобрал на части. А то были случаи. Сейчас в этом помещении расположен антикварный магазин, которых тут в изобилии. Весь зал – в люстрах и зеркалах. Внизу – торговля, наверху – живет сам антиквар.

– Пойдемте, покажу, что у меня наверху, только там бардак после потопа. Зимой такой ливень был, все вспучилось, – жалуется хозяин.

Верх очень артистичный, бардачно-творческий и необычный. Большая коллекция детских деревянных машинок начала и середины прошлого века, большой портрет Брежнева, невозмутимо смотрящего на неубранный кухонный стол, набор случайных историческо-бытовых предметов и главная достопримечательность – ванна с дверью от самолета, причем не отделанная плиткой, а просто вырубленная в скале.

– Как вам здесь живется, место же необычное, призраки не приходят? – спрашиваю.

– Нормально, – отвечает, – приходят, но с ними даже и не поговоришь, они все без головы...

Соврал, наверное, должны приходить с головой.

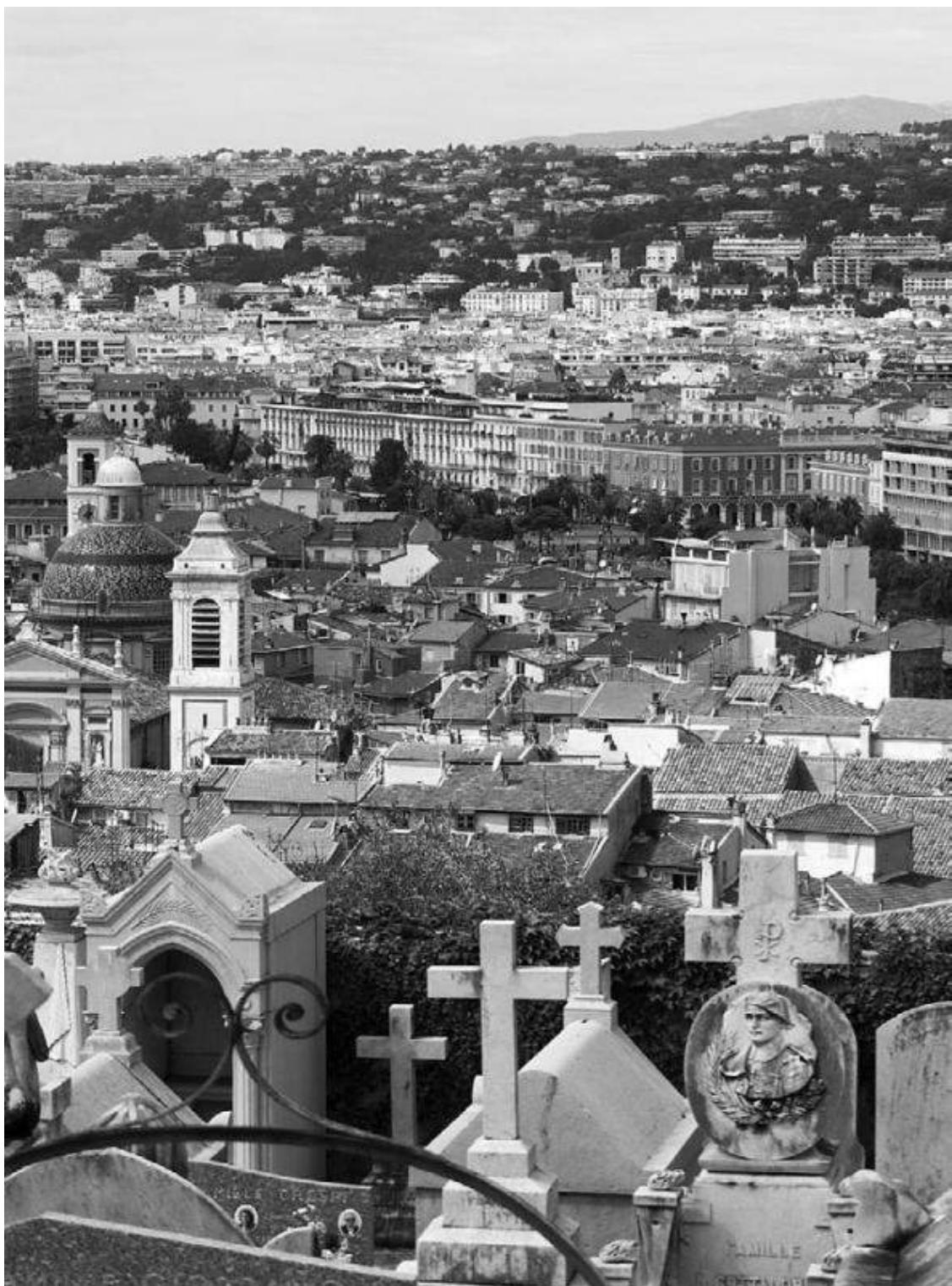
Вид на залив около Ниццы

Старое кладбище Ниццы

Улица «У хорошего доктора»

Вид на Ниццу

Если идти дальше за рынок вдоль моря, упираешься в высоченную скалу и ведущую наверх лестницу. Смело поднимайтесь по ступенькам и смотрите, смотрите, смотрите... Как же там красиво! В советское время говорили «валютный вид»! Поднялась и вспомнила школьный монолог Катерины из «Грозы»: «Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы...».

Действительно, вот так бы... Но не буду, хоть и тоже Катерина. А красота правда неимоверная. Море, город, горы, насколько хватает глаз, а ты пыхтишь все выше и выше, и, кажется,

выше уже просто нельзя, некуда, но нет, снова ступеньки и снова не можешь насмотреться. Следишь за самолетами, которые взлетают и идут на посадку прямо над пляжем, на желтые парашютиki, которые тащатся за катерами с приделанными к ним малюсенькими орующими человечками. И снова наверх, – в парк Шато.

Давным-давно на этой верхотуре стали селиться люди, чтобы быть подальше от пиратов. Беспокойные они, пираты эти. Потом жители окрепли числом, осмелели, стали обживаться за стенами крепости и пошло строительство города именно с этой скалы. Чуть дальше вглубь, за парком – невероятной красоты кладбище, одно из самых удивительных в Европе. Оно разделено на религиозные участки – католическое, протестантское, еврейское, православное, уважительное ко всем. Многие надгробия – настоящие произведения искусства, уверена, достойны лучших музеев. Кладбище стоит на самой вершине скалы, но когда входишь за ограду, попадаешь как будто на дно огромной воронки, а по бокам со всех обступающих сторон все выше и выше поднимаются белые высокие заостренные кверху мраморные памятники, сплошным частоколом. Как будто это чья-то гигантская открытая пасть, и ты ждешь, чтоб тебя сожрали. Через минуту это ощущение проходит, ты начинаешь видеть разнообразие вокруг, успокаиваться, снова начинаешь дышать, поняв, что какое-то мгновение не дышала, не могла, не получалось. И вот вдох, и еще, и теперь просто смотришь, не двигаясь. Посетителей нет, пусто. Пока еще солнечно, но скоро наступит самое красивое время – перед закатом. Я стояла, рассматривая схему кладбища, оно, как город, перерезано улицами. Я запомнила одно название – «Rue au bon docteur» – улица «У хорошего доктора», странно звучит для этого места. Пошла по городу мертвых, стала читать имена тех, кто живет на этих спокойных улицах… Все величественно, достойно и благородно. Слова памяти и любви, выбитые на мраморе еще 150 лет назад теми, кто давно лег рядом. Матери, пытающиеся удержать уходящих ввысь детей. Скорбящие каменные фигуры то тут то там, бессильно и навечно прильнувшие к кресту.

Я шла наверх, в гору, по узенькой «улочке» чьего-то имени, мимо белоснежных домов-склепов, стена – к стене, семья – к семье, просто так, никого не искала. Недалеко от входа – мемориал в память о тех, кто погиб во время пожара в Опере Ниццы в 1881 году. Давали «Лючию де Ламмермур», народу пришло много. Сгорело около двухсот человек, из них 70 – студенты, купившие самые дешевые билеты на галерку и не сумевшие выбраться из огня.

Белые могилы, казалось, громоздились одна на другую, словно многоэтажные сооружения, было не по себе. Но знакомые имена попадались. В элегантном, резном готическом склепе, именно в элегантном, иначе не скажешь, лежит огромная семья и девушка, которую знает весь мир. Вернее, ее имя, – Мерседес, та, в чью честь назвали вечную машину, символ роскоши и богатства, сократив со временем название до унизительной клички «мерс». На самом деле звали девочку совсем по-другому – Адрианна Марриэта Рамона. Папе просто нравилось имя Мерседес, он называл им все, что имел и хотел: дочку, виллу в Бадене, два дома в Ницце (Мерседес-1 и Мерседес-2). Многочисленные яхты тоже стали «Мерседесами», а потом он вообще решил присоединить это приятное его уху слово к своей фамилии Елинек.

Еще здесь Александр Герцен, философ, вечный изгнаник и глубоко несчастный человек. Стоит, бронзовый, насупившись, скрестив руки, и смотрит в сторону России. Вероятно, верит в ее светлое будущее. В юности считал, что страдания, трагедии и несчастья делают жизнь человека ярче и насыщенней. Получил сполна: женился на кузине, которая, рожая ему детей, изменяла с другим, но жили они при этом все втроем под одной крышей. Дети болели и умирали, Герцен писал и мучился. Вызвал к себе мать с глухонемым сыном, которые по дороге в Ниццу утонули в кораблекрушении. Жена от нервов заболела чахоткой и умерла в родах. Умер и только что рожденный сын. Герцен отсылает оставшихся детей – троих из семи рожденных – и начинает жить снова втроем, на этот раз с другом детства, Огаревым, и его женой. Вот так сурово. Жена Огарева рожает Герцену еще троих детей, которые формально записаны на Огарева. Но близнецы умирают во младенчестве, а о старшей дочери надо сказать особо.

Бедная Лиза, так ее звали, очень любила отца, которым считала Огарева, Герцена называла дядей, а сама носила фамилию Огарева-Герцена. Когда ей исполнилось 10 лет, мать открыла ей правду, и это, видимо, подломило психику подростка. В 17 лет она покончила жизнь самоубийством из-за неразделенной любви к 44-летнему мужчине. Вот такая страшная греховная жизнь, полная грязи, страданий, былого и дум. А кто виноват?

В школе нам, конечно, ничего такого не рассказывали, да и не надо было, наверное, подогревать нездоровий интерес. К чему это? Просто говорили, что велик, могуч, одарен, талантище. А я, кроме странной фамилии Негров из его романа, и не запомнила тогда ничего, рано было, не пора. И вспомнила, только когда увидела темную сутулую фигуру Герцена на фоне остальных белоснежных памятников. Вот так.

Ходила еще, смотрела на могилы, читала, как названия книг, эпитафии и цитаты. Теперь я была на самом верху, пройдя вдоль всех «улиц», и смотрела уже вниз на саму Ниццу и видела, как незаметно надгробия переходили в черепичные крыши там, на склоне, как сливались и становились одним целым, одним городом.

Вспомнила еще об одной несчастной – Айседоре Дункан, которая эффектно проехалась на авто с развевающимся длинным шелковым шарфом ало-цвета. Это ведь так красиво, когда шарф трепещет яркой лентой на ветру, так театрально, так постановочно. Но вдруг шофер услышал хрип, оглянулся и увидел, что Айседоры уже нет – край шарфа попал в колесо и мгновенно задушил ее. Где это случилось? На Английской набережной в Ницце.

* * *

Ну, что это я о грустном? Ницца – веселая, вечно летняя страна! Ленивая утренняя жизнь начинается поздно, лишь особо ретивые и пытающиеся себе что-то доказать выбегают на пробежку по длинной набережной Ангелов ранним утром, чтобы доскакать до аэропорта и приковылять обратно. Пляж заполняется только после того, как съедены все выпеченные рано утром круассаны. Знаете, какие круассаны самые вкусные? Только, что из печки, скажете вы? Ну да, правильно. Другое дело, что до этого они должны быть обязательно заморожены. Внутрь надо заложить кусочек сливочного масла, слепить этот замечательный слоеный полумесяц и заложить в морозильник для связки – на холоде все по-нужному скукожится, перемешается и сцепится, чтобы потом в печке как следует набухнуть, увеличиться и зарумяниться. Тогда они хрустят, а не просто вяло растекаются по руке. Так что когда съедены хрустящие круассаны и выпито эспрессо, все тянутся на пляж, где и лежат до обеда, жарятся.

Я во всех кафе и ресторанах всегда спрашиваю «Блюдо дня». Это название появилось лет 300–400 назад во Франции, в маленьких приморских едальнях, и называлось не «Plat du Jour», а «Poisson du Jour», тоже и PdJ. То, что рыбаки привозили из моря, то и готовилось, морской окунь ли, камбала или мули (мидии), то и становилось основным блюдом, ну а добавить салат или рататуй дело нехитрое. Сейчас, конечно, все разнообразнее и насыщеннее, но попробовать «Блюдо дня» стоит везде.

Устрицы – только что из моря

В Ницце и ее окрестностях есть несколько любимых ресторанов, в которые я всегда возвращаюсь. «La Petite Maison» («Домик») в самой Ницце, со свечами на высоких подсвечниках, шикарным шефом и вечной полусумасшедшей хозяйкой Николь, которая приходит каждый вечер, здоровается со всеми завсегдатаями, жадно пьет воду и пинает, в прямом смысле слова, официантов. Однако держит заведение на высочайшем уровне, шипя и гоняя персонал, а иногда заодно и клиентов. В общем, это ниццевский шик. Без записи туда не попасть, за неделю-две, будьте любезны! Там встретила однажды Элтона Джона, сидел в компании, прямо как живой, вкушал местные блюда, запивал сухим беленьким, радовался музыкантам, которые пели ему же песни, голося у стола. Не зря на меню и на салфетках лозунг ресторана «Все знаменитости – у нас!». Я это проверила, действительно. Этот ресторан – один из самых интересных по кухне, но слишком пафосный по амбьяансу. На стенах ужасные картины кого-то из местных – приkleенная к доске тарелка с жутким глазом, две засохшие булки и нарисованные вилка и нож. Модерн арт, едрина матрена! 2200 евро. В меню местные деликатесы: «флер де куржетт» – жаренные в пивном кляре цветки цуккини, взбитый и избитый до полусмерти омлет с трюфелями, нежнейшее и очень необычное блюдо. Делается просто – подогревается минеральная вода с газом, совсем немного, и туда вмешивается уже хорошенъко взбитое яйцо, но и потом нельзя останавливаться, нужно взбивать и взбивать. Несколько капель сливок – и в результате получается тончайший белковый крем-омлет, который густо засыпается тертым трюфелем. К слову сказать, в этом ресторане посетители съедают два килограмма трюфелей ежедневно, только успевай закупать! Закупают в основном в Перигоре, не в Италии же, у конкурентов! Знатоки-нюхачи насчитывают сорок оттенков запаха трюфеля. По размеру грибки разные – от маленьких, как вишенка, годящихся разве что для соуса, до крупных, с яблоко и больше, очень редких. Никто никогда не видел, как трюфеля растут, прицепляясь под землей к корням деревьев. Найти это сокровище можно тремя способами – с собакой, с хрюшкой или

место покажут мухи. Мухи роятся над подземным трюфелем, откладывают личинки и начинают в нем размножаться. Обычно – в одном, соседние грибы целы. Хрюшка сама обожает грибы, чует их и несется со всех ног, чтобы открыть и сожрать, только успевай отдернуть. Ну и собачки, которых обучаю «тихой» охоте с самого щенячьего детства, подсыпая тертый гриб в молоко, все усложняю и усложняю задания.

В Ницце недалеко от рынка есть заведение «Земля трюфелей». Там с трюфелями все, я даже не говорю о банальных фуа-гра, ризотто, пельменях или сыре «Бри», там с трюфелями десерты – панакотта, мороженое и крем-брюле! А ликер под названием «Аперитрюф»? 38 евро за 50 грамм? А? Вот такое вот трюфельное место. Причем отношение к кормильцу, то есть к грибку этому, самое что ни на есть уважительное – в меню он пишется по латыни, «truffe Aestivum».

Есть еще много интересных гастрономических мест – «Коко-бич» с шикарным видом на залив и маяк, со свежайшей рыбой и просторными верандами. Есть «Остерия Жером», но это в предгорье, в удивительном месте Ля Тюрби, на высоком утесе, куда стоит просто приехать и посмотреть на берег сверху, а ресторан этот в средневековом городе – что-то неземное. Есть хорошие кафе с простой ниццианской кухней – «La Villa», в старом городе, «Massara» – почти на набережной и, видимо, много других, просто я о них не знаю.

Старая Ницца

Вид из «Коко-бич» на Английскую набережную

Но это же не путеводитель, это просто мои места.

Ниццианская кухня отличается от французской обилием рыбы. Конечно, здесь же море с его возможностями! Рыбу жарят, запекают, как везде. Исконное местное блюдо – сокка, лепешка из протертого белого нута. Промолоть нут, взять вдвое больше воды, оливковое масло, соль, перец, прованские травы, если кто любит. Все смешать, дать постоять час, чтобы набухло, и запечь в духовке минут 10. Попробуйте вместо хлеба, очень необычно и вкусно, чистый белок. Можно и с рыбой.

Рыбы изобилие: сардины с анчоусами и барабульками, не все вместе, конечно, а по отдельности; кальмары, креветки с мидиями, огромный тунец – основа приморской кухни, который заставил о Ницце говорить в любом меню по всему миру, – салат-нисуаз вспомнили?

Готовится он везде с разными нюансами, но основа – всегда анчоусы, свежие овощи, крутые яйца и оливковое масло. Здесь вообще культ оливкового масла. На рынке я его даже не узнала, думала, духи – в таком красивом флаконе оно продавалось. Сейчас в салат добавляют консервированного или жаренного на гриле тунца, салатные листья (лучше с горчинкой), каперсы. В каждом кафе или ресторане своя интерпретация салата-нисуаз. Чего там не должно быть, так это вареной картошки и стручковой фасоли. Но вкусы у всех разные.

Салат – нисуаз

Салат-нисуаз

на 4 порции:

Салат листовой – 1 кочан

Помидоры – 4 шт.

Яйца вкрутую – 3 шт.

Луковицы – 3 шт.

Сладкий красный перец – половинка

Чеснок – немного, по вкусу

Маслины вяленые – десяток

Анчоусы в масле – 8 шт.

Тунец в масле – 150 г

Лимонный сок – из пол-лимона

Оливковое масло – по вкусу

Базилик зеленый – 8 листиков

Винный уксус – побрызгать

Соль, совсем немного

Молотый черный перец

Все смешиваете, как умеете, не учить же вас, как собирать салат!

Прованское масло продается, как дорогие духи

Летняя кухня Прованса немного отличается от зимней, хотя температура не так уж и сильно скакает – зимой в среднем +12 градусов, а бывает и до +20, как получится. Тем не менее зимой больше овощей, жаренных в кляре, равиоли с густым коричневым соусом из телятины daub, есть даже требуха, хотя ей, конечно, больше увлекаются на севере. Там это целая культура. Культура требухи, звучит, а? Тут все объяснимо: требуха, то есть внутренние органы, – недорогая, сытная еда, ею быстро насыщаются, а французские повара возвели ее в ранг гурманства. Мне, к сожалению, не совсем понятны все эти почки-мозги-вымя и другие внутренности, не доросла, видимо. Для меня это просто несъедобно. Но однажды, совершенно случайно, в один из первых моих приездов во Францию, заказала в ресторане *riz-de-vaux*, зобную железу теленка, решив поначалу, что это телятина с рисом. Съела, конечно, но подумала, что, видимо,

теленок чем-то болел, ветеринары пропустили, уж очень консистенция мяса была необычна. Ждала, что тоже заболею, я же три года жила в Индии, опыт имелся. Так что я большой знаток требухи, обращайтесь!

Вино в Ницце пьют обычно чуть разбавленное водой, хотя оно само по себе здесь некрепкое – 9° градусов по сравнению с 12–13° других сортов. Начинают обычно с белого, оно не оставляет послевкусия (кроме разве что яркого бургундского «Монтраше»). В общем, различные обстоятельства требуют различных вин, а их тут предостаточно – и вин, и обстоятельств.

Из напитков я еще люблю «Панаше» или «Монако» на основе пива, попробуйте как-нибудь, очень по-французски. В общем, я небольшой знаток, но это то, что усвоила и полюбила за все мои путешествия по Средиземноморью.

* * *

Жизнь на побережье начинается ближе к вечеру. Дамы влезают на платформы с каблуками, мужчины закрывают волосатые коленки цивильными брюками – и вперед, в ночную жизнь, на охоту! Самое пафосное место на Лазурном берегу – Сан-Тропе. Днем длинноногие девочки с утиными губками и избыtkом силикона во всех жизненно важных органах высматривают на пляже добычу. Они хотят прикоснуться к прекрасному – к яхте ли, к шампанскому «Кристалл», лично к хозяину – неважно, главное, чтобы на белом катере к новой жизни, правда же?

Видела однажды стайку: кафе в порту, столик, обсаженный девами, и военный бинокль с 8-кратным увеличением, передаваемый из рук в руки. Сидят, внимательно, по-полководчески, вглядываются в шикарную яхту на рейде. На палубе – ленивые позы загорающих, дымок от сигарет, «Розе» в бокалах, вышколенный персонал.

– Вон тот пузатый, кажется, – говорит одна девица (как в сказке о царе Салтане, только не в рифму).

– Нет, пузатый не похож, олигархи теперь не пузаты, они себе ничего такого не позволяют, хотят долго жить, – говорит ее сестрица, передавая бинокль дальше по кругу.

– Ну а этот же красавчик, который в белых трусах, не может быть хозяином. И красивый, и яхта, такого не бывает, – молвят третья девица.

– Хосподи, Настя, а тебе не все равно? Нам надо понять, кто хозяин, чтобы отследить его до клуба и подойти именно к нему. А то пристанем к капитану или к простому гостю, он нас вы... и выкинет. Ни денег, ни удовольствия, тебе это надо? Смотри внимательней!

И снова в окопе, снова обсуждения, характеристики, догадки.

Так и не поняли в результате, решили просто ждать ночи, отслеживать, кто приедет на катере, и пытаться прорваться в клуб следом. Какая на фиг разница, к кому приставать? Главное, что кандидат с тако-ой яхты... В общем, я б для батюшки-Царя родила богатыря!

Грустненько было, честное слово, грустненько. А тем временем за соседний с девочками столик сел веселый молодой человек в цилиндре, черных ботинках и в памперсах на длинных зеленых атласных бретельках-лентах. Очки у него были зеленые и круглые. Он сидел и весело смотрел на красавиц с биноклем, но его памперсы и цилиндр были барышням не интересны.

Россия

Когда мой старший, Лешка, вырос, мы как-то летом поехали с ним в Испанию, на самый юг, в район Малаги. Мы каждый день ходили на пляж, и там он подружился с одной немецкой девочкой, которая отдыхала с родителями, приходя на берег рано утром и уходя с заходом солнца, вытягивая из отдыха все до капли и впитывая последний солнечный лучик, чтобы не пропадало, чтоб все в себя, а как же. Была это, наверное, какая-то детская влюбленность, привязанность, они ворковали по-английски, по-школьному строя предложения, но без усилий понимали друг друга. Когда пришло время расставаться, Леша спросил у девочки, не приедут ли они снова сюда на следующее лето? Нет, сказала девочка, на следующее лето мы все едем в Португалию, через год в Грецию, через два – на Бали, потом – в Австралию, а потом – в Бразилию, а дальше у нас начинается период Южной Америки. Я была ошарашена этим ответом. А вдруг она уже выйдет замуж и сорвется какая-нибудь поездка? Все они расстроятся и возненавидят жениха? А вдруг, не дай бог, кто-то заболеет и надо будет подлечиться? Или все равно потащат с собой больного на закорках? А если на работе ЧП, и ехать нельзя? Как можно так надолго планировать жизнь, чтобы, приехав только что из одного путешествия, готовиться к следующему весь год, знать, куда, с кем, когда. Нет, наверное, это удобно так точно выстраивать наперед всю свою жизнь? Так педантично, планово, как пятилетку.

Хотела бы я? Нет. Точно нет.

Я на дне

Я подхватываюсь и еду. Когда-то – с мамой, потом – с детьми, могу и одна. Мне раньше казалось, что «видеть мир», значит обязательно ехать за границу. Нет, на самом деле я больше увидела и поняла, путешествуя именно по России, когда стала кататься с моими персональ-

ными выставками. Выставка открывается обычно в местном музее – или краеведческом, или художественном, и ты попадаешь в музейное сообщество. Музейные работники – это совершенно особые люди с какой-то своей философией, бескомпромиссные, творческие, трепетные, получающие копейки и при этом сохраняющие культуру в прямом смысле слова. С ними интересно и спокойно, они не обсуждают политику с пеной у рта, они вообще с пеной ничего не обсуждают. Иной раз и название города не вспомнишь, только музей, в котором была. Музей Эрзи, например, в Саранске. Город старинный, с XVII века стоял как крепость на юго-восточной границе Русского царства, с богатейшей историей, с башнями, посадами да монастырями. Стенька Разин его захватывал, Емельку Пугачева, как Петра III, Саранск встречал хлебом-солью. Ну и в наши дни, читаем в энциклопедии: «Экономический подъем в начале 2000-х, наблюдавшийся в России, отразился и на Саранске. В последнее время наблюдается значительное развитие городской инфраструктуры. Строится новый стадион «Юбилейный», нескольких крупных жилых кварталов, гостиниц и других объектов. Идет строительство двух кольцевых дорог и прямой трассы между п. г. т. Николаевка и одной из центральных артерий города – улицей Полежаева».

Это счастье, что все это строится! Кто же против? Но где хоть одно историческое здание этого древнего города? Собор, и тот построен в начале нынешнего века. Где хоть что-нибудь из прошлого? Стекляшки, нержавейки, елочные гирлянды на винных лавках, новодельный огромный храм, гостиничные коробки и торговые центры под копирку – Саранск не отличишь сегодня от сотен таких же безликих типовых городов. Одно «но» – там уникальный музей Степана Эрзи, замечательного художника и одного из самых удивительных скульпторов. Музей, богатый его работами и вдохновляющий на творчество. Моя выставка проходила там на первом этаже, а я все свободное время проводила на втором, у него.

Он жил в мое любимое время, в Серебряном веке, как раз когда и Ахматова, и Шаляпин, и Несторов, и Цветаева, и Врубель, и Коровин, и кто только не! Когда так питали и подпитывали друг друга, творили и мечтали, создавая гениальную серебряную основу для развития. А он, мастер из Мордовии, эрзя по национальности, сделал себе национальность эту фамилией, чтобы люди знали, что есть такие – эрзи. Расписывал церкви, писал иконы, потом начал работать с мрамором, бронзой, бетоном, чугуном, гипсом, но любимым материалом стало дерево. Вытачивал, выпиливал, создавал абсолютно живые скульптуры. Все лица его скульптур, как правило, отшлифованы до блеска, будто выглаженные, так и хочется погладить, а вокруг – необработанное дерево, вроде как буйство волос. Признаюсь, погладила, когда никто не видел, провела рукой по лицу какой-то скульптуры, чтобы удостовериться, что это именно дерево, а не человеческая кожа. Так и не поняла. Вроде поверхность была теплая...

В общем, не срослось у Эрзи с революцией, работать не давали, уехал в Париж, а оттуда – в Аргентину, где пригласили устроить персональную выставку. Устроил, остался на 23 года. В Аргентине! Там был другой мир, другие люди, другие деревья, ведь именно с деревом он так любил работать! Раньше знал, как «уговаривать» орех и дуб, здесь познакомился с экзотическими породами невероятной красоты и певучих названий, о которых еще никогда не слышал, – кебрачо, альгарробо, урундай.

Астрахань. Улица, где жила пробабушка

Собор Святого Федора Ушакова. Саранск

Венера Эрзи

Кебрачо переводится с испанского как «сломай топор», «quiebra-hacha», настолько это тяжелая плотная древесина. Представляю, сколько топоров было сломано, прежде чем это дерево так назвали. Вручную его срубить очень сложно. Когда его валят, оно истекает кровью, как человек. Древесина кроваво-красная, иногда в черноту. И на срезе проступают капли... Эрзя первым из этого дерева-человека начал делать скульптуры, оживлять и одушевлять. До него никто с кебрачо не работал, из него просто делали вечные шпалы, которые не приходилось никогда менять. Специально придумал инструмент наподобие зубной бормашины для работы с деревом, ведь кебрачо по плотности похоже на слоновую кость. Вот он и убирал сверлом все ненужное, оставляя потрясающей красоты лица, теряющиеся в копне волос необработанного дерева. Может, он и остался так надолго в Аргентине, найдя наконец свой материал для работы? Хотя там, в Аргентине, делал скульптуры мордвинов и мордовок, тосковал, был, видимо, счастливейшим скульптором и несчастнейшим человеком. На восьмом десятке все-таки вернулся в Москву. Уйдя, оставил нам столько невероятной красоты, жизни, радости и вдохновения, что хватит и на Россию, и на Аргентину, и еще останется! Удивительный человек, удивительная жизнь. Вот это для меня Саранск. Более чем достаточно.

* * *

В каждом городе сразу иду на рынок, вещевой ли, продовольственный, бараходка – неважно! Это всегда самое колоритное место в городе. И я там обычно пользуюсь большой популярностью.

– Вы Рождественская? Я папу вашего очень любила! «На земле, безжалостно маленькой, жил-да-был человек маленький...»

– Вы тот самый фотограф? А чего вас к нам занесло? Для натюрмортов что-нибудь купить?

– Ух ты! Богачи приехали! Я вас расшифровал!

Хожу, смотрю, слушаю. Чувствую себя Гиляровским на Хитровом рынке. Одеты все по-другому, словечки более современные, а так...

– Сегодня суперскидки! Особенно инвалидам и ветеранам Куликовской битвы! Женщина, купите золотое яблочко – начало всех начал! Откусить не предлагаю, все знают, чем это может кончиться!

– Спасибо, я тоже в курсе.

– Как же я люблю образованных дам!

– Саш, давай, спой жемчужину коллекции! Советское – значит отличное! Давай Булата Шалвовича! Давай несколько: «Синий троллейбус», «Виноградную косточку» и «Сиреневый бульвар»! – настаивает мужик в шляпе, который хочет петь больше, чем сам Саша.

– Отойди и не позорься со своим бульваром! Это не Окуджава! – говорит полуголый гармонист Саша и пьяно затягивает: «...Ка-а-андуктор не спешиши, ка-а-андуктор, панимаешь...»

Молодых продавцов на рынке редко когда встретишь, все люди с собственным мнением и с прошлым, которое в голос заявляет о себе.

– Все надо соизмерять, – говорит один «с прошлым» на опухшем лице и шрамом через весь толстый живот. – Раньше мог все! И всех! А сейчас ограничен в своих выкрутасах! Утром мог яичницу из 12 яиц и пузырь засадить! А щас... никаких особых желаний. Стакан, и все. Мельчает человек к старости, ох, как мельчает!

– Юр, сядь уже, не суетись, щас всю посуду перебьешь – на земле – старые советские чашки и тарелки, пара люстр с брошенных дач, шахматные коробки без шахмат, прошловековые «Огоньки»...

– Зин, у меня синдром беспокойных ног и раздраженного кишечника!

– Господи, как это?

– Сучу ножками от нетерпения и жопу рву, чтоб хоть что продать!

– Юр, ты у меня сегодня какой-то эмоциональный! Ты клиентов распугиваешь!

– Наро-о-од, не проходим мимо! Смотрим, покупаем и уходим!

Ушла.

С сестрой Ксенией. Куда снова едем?

Питер

Питер уважаю. Раньше садилась в «Красную стрелу». Бессонная ночь в вагоне – надо же за дорогой следить (вдруг машинист свернет не туда), а наутро на Московском, и обязательно дождь. Как без дождя, это же Питер. Хотя когда редкое солнце, в Питере удивительной красоты облака, небо синее, чем в Москве, глубже, насыщеннее, понаблюдайте. Теперь модно на «Сапсане» – Тверь, Бологое, все дела. Приехала – и сразу в Русский музей. Остановка такая – «Русский музей». Прямо туда. Тянуло неимоверно. Была недавно одна попытка – приехала на одном поезде, умчалась на следующем: мама попала в реанимацию. Она меня все отправляла: «Съезди, тебе это необходимо». Поехала уже теперь…

Люблю я Русский музей больше остальных. Эрмитаж для меня очень туристический какой-то, шикарный, конечно, но напыщенный, и нету у меня к нему внутреннего трепета, давит сильно, наверное. «Русский» – другой по ощущениям, строгий, чуть в стороне, но на виду, отдельный, очень достойный, мой. Рвалась туда давно. Есть во мне что-то вампирское – надо мне иногда подпитываться от великого. Глазами наедаюсь, иначе говоря. Каждый раз другие ощущения, и внимание обращается на что-то новое.

Еще очень уважаю музейных старушек. Когда-нибудь я тоже стану музейной старушкой, буду сидеть в каком-нибудь уютном зале на сквозняке, там же везде сквозняки (но у меня под вязаной кофтой обязательно будет пояс из собачьей шерсти, чтоб не зарадикулитить), и буду смотреть на любимую картину, не знаю еще на какую, но пристально-пристально и мысленно оживлять ее, погружаться в нее и иногда отвлекаться на беспардонных туристов, мешающих моим фантазиям. Короче: «Руками не трогать!» А в картине обязательно будет что-нибудь происходить. Я выберу какую-нибудь сюжетную, насыщенную, со множеством героев, ну вроде Семирадского или, еще лучше, Кустодиева, яркого, сочного, с его вечными купцами и купчихами. Буду сидеть и придумывать им жизнь, имена, мужей, детей, заплетать связи и расплетать треугольники, хотя какие у купцов треугольники, захотел – дал сопернику в морду, вот и весь треугольник. Какой уж там Семирадский с его вечными грешницами? Или взглянуться в пейзажи Клевера с его красными закатами и сказочными лесами, почти берендеевскими, всматриваться, искать следы на снегу, птиц на ветках и чуть ли не засыпать, успокаиваясь. Вот так и переходить из зала в зал, выбирать картину по настроению (ну, кроме Босха и Верещагина, конечно) и мечтать. Поймала себя на том, что обычно начинаю рассматривать картину с деталей, не отходя на положенное расстояние, как главнокомандующий, наблюдающий за панорамой боя, а впритык, вплотную, как почти участник. Пытаюсь увидеть, что там, за нарисованными кустами, придумать, кто спрятан за окнами нарисованных домов. Кто утонул в «Девятом вале» Айвазовского, и куда именно летит «Демон» Врубеля. А еще: что было надето на Иде Рубинштейн, когда она шла позировать Серову? Какой чай – краснодарский? индийский? – налит в чашечке кустодиевской купчихи? И какие стихи написала Ахматова в день, когда ее начал писать Петров-Водкин? Картины воспринимаются как шикарные иллюстрации к личным фантазиям, очень детально, очень изнутри. Так что уж если где-то сидеть, то только в «Русском».

В Русском музее

Просто питерский двор

Еще есть у меня в Питере одна слабость – дворы, обычные питерские дворы. Очень они живые и человеческие. Каждый с характером, бывает, даже с норовом, а есть, наоборот, очень расслабленные, с советскими клумбами и обязательно копающимися в них старушками. Много детских двориков с болтающими мамашками и орущими мальчишками, играющими в вечные детские игры, дворы со своими бомжами, голубями и кошками, есть расписные и исписанные, не в мочевом смысле (хотя и такое встречается), а словами. В одном увидела длиннющий навесной лифт, уходящий в небо со скромным именем «Пенис». Есть дворы высокохудожественные, есть претендующие на высокое художество. Зайдите во двор дома 2/7 по улице Чайковского, ул. Жуковского, 31, в любимый двор на Литейном, 61.

Питер за последние годы очень изменился. Красавец, благородный, пока еще стоит, вернее, выстаивает из последних сил. Он уже только фасадный, разваливается изнутри, разъедается временем и жильцами. Хотя красота еще осталась – где-то полуушедшая, где-то целиком. Ее можно бы еще подправить, подпереть красоту эту, помочь ей выстоять, и дети не на стеклянках с шаурмой будут воспитываться. Столько по Питеру в эти дни бродила, столько видела, столько расстраивалась.

Приехала раз как-то в Питер поснимать. Мальчик, который помогал нам, рассказал, что организовывал недавно съемки какого-то фильма в старом, заброшенном особняке купцов Брусницыных, где все случайно сохранилось так, как до революции. Не раскурочили, не разворовали, не испоганили, не истребили. Не знаю, как этому дому удалось избежать общей участии и спрятаться от рабоче-крестьянских мародеров, не знаю Попросила парня, чтоб свозил, показал. Вот мы и приехали на Кожевенную линию. Снаружи – дом как дом, не дворец совсем, двухэтажный, приземистый, ничего особенного. Принадлежал раньше купцу-кожевнику, который купил его в 1844 году и открыл свое производство, наняв поначалу человек 10. На улице

этой еще со времен Екатерины кожевники селились здесь, за Невой, подальше от царского носа, чтобы не воняло. Росло производство, разрастался дом, то одно крыло увеличится, то потолок второго этажа поднимется, то зимний сад появится. В конце столетия дом перешел по наследству трем сыновьям – двое за границу подались в революцию, один остался главным инженером на родной фабрике. Ну а октябрьский переворот на саму фабрику особо не повлиял – главного инженера посадили, а завод стал называться именем Радищева. При чем тут Радищев, не ясно, и какое отношение он имел к вонючему кожевенному производству, тоже непонятно. Тем не менее в особняке разместилось заводоуправление, а в огромном зимнем саду – химическая лаборатория. Там, где раньше были ворота во внутренний двор, поставили при Советах проходную и посадили вахтера, который до сих пор тут и сидит.

Нас пропустили по какому-то магическому паролю, и мы поднялись на второй этаж по обшарпанной советской лестнице с пластиковыми поручнями и протертым банально-желтым линолеумом. На втором этаже никакими купцами тоже не пахло: обычные комнатенки с номерами, заляпанными краской, знакомые с детства дурацкие агитплакаты типа «Береги электроЭнергию!», грязно-синяя, с подтеками, масляная краска на стенах и одинокое цинковое ведро с полуистлевшей тряпкой у туалета с железным шпингалетом.

Вход в позапрошлый век

Столовая

Оранжерея, где когда-то росли ананасы

Может, именно это зеркало Дракулы?

Белый зал

Где роскошь, о чём говорил парень, я понять не могла. Он сбежал в один приоткрытый кабинет, пробубнил там что-то и вернулся с ключом. Ключ современным не был – длинный, благородный, с нарядно украшенной головкой, удобно лежащей в руке. Подошел к двери, совсем непримечательной, одермантиенной, но много выше, чем остальные. Открыл, вошел и щелкнул старомодным выключателем. Никакого «ах» не было. Был коридор в другое измерение. Простой зеленый коридор, который отделял один мир от другого, как в кино. Разделял не только пространство, но и время. Мы вернулись на два века назад, только хозяев пока не было дома. Парень шагнул за какой-то выступ и снова щелкнул выключателем. Мы оказались в большой комнате с пятиметровыми дубовыми резными потолками. И панели в тончайшей резьбе, и двери, и два огромных, вросших в стены, мореных буфета с крупными бараньими головами – символом торговли. Окон не было. Одна большая стеклянная дверь выходила в зимний сад, другая – в соседний зал. Тяжелая бронзовая люстра освещала центр столовой, стены подсвечивали бра. Раньше, сказал наш гид, тут стоял стол на 60 человек, а вокруг – светлые кожаные кресла. Я все поглядывала в сторону зеленого коридора – вдруг портал закроется, и мы останемся тут? Но в том конца коридора слабо подрагивала длинная бледная лампа дневного света, привет из настоящего. За буфетом обнаружилась потайная дверка в бильярдную. Зачем её надо было делать потайной и такой маленькой? Мы двинулись налево, в зимний сад. Помещение было похоже на зал ожидания какого-то вокзала: высокое, воздушное, со стеклянным потолком и прозрачными стенами. Вдоль единственной стены стояли мелкие советские шкафчики, белые, со стеклянными дверцами, похожими на больничные, с многочисленными склянками. Пыльная резиновая трубка длинным хвостом свешивалась из открытой дверцы. И повсюду обрывки бумаг, каких-то квитанций и неяркий питерский свет сквозь немытые окна. Рот не закрывался от удивления. Через столовую прошли дальше в глубь дома, толкнули двой-

ную дверь и снова замерли от восторга. Еще одна большая гостиная, обитая до потолка тяжелым терракотовым штофом, совершенно не тронутым временем, не срезанным в тяжелые времена на платья, богато убранным золотом, редкой красоты. Вставки из штофа чередовались с зеркальными полотнами до потолка в резных золоченых рамках с патиной, с золотой сеткой наверху, упирающейся в потолок с лепниной. Отовсюду, из стен и потолка, выпирали цветы, дракончики и ракушки и комната казалась живой и уютной, несмотря на большие размеры. Я ходила и гладила шелк на панелях, нигде не протертый, не заляпанный, удивительно сохранившийся за эти 150 лет. Рассматривала зеркала, в которых отражалась люстра, которую и не меняли со времени строительства дома. Открыла еще дверь в зал – просторный, прямоугольный, когда-то белый, но утративший кипельную белизну давно, облагороженный временем, чуть затененный копотью от свечей, оживленный, нестерильный, роскошный! Большой белый мраморный камин с щекастыми ангелами, чудом сохранившаяся консоль рядом. Все в белой резьбе – от стен и дверей до потолка. Видно было, что жили Брусницыны на широкую ногу, деньги на красивую жизнь не жалели и пыль в глаза пускать любили. Зал поражал размахом, чувствовался вкус архитектора. Представила, как кружились здесь шикарные пары, разодетые в пух и прах по последней парижской моде, заучившие всевозможные «па» у нанятых французских учителей танцев. Как купчихи дочек неопытных своих впервые выводили в свет, мыли-чистили, завивали, пудрили, в корсет запихивали, камнями драгоценными увещивали, чтобы показать во всей красе, как на ярмарке. Как цеплялись за таких молодок масляными взглядами купцы-вдовцы, да и необязательно вдовы, осматривали с ног до головы со знанием дела, пока девочки заковыристые «па» выделывали с никчёмными молодыми кавалерами. Прицепнялись, крутили ус, сально шутили, как кобылку молодую объездить. Обсуждали друг друга дамы, сидя по углам белого зала на кожаных диванах – а какие диваны еще могли быть у кожевника! Кто да с кем, да про усадьбы и брильянты, кто «из грязи в князи», в общем, о каждом словцо находилось. Пока круглобокие купчихи недобро мололи языками, их мужья уходили в соседнюю мавританскую комнату покурить – кальян ли, сигару, неважно, главное – подальше от жен. Комната была лазурно-синяя, с золотой вязью, с расписным куполом и богатой люстрой в восточном стиле. Моден тогда был этот мавританский стиль. И кальяны вместе с ним вошли в моду. Мужчины полулежали на низких плюшевых диванах, пуская дым в купольный свод и расслабленно думая о барышах и юных девах. Иногда их взгляд упирался в витиеватую золотую надпись на стене: «Слава Аллаху», но они воспринимали эту надпись как декорацию. А за окном снова скрипела повозка и подъезжали запоздавшие гости, слышалось фырканье лошадей, ямщицкое «тпр-у-у!», женский смех и стук парадной двери. Лестница, по которой поднимались гости, была красоты неимоверной – белоснежная, мраморная, с многочисленными женскими головками, зорко смотрящими за теми, кто идет в дом, с мраморными цветами, растущими из стен, и довольно скромным, по сравнению с остальным великолепием камином на верхней площадке. Лестница упиралась в большое окно, ведущее в зимний сад, полный цветов и роскошных деревьев, – там всегда было лето. Гости, раскрасневшиеся от питерского мороза, скидывали легкие соболи шубы лакеям, смотрелись в зеркало и проходили в зал под едкие взгляды остальных гостей. Кто-то задерживался в красной бильярдной, чтобы взглянуть на денежную игру. Там стояло два резных шкафчика для киев и других принадлежностей, низкие красные диваны по стенкам и снова – чудесная, не тронутая временем люстра, освещавшая важную игру. Гости ходили по залам, растворяясь в комнатах, я следовала за ними, слышала томный женский смех, бойкую, чуть фальшивую музыку (этих музыкантов в следующий раз не брат!), звон разбившегося бокала с дорогим коньяком, шелест шелка тяжелых платьев. Правда, слышала. Этот особняк, так прекрасно сохранившись, берег все воспоминания, концентрировал их, не давал им распыляться. Может, эти призраки-образы выходили из зеркал, украшающих и углубляющих комнаты? Я же видела тени, видела! И смотрелась в зеркала, хотя знала, что одно из них, «зеркало Дракулы», – мистическое и опасное, что привезено

оно было из одного палаццо Венеции, где в свое время лежал прах Дракулы, отражаясь в этом зеркале долгое время. Видимо, впитало, накопило зло и черную силу, стало бездонным, высасывающим душу человеческую в одно мгновение. Какого черта привезли это зеркало в дом и почему не предупредили, непонятно, но те домочадцы, которые часто смотрелись в него, начинали испытывать странные ощущения: кружилась голова, покалывало кончики пальцев, подкашивались ноги, и все начинало плыть перед глазами. Здоровье всей семьи стало ухудшаться, и вдруг умерла внучка Брусницына, поболела, помаялась и ушла в бреду. Про легенду сразу вспомнили, зеркало закутали тряпками и убрали в кладовую с глаз долой. После революции кладовые Брусницыных стали разбирать, наткнулись на красивое зеркало. Раскутали, повесили в кабинете заместителя директора завода. Через пару дней тот не вышел на работу. Искали, не нашли, исчез бесследно. Вспомнились о зеркале страшные слухи. Какой-то рабочий не поверили в предрассудки, посмеялся над всеми и на спор пошел в кабинет, покривляясь перед зеркалом. Ничего, вышел живой и здоровый, все с ним поблагодарили, посмеялись и успокоились. Но вскоре и он загадочно исчез. Случилась тогда на заводе паника, дверь в кабинет заколотили, а заводоуправление вообще перевели в другое здание. Зеркало до сих пор где-то в особняке висит, какое, правда, не знаю.

В общем, походила я по гулким залам, посмотрела на подлинник, а не на новодел, послушала тишину и еще раз удивилась такой сохранности. Может, зеркало Дракулы охраняет интерьеры, в которых живет? Как иначе объяснить, что 150 лет исторических злоключений не тронуло такую красоту? Может, зло, помноженное на зло, дает хоть такой плюс, как там в математике? Уходить не хотелось, было желание еще побывать в таком волшебном месте, посмотреть на то, чего и в музеях уже не встретить, – настоящесть. Но было уже пора. Мы нашли зеленый коридор, наш путь в «обратно», и через пару шагов уперлись взглядом в плакат «Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидалю!»

Да, подумала я, слава. И еще подумала, где там Полтавченко этот или другой какой вельможа, чем баре занимаются? Питер же беречь надо, жемчужина уникальная, дышать на нее, а не только дыхнуть и попользовать, пока у власти. Столько спасти еще можно, ведь через пятьдесят лет все, полная шаурма... После войны не в самые жирные годы страну восстановили лет за пять. Тогда, думаю, за воровство государственных денег, выделенных на хозяйство, расстреливали без суда и следствия. Как уберечь такую красоту, которая выстояла, выдержала вопреки всему? Как? Как достучаться, куда, чтобы оберегали и защищали, сохраняли и приумножали, а не растаскивали по домам и дачам?

Сдал Питер. И люди в городе сдали, изменились, вернее, сильно перемешались, усерединились. Говор сосед не питерский, никаких «поребриков», «позвольте» и «благодарю». Зазывала в кафе возле Невского (!) кинулся на меня с криком: «Хотите нормально похавать от души? Дешево и прикольно!»

А вы говорите, «поребрик»...

Бросилось в глаза еще одно – с моего прошлого приезда Питер зарос до ушей ярко-розовыми рекламными листками «Ира», «Мия», «Веселые девчонки», «Невеста на прокат» (орфография оригинала), «Отдых для мужчин». Весь асфальт исписан телефонами «Анжел». Отследить расклейщиков, думаю, несложно. Я сама видела, как два явно некоренных «питерца» быстрым нервным шагом шли по Невскому: первый – с пластиковой бутылью kleя в руках, походя, делал мазок по водосточной трубе, а второй, ловко и безошибочно kleил – в прямом смысле! – очередную Иру (Ир было действительно много!). Весь Питер – сплошной «Отель на час».

Что случилось с тобой, Питер? Почему так выросли сексуальные потребности и снизились культурные? Что произошло за этот год?

Питер, я страдаю.

Лестница

Люстра в кальянной

Люстра и загадочное зеркало из особняка Брусницыных в Санкт-Петербурге

Немножко Анапы 22 сентября 2014 г

Южный городок

Ходила утром на маленький анапский рынок, тот, что за церковью. Чистый, аккуратный, яркий. Правда, фруктов-овощей меньше, чем китайских тряпок, зато персонажи очень колоритные, наши на сто процентов.

Продавщица чурчхели рассказывает о себе все и сразу:

– Я не сама делаю, у меня женщина-гений есть, такая натура, такой вкус! Так цвета сочетает, посмотрите сами! Вот это вишня с орехами – произведение искусства, а не вишня! Да вы фотографируйте, не стесняйтесь! Меня всегда снимают. Откроешь Интернет, а там я! Я вам еще в качестве рекламной кампании с цитрусами отрежу. Тоже шедевр!

С каждым продавцом поговорить одно удовольствие.

– Ничего, что я ем? – спрашивает дяденька с арбузами. – Вы, если надо, спрашивайте, а я ем пока. Это ж вас не стесняет? Сейчас я вам арбуз выберу. Все! Вот это ваш!

У другого, который продаёт груши-яблоки, написана табличка: «Груши, как у соседа!»

А две другие товарки через ряд делятся новостями: «Венера-то от него уходит! Дождался, подлец! И спрашивает у нее, чего ж ты без меня будешь делать? А она – не дура, нашлась, говорит, я не одна уйду, я со своей недвижимостью! А ты оставайся со своей движимостью! Отбрала!»

А так очень мило, погода распогодилась, природа расприродилась, наши исконные мужики ходят по пляжу в плавках и в носках, негры вяжут платки с русским орнаментом. Что ни пляж, – то лучший на Кубани, что ни кафе – почти «мишленовское»!

Анапа, друзья!

Карелия

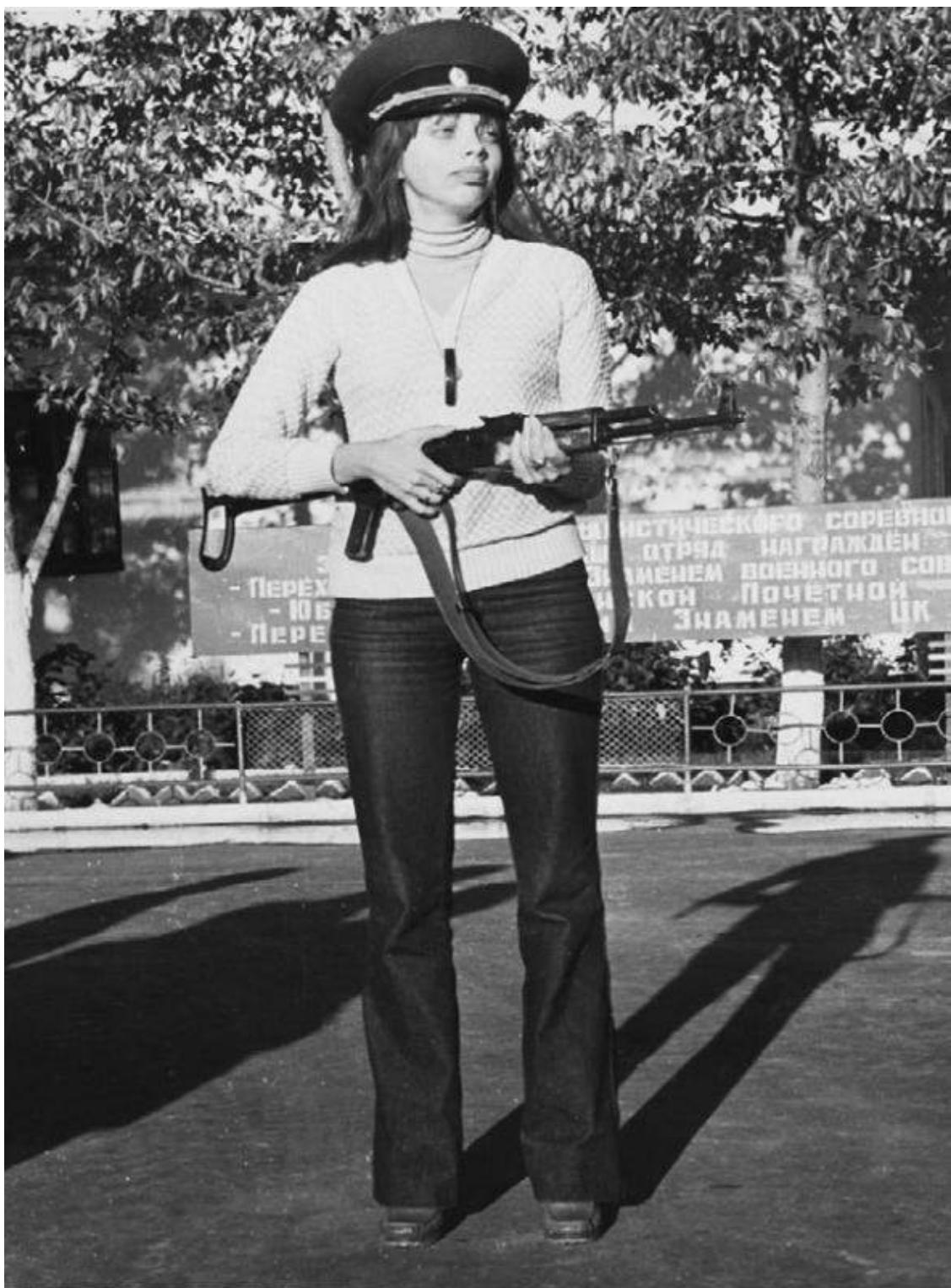
В Карелии

Очень люблю Русский Север, необъяснимо люблю, тянет. Хотя если всему искать объяснение, то и тут найти можно. Люди северные особенные – чистые, неторопливые и доброжелательные. Во многих городах была – в Архангельске, Северодвинске, Мурманске, по всей Карелии поездила, в Вологде и Костроме, Пскове и Новгороде, по областям и весям.

Петрозаводск – любимый, там папа студентом был, учился в местном университете, друга на всю жизнь приобрел, Марата Тарасова, называл его Маратик. Марат мудрый и добрый человек, очень талантливый поэт. Сохраняет память об отце. В Петрозаводске – есть улица Роберта

Рождественского, памятный камень с именем отца и мемориальная доска на доме, где он жил. Все благодаря Марату. Он – движущая сила: придумывает, пишет письма, звонит, напоминает, пробивает. Ему не все равно. В свои 85 мог бы давно успокоиться и писать мемуары, а он ходит по министерствам, помогает студентам с общежитием, пишет предисловия к книгам молодых поэтов и просто помогает жить – своей энергией, жизнелюбием и добротой. Он уникальный, и я им горжусь.

Улица имени отца совсем новая, он там и не был никогда, зато в доме, на котором открыли мемориальную доску, довольно долго жил, семь лет. Его маму и отчима перевели тогда из Вены в Петрозаводск, люди они были военные, время было – конец 40-х. Отец пытался поступить в Московский Литинститут, его не приняли, и он пошел в ПетрГУ – Петрозаводский государственный университет. Ходил там по длинным коридорам, сдавал зачеты, стал спортсменом, играл в университетских волейбольной и баскетбольной командах. Жил совсем недалеко от места учебы, в пяти минутах ходьбы, на втором этаже обычного дома. В тот день, когда открывали мемориальную доску, мы решили зайти в его подъезд все – с Маратом и с Евтушенко, который приехал на открытие, с моими двумя сыновьями и с мамой. Дверь не на замке, вход свободный. Все в ярко-синей радостно-идиотской краске – не покрашено, а намазьюкано, с каплями и подтеками, жирно и выпукло. У «нашей» квартиры – велосипед, слегка потертый, заезженный. Позвонили. Тихо. Никого. Постояли у окна, посмотрели на дождь. В Карелии часто дожди. Понурая, приплюснутая к земле зелень, пригород местного значения, «жигуленок» на кирпичах, почти разобранный на части, дома вдалеке. Отцовский двор. Мы с отцом давным-давно сюда уже приезжали. Не только с ним, конечно, с мамой, бабой Верой и мужем Димой. Первый выезд был таким большим табором. Марат встретил нас у вагона – он всегда так встречает – и повез в гостиницу «Северная». День побыли в городе и поехали по Карелии – Кондопога, Костомукша, Сортавала, Кемь. Марат водил нас по каким-то заводам, на которых делали лыжи и картон, мы старались показательно пилить гранит на камнеобрабатывающем заводе, потом они с папой выступали в местных домах культуры и клубах. Мы ездили на водопад Кивач и на курорт Марциальные воды, первый русский курорт, между прочим. Петр I лечиться любил и приказал повсеместно искать полезные минеральные воды, как в Европах и Франциях. Один рабочий нашел в этом районе невкусную воду, которая вылечила его сердечную болезнь. Ее иностранцы исследовали хорошенко, увидели, что там перебор железа, и назвали в честь Марса, бога железа и войны, Марциальные воды. Порекомендовали царю. Около источника построили деревянный дворец для Петра, а деревню рядом назвали «Дворцы». Царь был там неоднократно, в избе токарный станок его стоит, Петр без токарного станка не Петр, это я уже поняла. Много позже деревянный дворец сгнил за ненадобностью, а деревня со странным названием «Дворцы» так и осталась. Воду ту лечебную попробовала: холодная, с бурым блеском и ржавыми подтеками там, откуда выходит из земли.

В первый приезд в Карелию. На пограничной заставе. Видимо, охраняю границу

В Кемь ездили, на самый карельский север. Понравилось странное название, а местные знающие люди объяснили: Петр людей-то подчиненных не баловал, чуть что, какой проступок, сразу отсылал, да не просто так, а на выселки, к ебене матери. И на карте указал – вот сюда, ткнул он пальцем, именно сюда, К Е... Матери, и написал сокращенно – «КЕМЬ». Только твердый знак со временем помягчел и сделался совершенно мягким и безвольным. В общем, пошел ты к е.м. – звучало из царских уст ужасно, выражение было не фигуральным, а вполне географически конкретным, мало кто оттуда возвращался. Поэтому, собственно, нас так туда

тянуло. Надо было наконец понять, куда именно люди друг друга посылают. А где-то рядом с Кемью, видимо, существовало селение Нах, а может, и не селение вовсе, а целый город, даже край... На самом деле, думаю, полстраны было в разное время послано туда, в Кемь эту и в Нах.

Путь оказался неблизкий. Поехали на поезде какого-то военачальника, местного всемогущего, но доброго божка, которого я и не видела, но наслышана была. Стандартный вагон был переделан под барско-царский, состоящий из трех купе – длиннющая столовая, в полвагона, немаленькая спальня с ванной и туалетом и кабинет. В столовой еще, видимо, должны были проходить военные советы, как в кино, так я себе представляла – на огромном столе раскладывались карты, и красавцы в мундирах советовались, где держать линию обороны – на 35-м километре или на 40-м? Где еще остались грибы, что говорит разведка?

На 40-м есть!

Будем брать только белые, крепкие! Подберезовики не брать!

А что у нас с рыбалкой? Где новые места? – спрашивает самый главный генерал и водит так пальцем по карте.

Хотя иногда, наверное, все-таки смотрели в сторону Финляндии – как там дела на границе?

В общем, проехались мы на том дивном поезде, любезно предоставленном добрым человеком, по заповедным карельским местам, за что ему отдельное огромное спасибо. Уехал он тогда на юга, а поезд все равно стоял бесхозный. Кормила нас его личная повариха, и надо сказать, заслуживала она того, чтобы имя ее поставили наряду со всякими там вражескими Мишленами, Рамзи и Оливерами. Хотя звали ее просто Клавдюха. Имя ей это очень подходило – она была крупной, розовой, засорокалетней, сильно улыбчивой, в соку, выпирающей из блузки и фартука, красиво так выпирающей, фактурно. Причем улыбка ее держалась на лице совсем недолго и сразу переходила в смех, громогласный, басистый и какой-то шаляпинский. Ее внешность совсем не вязалась с голосом, командным, громким и чуть хриплым. Клавдюха все время по-солдатски шутила, подавая блюда на стол, и первая же начинала громко ржать, именно ржать, захлебываясь и колыхаясь всеми выступами организма. У нее была любимая присказка: если она считала, что блюдо не совсем удалось (а такого никогда не случалось, но так ей казалось постоянно), то говорила, ставя его на стол: «Ни в п..., ни в Красную армию! Пере-держала, корочка, вишь, подгорела...» Такая подача блюд казалась поначалу немного странной, но, распробовав то, что Клавдюха готовила, мы понимали, что, видимо, это часть какого-то ее ритуала, а может, объяснение и расшифровка всей ее поездной красноармейской жизни. Ну да, жизнь импотента с плоскостопием, ни в п..., ни в Красную армию, где-то между «там» и «здесь»...

С характером!

Остановка

Готовила Клавдюха сама, помощников не было, продукты подвозили солдатики, но основные и обычные – молоко, мясо, пшено, яйца. А так Клавдюха сходила с поезда, где хотела, где ей приглянулось (а останавливался машинист по ее указу), и бежала в лес. Странно это было, конечно: поезд посреди низкого северного леска, и Клавдюхина голова то там, то здесь мелькает за кустами. Отходила недолго, минут на пятнадцать–двадцать, и возвращалась, как с рынка, – ягоды разные наберет, можжевельника веточку, грибы отборные, мох какой-то, в общем, полны руки! Однажды я с ней напросилась. Влезли мы в сапоги, спрыгнули с поезда и пошли по неустойчивой болотистой земле к лесу. «Не провалимся?» – спрашиваю. «Не то это болото, чтоб провалиться, – отвечает. – Не бось, иди за мной, не пропадешь! Зато морошки щас наберем, самое для нее время! А она одна не растет, черника с брусникой точно рядом!»

Метров сто от дороги отошли, и вот они, кустики. Смотри, болотный янтарь, морошка. А рядом и правда кустики пониже, брусника, красное с желтым, красота! Ты так ешь, говорит, там столько витаминов, накопишь на зиму, а я собирать буду на желе, желе сделаю и пирог впридачу. А бруснику с морошкой наварю для дичи, ну это сама знаешь, классика! Морошку Пушкин наш уважал больше остальных ягод. Перед смертью жену попросил моченой морошки дать. Какая разница, что нельзя было, все равно умирать, вот и захотел любимой ягодки. Я ее тоже уважаю, говорит, вот нафурандаюсь чая с морошкой, как мама в детстве приучила, и счастлива! Нафурандаться чая – как звучит, а, подумала я.

Ходили, болтали. Вернее, в основном говорила она, а я слушала. Земля под ногами голодно чавкала, засасывая с удовольствием сапоги, но мы боролись, вытаскивая ногу, иногда

и без сапога, и одновременно срывали ягоды с куста. Потом стало посуще, начались грибы. Они именно начались, не было – не было, вдруг раз – и начались! Вроде как попала в мультфильм, помните, как рисовали красные грибочки под каждым кусточком, а какая-нибудь Машенька собирала их в корзинку и уходила все дальше и дальше от дома. Мы-то далеко от дома не ушли – корзинка заполнилась за пять минут.

Березу карельскую Клавдюха мне показала. Корявое деревце, надо вам сказать! Я бы и внимания не обратила. Худенькое, кривенькое, ветки в одну сторону, ствол – в другую, вся в наростах, как в подростковых прыщах. В общем, похожа на мелкую девочку с худосочным телосложением, внешне пока, скорее, страшненькая, зато красивую внутри. Удивила меня эта карельская береза. Я-то помню, что шикарные старинные гарнитуры из ее древесины были чуть ли не самыми дорогими из всех. У Гурченко красивая мебель из карелки была, у Райкина, у Утесова. Помню шкафы необычные во всю стену с удивительным узором, светящимся изнутри, и дерево такое теплое и уютное. Медовый цвет карелки оттенялся обычно черным деревом с бронзовыми вставками, и получалась царская мебель! А тут, на воле, такое чучело, оказывается, даже рубить жалко...

По дороге Клавдюха нарвала букет багульника – комары мрут как мухи от него, говорит, положь в купе, ни один не укусит! Комары-комарами, но у меня под косынкой, а без косынки Клавдюха меня в лес не отпустила, шла какая-то жизнь. Я попросила Клавдюху посмотреть. «Иши ты! Так это ж паути! Как же они залезли-то? Самые королевские! Красавцы! Щас выну! Не бось!»

– Господи, что это? Они ж в волосах копошатся! Убери, пожалуйста, убери!!!

– Не бось, говорю! Это слепни олены. Приняли тебя за телку, небось, и захотели яйца отложить! – И она снова по-шаляпински зычно и басисто заржала.

– Какие яйца, ты что? Мне теперь к врачу?

– Да нет, я их всех выбрали, надо просто самогонкой укусы прижечь. Они кровушку теплую любят, паути эти, у них не хоботок, а резаки такие, поэтому кровь может долго идти. Ничего, пройдет, сколько меня кусали – жива, как вишь!

Как же это было отвратительно – чувствовать, что кто-то вгрызается в голову под кожу и ведет себя там как дома! Я еще неделю потом просила маму посмотреть, не вылупился ли у меня из черепа какой-нибудь «чужой», все страдала и чесалась. Обошлось.

На обед Клавдюха наготовила тогда всяческого, уху какую-то несусветную сиговую, непрозрачную, молочную, с березовыми почками и ягелем. Черт-те что там было намешано, как в каком-то магическом зелье, но вкус был тончайший, удивительный, одно оттеняло другое, а все вместе создавало невероятное ощущение во рту, да еще с ржаными калитками, да под водочку, эх! Зато когда подавала горячее – зайца с грибами – не обошлось без ее любимого: «Зайца привезли ни в п..., ни в Красную армию, б..., старый, жилистый, но я его уговорила!» Клавдюха действительно его уговорила, и были на то аргументы – только что собранные грибы, картошка, мускатный орех, сметана, какой же тут заяц устоит? Ну а на чай (а чай тоже не какой-то там обычный индийский, а с местными травами, которые Клавдюха сама выискивала и сушила) вынесла открытый пирог с морошкой, сдобренный лимонной цедрой и украшенный несколькими ягодками малины. На этот раз даже не обмолвилась ни словом про Красную армию – пирог был великолепен!

Вот пара Клавдюхиних рецептов, но у меня полное ощущение, что она еще и ворожила, когда готовила, приговаривала что-то, общалась с зайцем, вернее, уже с его тушкой, шептала ему что-то ласковое, одобряющее.

Вот ее калитки, карельские открытые пирожки.

Обрезать черный хлеб от корок, порезать на кусочки и залить кефиром. Когда размокнет, замесить тесто с пшеничной мукой, пока не перестанет приставать к рукам. На 600 г хлеба с мукой 1 стакан кефира, можно добавить немного воды. И пусть хорошо постоит, чтобы внутри

все связалось. Катаем из теста колбаску и отламываем кусочки на калитки – по 5–6 сантиметров достаточно. Потом тоненько раскатываем. Я поменьше люблю, кто-то побольше, решайте сами. Складываем раскатанные блинчики стопкой и припорошиваем мукой, чтоб не высыхали. Для начинки берем готовое теплое картофельное пюре – с маслом, горячим молоком, солью, перцем и яйцом. И делаем открытые пирожки, не мне ж вас учить, как! Печь минут 15–20 при 200°. И сразу из печки густо намазать маслом, чтоб стекало.

И нежный кролик с грибами:

Тушка кролика на 2–3 килограмма;
лук – 2 шт;
белые или какие другие грибы – 500 г;
чеснок – 4 зубчика;
жирная сметана – 500 г;
соль, перец и любимые специи.

Кролика надо часок промариновать – натереть чесноком и поперчить, закрыть пленкой и оставить пропитываться.

Раздавленный чеснок жарим в масле. Чеснок отдает свой запах маслу и выбрасывается, а на масле жарятся куски кролика. Жареные куски перекладываем в гусятницу, а на оставшемся масле жарим лук. Соединяем лук с кроликом, солим, перчим и тушим час на медленном огне. Вареные белые грибы крупно режем и быстро обжариваем на масле, добавляем в кролика. Заливаем сметаной, размешанной с молоком, закрываем фольгой и запекаем еще час в духовке при 180°. И на стол, сразу!

С роднились мы за эти несколько дней нашего карельского путешествия с Клавдиюхой, была она живой, яркой, непосредственной, но с несложившимся женским счастьем. Она всегда была кому-то просто боевой подругой. И всегда временно. Хотя, казалось бы, повариха, вполне себе красавица, есть за что ухватиться, не шпала какая-нибудь, голосистая, с мыслию в глазах, так нет, не сходилось у нее что-то в пасьянсе. Все было временное, несерезное какое-то, женатое и с детьми, в общем, ни в п..., ни в Красную армию.

Так и доехали мы тихим ходом почти до самой Кеми в царском том вагоне. Попрощались с Клавдиюхой, та слезу даже уронила, хорошие вы, сказала, какие-то родные, будто жизнь с вами рядом за эти дни прожила, приезжайте еще. И сунула в руки пакеты с солеными, с сушеными отборными грибами, с рыбой, самостоятельно копченной, настойками от простуды, с пирогами, в общем, расстаралась тогда Клавдиуха. Мама сережки свои сняла и ей сунула, носи, говорит, на здоровье. Еле их растащила, стояли и рыдали две эти сердечные русские бабы о чем-то о своем, как только они умеют, завелись – не остановишь. «Да ладно вам, бабоньки, – подошел папа, – что вы в самом деле, все ж хорошо!» – «Хорошо, Иваныч, хорошо! – всхлипывая, ответила Клавдиуха. – От этого и слеза пошла!»

На полустанке

По дороге

Попрощались наконец и пошли к «газику», который нас ждал, чтобы отвезти в город, рельсы туда не вели. «Къебенематери» оказалось милым местом, совсем даже не провинциальным, не то это слово, а дремучим каким-то, не тронутым временем, не испорченным людьми, застывшим, как мамонт в мерзлоте. Мы въехали с окраины, где стояли одинаково сказочные темные избы, между которыми был постелен бревенчатый тротуар, как в Древней Руси, – ни тебе грязи по колено, ни луж по горло, главное, под ноги гляди, чтоб не споткнуться. Вся улица была бревенчатая, прямо как на картинах Билибина.

Потом сели в вертолет и полетели на Соловки. Сверху белуху увидели, плыла себе, большая такая, неторопливая. И бревен почему-то много по Белому морю разбросано, сверху как спички маленькие, но коробков десяток точно рассыпано было. Не по-хозяйски.

Монастырь Соловецкий большой, основательный, заросший мхом. Ходили там какие-то студенты, приехавшие из архитектурного института на практику, вроде как монастырь восстанавливать. Отец стал выспрашивать что-то про Слон, но я вообще не понимала тогда, о чем речь идет – слон да слон, какое он отношение в северу имеет, глупая еще была. Никто толком ничего ему не ответил, кто не знал, кто молчал. Я спросила отца, что такое слон. Соловецкий лагерь особого назначения, сказал, первый российский концлагерь, приказ об учреждении

подписал Ленин. Ленин? Переспросила я. Который жил, жив и будет жить? Да, сказал отец, именно он. Превратил своим указом один из богатейших русских монастырей в концлагерь. В основном тут сидели белогвардейцы, священники, все несогласные с большевиками, интеллигенция. Академик Дмитрий Лихачев сидел. Знаешь, за что? За протест против реформы русской орфографии 1918 года, за сохранение твердого знака в конце слов! Загремел совсем еще мальчишкой, в 22 года! Отдельная страна была, этот Слон. Там были свои деньги, газеты и даже свой театр. Но в соловецкой жизни спектакли шли куда страшнее.

Думаю, отец знал больше тех, у кого там спрашивал. Замалчивали люди тогда все, боялись, страшно было. Отец написал потом:

Как живешь ты, великая Родина Страха?
Сколько раз ты на страхе
возрождалась из праха!..
Мы учились бояться еще до рождения.
Страх державный
выращивался, как растенье.
И крутые овчарки от ветра шалели,
охраняя
Колымские оранжереи...

И лежала Сибирь, как вселенская плаха,
и дрожала земля от всеобщего страха.
Мы о нем даже в собственных мыслях молчали,
и таскали его, будто горб, за плечами.
Был он в наших мечтах и надеждах далеких.
В доме вместо тепла.
Вместо воздуха – в легких!
Он хозяином был.
Он жирел, сatanея...

Страшно то, что без страха
мне
гораздо страшнее.

Уехали оттуда, тяжелое это место, где святость перемешалась с нечестием и скверной, а перемешавшись, утонула в соловецком аду. Как рана зияющая, сколько ни лечи, не заживает... Но о Соловецких ужасах знали только понаслышке, а поехали на другой остров, на Валаам, на Ладогу. Там, в Сортавале, прямо на берегу озера, Марат завел в одну избу к какой-то старухе. Она была предупреждена о гостях. В избе по-киношному – маленькие северные окна с геранью, белые кружевые стираные- перестираные занавесочки, загораживающие внутреннюю жизнь уже не одного поколения, и деревянные лавки с солидным столом, на века. Еще печка, полосатые половички, овальные фотографии (он и она, голова к голове, без улыбки, все строго), иконка в углу с лампадкой, сундук с добром, банки на полках. Не хватало только семи слоников на телевизоре. Но его-то там и не было. Старуха усадила всех за накрытый стол – оладушки яблочные, снова ржаные калитки с картошкой, простокваша да ватрушки с морошкой. Извините, говорит, что тарелок не поставила, нет столько. Да я все специально наготовила, чтоб руками брать можно. Куда вы дальше, спрашивает. На Валаам, говорим. Людьми интересуетесь или видами? Всем, а как иначе, отвечаем, в Карелии быть и на острова не поехать?

Ну-ну, говорит. Посидели, попили чаю, поблагодарили хозяйку и пошли. Только ступили за калитку, Марат стал про нее рассказывать, неловко при ней было.

Все очень просто

Приехала она, Наталья, в самом конце войны на остров Валаам с двумя другими женщинами из Архангельска, чтобы организовать молочный совхоз для снабжения северного фронта продуктами. Высадили их в чистом поле, спустили с неба десяток коров. Перетаскивали скотину на остров почему-то на вертолете, и буренки орали как резаные на всю округу нечеловеческими разными голосами, когда их, подвязанных через живот, мотало в воздухе. Почему не водой доставили – не ясно, раньше никто ничего и не выяснял. Обустроились с помощью монастыря. Сразу ничего не получилось с молоком, количества были не промышленные, только на островитян и хватало, за несколькими бидонами никто с большой земли и не полетит. Так и работали себе спокойно. А в начале 50-х на Валааме организовали интернат для ветеранов войны. Свезли калек всех в одночасье теплоходом, стали выносить и складывать, как огромных завернутых младенцев на берегу. Без рук, без ног, обрубки человеческие. Наталья увидела

такое и сразу решила идти работать в интернат, хоть кем. И стала за ними ходить. Истории там были страшные, судьбы исковерканные, тела искромсанные. Наслушалась она их, наутешала. Многие мужики в детских кроватках лежали, а что ж место занимать, коли ног нет? Летом Наталья вытаскивала парней на солнышко погреться, подвешивала к дереву в гамаке, так и висели ульями, дышали, переговаривались. Несколько баб в отдельной комнате лежало – одна партизанка без ног, вмерзшая в лед, которую пришлось вырубать из полыни, другая – обожженная-изуродованная, остальные, по мелочи, у кого ноги нет, у кого руки, эти вообще считались там нормальными и даже пользовались вниманием обычных мужчин. Никто из родственников их не навещал, такого Наталья не припоминала. Не то что их не было, родственников этих, просто увечные сами решили от семей отказаться. Зачем обузой быть? Наблюдала Наталья, как завязывались неловкие отношения, как мягчел взгляд, как ковыляла вразнобой парочка куда-нибудь с глаз. Очень радовались все за Сеньку, совсем пацана, обгрызанного войной, у которого из конечностей только одна рука и осталась. Так он выпросил у кого-то старую детскую коляску, починил ее одной-то рукой и ездил в ней, отталкиваясь палкой. Хотел к росту своему довоенному приблизиться, повыше стать. Однажды резковато оттолкнулся и чуть в воду не улетел на своей коляске, Нинка-одноножка еле остановила, костилину подставила. С тех пор и ходили они вместе, смешно сказать – ходили, она возила детскую коляску, толкая ее животом, руки костилями были заняты, а он восседал в ней, улыбаясь во весь рот. Счастье свое нашел. Потом еще и родили мальчишку, островитянина уже, помощника.

Я представила себе эту послевоенную счастливую семью, как Нина держит своего мужа на руках, как кормит, раздевает, кладет рядом спать, вытаскивая из детской коляски... Как пугается, жутко пугается и одновременно радуется, узнав, что беременна. Как трудно рожает, с одной ногой-то. Как лежат перед ней два свертка на кровати – один крохотный, ладный, ножками-ручками шевелит, орет, а другой почти квадратный, беспомощный, обложенный подушками, но такие слова красивые знает и так утешить может...

У озера

Разухабистый

Слушали. Папа помрачнел, отвернулся и закурил, мама заплакала. Поплыли на Валаам. Природа вокруг красоты удивительной. Тихая гладкая вода, скалистые, высоко уходящие вверх острова с не по-северному высокими древними елями. Видимо, очень тихо вокруг, если не слышать звук катера. На берегу нас встречал какой-то человек, не помню кто, видимо, директор клуба. Он приехал на машине. Это оказалась единственная личная машина на острове. Зачем ему там она была нужна, куда ездить? Провез нас пару сотен метров, высадил. Дорога в колдобинах, рядом пашня какая-то, трактор навстречу едет. Видимо, от неожиданности, что гости приехали, тракторист и протаранил дядькин «жигуленок», хозяйственную гордость. Какой поднялся шум! Какой отборный валаамский мат! Какие гости? Зачем стесняться? Это ж надо

устроить ДТП на острове, где всего два механических средства передвижения – «жигуль» и трактор! Пока шла ругань, мы пошли к домам, оглядываясь вокруг. Там на взгорке среди деревьев на скамейках сидели люди, откинувшись на спинку. Был холодный август, ветер дул прямо с воды, хотелось закутаться. Люди поглядывали в нашу сторону, смолили сигаретки и переговаривались. С крыльца выехало двое на колясках, я их только увидела, не на обычных инвалидных, а на самодельных – доска и четыре колесика. Выехали, о чем-то громко споря. У меня екнуло сердце. Это была иллюстрация только что услышанного рассказа об интернате для ветеранов. Посмотрела на скамейку с людьми, она как раз стояла к нам спиной. Только верхняя часть скамейки была заполнена, внизу пусто. Все люди без ног. Совсем не старые, лет 50–60. Двое на калушках, о чем-то споря, поехали дальше вниз по дороге, а остальные радовались редкому солнцу, подставляя лицо. И вдруг зазвенела тишина. Разговор на скамейке утих, видно все было уже переговорено за эти 30 интернатских лет, и паузы эти уже значили больше, чем разговоры.

Шотландия

Отражение

Шотландские замки

Она одна из самых красивых стран, эта Шотландия. Мне, во всяком случае, так кажется. Я проехала ее всю нас kvозь и знаю, о чем говорю. Лето тогда было совсем на исходе, почти осень, пахло прелой землей, и в запах этот добавлялось еще что-то необычное, горькое, дре-весное. Мы путешествовали на поезде, сходя на крошечных станциях, брали машину и катались по местным дорогам, просто так, без особого плана. Заходили в замки, которых здесь понатыкано на каждом шагу: большие и маленькие, с башенками и монолитные, уходящие вверх и стелиющиеся по земле, в горах и на озерах, в чистом поле и дремучем лесу. Раньше как? Замок на семью, и если ты девочка, то живи за стенами всю жизнь. Потом пригромыхает какой-нибудь лыцарь (именно лыцарь, никакая это не опечатка!) в доспехах на коньке, повздыхает, выберет тебя дамой сердца, побьется на турнирах с такими же железяками, как и сам, ну а если победит, то по договору с папкой заберет тебя в свой замок неподалеку от озера Лох-Несс, скажем. А туда ехать страшно, слухи о чудовище по всей Шотландии ходят! Живет в озере скотина какая-то невиданная, лысая, с длиннющей шеей, как у жирафа, толстой попой, как у слона, и ластами, как у тюленя. Головка при этом маленькая, как у анаконды, а глазки злые, как у паучка. Живет на большой глубине, делает там свои делишки, но иногда поднимается подышать свежим шотландским воздухом и половить местных рыжеволосых девушек, желательно девственных. Какая этой скотине разница, девственницы они или нет, – непонятно, тащит под воду, а там не до осмотра! Поэтому на берег боязно, сиди потом всю жизнь в новом замке, следи за озерной гладью, но только издалека.

Озеро Лох-Несс, видимо, без чудовища

Мама на рыбалке в Шотландии

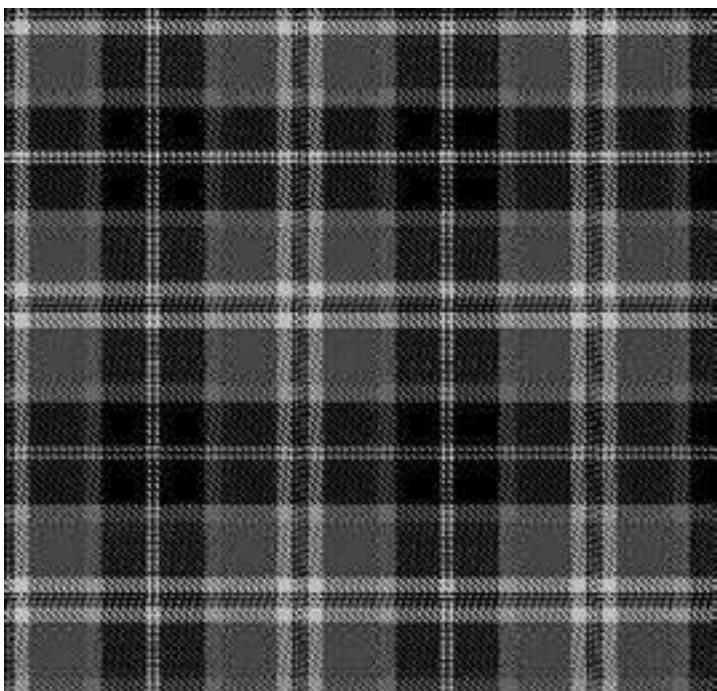
Шотландцы любят свою Несси, хотя точно и не знают, что это. Реликтовый плезиозавр? Но он же не может жить вечно! Тогда где труп, останки, кости? Хоть что-нибудь! Никогда ничего не было найдено. Да и жил бы он в теплой водичке, как ему зимой в Шотландии выживать? Тем более что одному было бы скучно до невозможности, жена у чудовища должна быть, а где жена, там и дети. Но ничего подобного – ни следа, ни отпечатка на берегу, ни-че-го, сплошные легенды. Хотя место для чудища вполне привлекательное: озеро – одно из самых что ни на есть глубоких в Шотландии, 300 метров глубиной, места вокруг довольно мрач-

ные и малоприятные, еды много, человек особенно не тревожит. Думали, что, может, чудище из криптидов, неизвестных науке животных вроде какого-нибудь снежного человека или единорога, который, кстати, еще и символ Шотландии. Догадок было и есть много. Особенный всплеск интереса к Несси случился в 30-е годы, когда, как выяснилось, в озере купали слонов. Смешно, правда? По берегу Лох-Несса шла дорога на далекий северный Инвернесс, которой пользовались тогда многочисленные бродячие цирки. А главный в бродячем цирке – слон! Смотреть на него съезжались со всей округи, поэтому в любом уважающем себя балагане, пусть даже бродячем, помимо волосатых женщин и силачей, обязан был быть слон! Вот купающиеся слоны и были приняты издалека за тонкошеих монстриков. Ведь слон, когда плавает, выставляет из воды наружу хобот, и наивные местные жители увидели в резвящемся в воде слонике лох-несское длинношеее чудовище. Но любой монстр на то и монстр, что обязательно с одной стороны должен заканчиваться клыкастой пастью. А тут хобот, трогательно торчащий из воды. Непорядок… Несолидно для чудовища.

Ни один слон при нас тогда не купался, ни одна коряга мимо не проплыvala, ни один чудак Несси не изображал. Увидела я ее только на магнитиках в местной лавке – и такая, и сякая, и в фас, и в профиль, и с длинными ресницами, и с бантиком на змеиной головке, и с семьей – как только ее не изображали! Но ради этого ехать в такую даль, в надежде увидеть несуществующее чудище, ну честное слово… Хотя мило.

Шотландец в килте, в обицем, красавец!

Тартан рода Лермонтовы

В Шотландии все на удивление сочно. Вроде и климат не самый тропический, не особо располагающий к сочности, но тем не менее. Мы ходили по лесу, простому «робингудовскому» лесу, и потом не могли отстираться от зеленых травяных пятен, впившихся в одежду и кожу. А «робингудовский» лес такой же, как в фильме, – дубовый, вековой, тенистый, без подлеска, а только с папоротником и чертополохом у дороги. Стволы деревьев и скалы вокруг все покрыты лишайниками, серыми, в желтизну. Лишайник с рыжей окантовкой был повсюду, видимо, сырость взращивала его и лелеяла. И он, такой серенький, несолидный и никакущий, так, что-то типа кудрявого жидаенького мха на стволах, был, как оказалось, важным звеном шотландской культуры и быта. Сейчас поймете связь. Какой настоящий шотландский красавец-мужчина без килта? Без милой клетчатой юбочки до колен? Хотя это, конечно, никакая не юбка, а отрез ткани, хитро закрепленный на талии при помощи всяких булавок и ремешков, драпировка, одним словом. Кроме килта – рубашка, куртка-дублет, спорран, бляшки, хосы, флеши, килтпини и головные уборы, чаще с помпоном, плед. А если проще, по-нашему, куртка, юбка, кошель, заколки-булавки и гольфы – это национальный костюм шотландца.

Килты делали и делают из тартана, клетчатой шерстяной ткани. По цвету ткани можно понять, где живет шотландец и насколько его клан – а жили кланами – богат. Красный или пурпурный цвет считался особенно престижным и дорогим, поскольку в природе встречался нечасто – самые стойкие красные натуральные красители получались из лишайников и моллюсков. А красные ткани нужны были во все времена: и на тоги римским сенаторам и императорам, и на одеяла индейцам навахо, и на накидки русских князей. И на килты. Ткань красили только теми красителями, которые можно было найти в данной местности. Черным – из щавеля, зверобоя, коры черной ольхи, корней камыша, которые росли рядом и всегда были под рукой, синим – из коры ясения, черники, голубики, корня лапчатки, из травки-муравки, не смейтесь, так птичью гречиху звали. Большой простор был в выборе желтого цвета – бессмертник, дрок, манжетка, щавель, череда, ирис, дикая яблоня, береза, а на ярко-желтый цвет шли даже ярко-синие цветы василька. Хотя из василька можно было получить разные краски – зеленую, желтую и голубую. Талантливый цветок! На коричневый шла шелуха лука. Это я и сама могла бы покрасить. Никаких квасцов и других непонятностей не надо, копи шелуху всю зиму, а к пасхе уже целый мешок шелухи под столом, можно красить – кто яйца, а кто килт. И

цвет получается богатый, глубокий, очень природный. На зеленый шли крапива, пижма, осина, вполне буднично и скучно.

Своя шотландка, свой тартан – как знак отличия в Шотландии, как памятный знак важного события. Поводом для новой ткани может послужить все – от юбилея какого-нибудь городка до большого события в отдельной семье. Скажем, тартан в честь рождения долгожданного сына. Главное, эту расцветку правильно зарегистрировать, для чего есть спецорганизации. Есть даже шотландки, созданные в честь знаменитостей. Роберту Бернсу, например, подарили именной тартан к его 200-летию. Поздновато, правда, поэт вряд ли оценит. И рисуночек не ахти, черно-белая классика, с чуть заметным добавлением зелено-серой нитки. Я б от такой скучиши расстроилась. И не по его характеру такие снульевые цвета. Гуляка, любивший выпить, вечный мартовский чуть хромоватый кот, приживший трех незаконнорожденных дочерей от разных женщин, достоин более ярких красок! Я бы добавила ему в тартан красного цвета страсти. И не только добавила, а сделала бы его фоном, на котором шикарно бы смотрелись и черные, и белые, и зеленые с бежевыми полосами.

Наш главный российский шотландец тоже имеет свою расцветку. Кто? Лермонтов, чья короткая гениальная жизнь прославила весь древний шотландский род. Цвета у него насыщенные, яркие, как и сама его жизнь, – красный с синим, с вкраплениями желтого и голубого. Про тартаны других русских шотландцев не знаю, зато кое-что знаю про них самих – Якова Брюса и Барклай-де-Толли. Думаю, все помнят эти имена со школы, хотя не все знают, что они были шотландцами. Брюс – сподвижник Петра – удивительного ума человек, нигде не учился, а самообучался и стал одним из самых образованных людей своего времени. В народе говорили, что он маг и чародей, из окон его лаборатории то шел едкий химический дым, то раздавались хлопки, то на горелке виднелось синее пламя. Сейчас бы его назвали ученым, а тогда весь этот дым был пугающим и малопонятным. Библиотека его, из 1500 томов, почти сплошь состояла из научных справочников и карт. Он, шотландец этот, составил первый русский учебник по геометрии, русско-голландский и голландско-русский словари и нарисовал «Карту земель от Москвы до Малой Азии». В Москве есть Брюсов переулок в его честь, с палатами, где он жил. И я тоже в Брюсовом жила, даже и не догадываясь, что назван он в честь шотландского гражданина.

Шотландия – страна рыжих. Их там очень много – 13 процентов. Рыжие на улицах – совершенно обычное явление, никто вслед голову не поворачивает, не таращит глаза и не шушукается с соседом, обсуждая. Рыжий, значит, местный, коренной, с кельтскими корнями. Смотрят вслед только рыжим женщинам – огненным зеленоглазым красоткам-ведьмам. Не помню, чтобы кроме как на Британских островах рыжих любили где-то еще, а в Европе в Средние века так просто жгли на костре. Да и на Руси особо не почитали: Петр Первый запретил брать рыжих на государственную службу и свидетельствовать им в судах – «Бог шельму метит!»

А в Шотландии ничего, не метит, наоборот, отмечает таким образом коренных и уважаемых!

В общем, Шотландию рекомендую как проверенное, хорошо составленное правильное блюдо – и наедитесь вдоволь, и надолго останется послевкусие. А заказать его точно захочется несколько раз!

Дорога живописнейшая, мимо озер, лесов и замков

Чехия

Окно арт-салона в Праге

О Чехии и Праге тоже записи из дневника. Они честные и откровенные. Даже не было времени приврать, записывала все сразу.

10 июля 2015 г

Приехала в Прагу – и знаете что?

Попали на тайский массаж. Первый в жизни мой тайский массаж. Все как-то так срослось, что после самолета, нагулявшись, утомившись, проходя мимо ярко освещенного окна с лежащими под зелеными полотенцами людьми, р-р-раз – и решили зайти. Видимо, позавидовали, что они лежат, такие блаженные, а их так яростно мнут и топчут. Хотя, конечно, очень по-экспибиционистски – под яркой лампой, на виду у всей улицы. Уложили нас по креслам и тоже накрыли зелеными полотенцами. Подошел ко мне коротенький мужичок неопределенного возраста в пижаме массажиста и начал на меня давить. В прямом смысле. Довольно больно. А когда я произнесла по-русски какое-то слово, он заговорил, как в сказке, тоже на чисто русском языке без всякого акцента.

– Да, это вам не европейское поглаживание. Тайский массаж – это профессиональное доставление боли. Надавливаю на определенные точки. А боль вызывают эндорфины, гормоны счастья. Поэтому сейчас вам не больно – вы счастливы!

– Такое ощущение пока, что меня переехал грузовик...

– Вас часто переезжает грузовик?

В таком счастливом состоянии я просуществовала еще 45 минут, а он все мял, пыхтел и эндорфинил меня. И знаете, появилась под конец у меня на лице эта дурацкая блаженная улыбка.

11 июля 2015 г

Немного о чешской еде и напитках.

«Вкусно и недорого, колена, ребрашка, колбаски!» – кричал зазывала у чешского ресторана. Эти призывы совсем не ласкали мое ухо. Ни одно ухо, ни другое. Не люблю я хрустящие свинячьи колена и «ребрашка», не мое это. Чешская кухня, как мне кажется, слишком мужская, зимняя и тяжелая. Будто страна – глубоко на севере. Чесночный суп в хлебной корке, например. Очень антимикробный (разве это для супа главное?) и пахучий. После него не то что целоваться, говорить невозможно. Много очень жирного мяса, в основном свинины, она дешевле. Квашеная в кислоту, а не в сладость капуста, сосиски-шпикачки и огромное количество мокрого хлеба – кнедликов, по-чешски. Мокрый хлеб, как я выяснила, необходим, чтобы собирать с тарелки коричневую подливку. Подливка очень сытная сама по себе – из муки, поджаренной на масле с добавлением трав, специй, лука, вина или пива. Кнедлики бывают всякие – и хлебные, и картофельные, и творожные, и десертные. Вот ими по подливке и водят, вычищая тарелку дочиста.

Вот рецепт **кнедликов с луком и грибами**. Вкусные, я пробовала.

Картофель – 800 г

Яйцо – 1 шт.

Грибы – 400 г

Лук – 2 шт.

Мука – 30 г

Шпик – 150 г

Соль – 0,5 чайной ложки, свежий молотый перец

Петрушка

Делаем пюре из вареной картошки, вмешиваем муку, яйцо и соль.

Растапливаем шпик и жарим в нем грибы – любые – и лук. Я люблю жарить лук отдельно, чтобы он не тушился, а жарился. Перчим, добавляем мелко нарезанную зелень. Делаем лепешку из картофельного теста, кладем внутрь грибную начинку, закатываем в шарик и варим в не сильно кипящей воде 20 минут, пока не всплынут.

Подглядела за чехами в кафе – едят долго, ритуально и основательно, запивая тяжелую конструкцию из мяса и хлеба литрами пива. И так долго-долго. Зато сладости – отменные, разнообразные, свежайшие!

Правила в ресторанах странноватые – столики сдвигать нельзя (так было, во всяком случае, уже в двух ресторанах), и приходится одной компанией сидеть в разных углах зала. «Не положено», – говорят, и все тут. Ну, раз не положено, посидим в другом месте.

Из напитков пьют пиво, сливовицу, абсент (есть абсентные забегаловки) и бехтеревку. Ну и всякое другое, конечно. Я не в восторге от напитков, не мое это тоже. Но расскажу о том, что привлекло внимание. Абсент. Совсем не потому, что люблю ставить на себе опыты, проводить эксперименты и пить разноцветный спирт, не закусывая, совсем нет. Просто, изучая историю искусств, заметила, что многие импрессионисты, замечательные художники, некоторые – гении, были, как сказал бы Пикассо, «любителями абсента». У него самого я насчитала больше десяти картин с мрачным сюжетом, с застывшими людьми и обязательно со стоящей на краешке стола рюмочкой с беловато-зеленой жижей. Абсентом то есть. И на всех картинах оцепенение, зависшие над рюмкой каменные лица, уставившие в одну точку бессмысленные взгляды. Каким же этот абсент был тогда популярным! И цветом, белесо-изумрудным – в бокале и ярким, зелено-жизнерадостным – в бутылке, с терпким, горьковато-подслащен-

ным вкусом, с необычным ритуалом приготовления и возбуждающим эффектом на пьющего. И название вызывающее, «абсент» с древнегреческого – «непригодный для питья», на основе горькой полыни. Его в Древней Греции и не пили, Гиппократ абсентом лечил, это было распространенное лекарство, как и другие горечи. Им стимулировали роды, делали компрессы на суставы от ревматизма, принимали внутрь при анемии. А победителям в гонках на колесницах давали выпить целый кубок абсента, пусть знают, что и слава имеет свою горечь. Правда, что с этими выпившими победителями происходило после, нигде не уточняется.

В общем, абсент это спирт плюс полынь, там туйон, ядовитая гадость, которая вызывает галлюцинации, депрессию, постоянные мурashки и нарушение координации. «Эффект абсента» отличается от обычного алкогольного опьянения. Зрение затуманивается, края предметов разъезжаются, все вокруг становится нечетким и приблизительным, не очень реальным и сильно смазанным. Мелкие предметы «всасываются» в крупные, становятся их частью, почти неразличимой. Меняется и восприятие цвета, но очень индивидуально. Смешно, конечно, но мне пришло в голову, что так можно описать большинство картин великих импрессионистов – исчезли четкие контуры предметов, вблизи не видно, издалека расплывчато, мир размыт до неузнаваемости. Ни теней, ни света, ни контрастов, сплошные микроточки, из которых этот новый абсентный мир и вырисовывался. Может, великие писали свои галлюцинации? То, как они видят природу и людей, выпив абсента? Подстегивали свои фантазии? Абсентистов среди импрессионистских гениев было порядочно: Эдуард Мане, Модильяни, Дега, Ван Гог, Пикассо, мой любимый Тулуз Лотрек. У Лотрека был авторский коктейль «Дрожь» – абсент, разбавленный шампанским, которым он угождал многочисленных гостей студии, и сам глушил его постоянно. И дрожал. Смешивал абсент с молоком и сахаром, добавлял фруктовое пюре, взбивал, считал, что это практически десерт. Постоянно носил абсент с собой в специальной фляжке, вделанной в ручку его массивной трости. О его картинах говорили, что все они написаны абсентом. К 36 годам, бедный, спился и умер. Вот такая дрожь. Абсент был замечательным убийцей гениев, а если не убийцей, то восхитительным отправителем.

Появлялись картины с говорящими названиями: «Любитель абсента» Мане, «Любительница абсента» Пикассо, «Абсент» Дега, «Натюрморт с абсентом» Ван Гога – таких сюжетов было множество.

Многие великие писатели его тоже пили: Хемингуэй, Поль Верлен, Артур Рембо, Эдгар По, Оскар Уайлд, Мопассан, Гюго, Бодлер.

Абсент был не просто крепкой выпивкой, а модным богемным ритуалом. В европейских «абсентариях» в конце девятнадцатого века было даже время «зеленой феи» – с 17 до 19 часов, когда кафе заполнялись любителями этой горечи потрясающего цвета. Считалось, что абсент вдохновляет творческих людей (его называли еще «зеленой музой»), что будоражит восприятие, заставляет по-новому смотреть на мир, чувствовать других и ощущать себя. И видеть картины перед глазами, которые, как волшебная мозаика, складывались из обыденных предметов, припорошенных «эффектом абсента». Да и женщины становились много желаннее (поднимались ли мужские возможности в их удовлетворении, история умалчивает). Притуплялась боль, человек мог совершать идиотские поступки (отрезать, например, себе ухо) или забиться в припадке. Бывалые абсентисты называли абсент «зеленой ведьмой».

Способов принятия абсента было много. Вот – чешский, коли мы говорим с вами о Праге.

Сначала специальная ложечка для абсента (маленькая, с резными дырочками для стекания сиропа и выемкой на ручке) нагревается – спиртовкой или просто зажигалкой – и с несколькими кусочками сахара быстро кладется на стакан. На сахар наливается абсент и получается чуть теплый терпкий напиток, подслащенный растаявшим сахаром. Еще немного воды – и из яркого прозрачного изумруда напиток превращается в нефритовый, чуть белесый. Можно абсентный сахар поджечь, это уже маленький спектакль.

Чешский абсент самый крепкий. Мне не очень понятно, почему именно Чехия – первая в мире страна по его производству. Он во всех витринах винных и даже туристических магазинов, разноцветный – зеленый, красный, желтый, черный. Магнитик со Злата Прагой и абсент в придачу.

«Зеленая фея», «Зеленая муз», «Зеленая ведьма»

12 июля 2015 г

Забрела вчера в сад удивительной красоты. В пруду – огромные столетние карпы, подплывающие к руке, на ветвях – дремлющие павлины, даже альбиносы, строгий лабиринт из чего-то вечнозеленого, статуи всевозможных мифических богов при деле – кто бежит, кто отбивается, кто борется. А еще вид на красные городские крыши... Сказка! Оказалось, это место, где заседает сенат, Вальдштейнский сад. Надо же так, случайно идти и наткнуться на сенат. Хорошо они заседают, красиво, основательно. Особенно поразила высоченная стенка из черных странных фигур, тел, душ, непонятно из чего. Оказалось, так архитектор видит сталактиты и лаву. Мне показалось, что это его представление об аде. Видимо, сталактиты не получились. А в птичнике около лавы – огромный вольер с совами. Совам противно, что день и что на них все глазеют.

* * *

Гуляла по еврейскому кварталу – тут немыслимой красоты дома в стиле модерн – разном, нежном, витиеватом и более строгом, приближающемся уже к арт-деко. В таком они хорошем состоянии, без новодельства, видно, что ими очень гордятся. Пришла нечаянно, не зная куда, глядя вверх на головки, карнатиды, атлантов и прочих архитектурных персонажей, к старому еврейскому кладбищу...

Каменные плиты частоколом, нетронутые людьми – как поставили несколько веков назад, так и стоят, только рядом еще и еще, и снова плиты, и снова... В тени деревьев, которые в эти плиты проросли и стали их частью, с корнями, вылезающими из земли, как призрачные исхудавшие руки... Сколько веков здесь хоронили, на этом пятаке? Как насиливались тела, судьбы, души? Говорят, тут лежит тысяч сто евреев, века с XV. Евреи не могут по законам уничтожать свои могилы и надгробия, вот и хоронили здесь народ слоями – как только кладбище заполнялось, насыпался новый слой земли, а все плиты переносились наверх. Потом снова и снова... От этого и частокол.

Это не музей, хотя сюда очередь и продают билеты, это сгусток горя, тихой скорби, которая вроде тебя лично и не касается, но оттеняет твою живую жизнь – вот она ты, в шляпе и с фотоаппаратом, но ради чего все?

Вокруг кладбища огромные окна жилых домов с видом на загробную жизнь, не расслабишься. Как им живется там? Что снится? И тем, кто наверху, в окнах, и тем, кто внизу, под плитами?

На скамеечке, а их совсем тут немного, сидят двое, прислонившись друг к другу он и она, пожившие, седенькие, с палочками. И плачут. Он – беззвучно, просто текут слезы. Она – красиво, по-еврейски, с причитаниями. Иногда перестают всхлипывать, но начинают снова. Вряд ли кто-то здесь у них похоронен, кладбище слишком старое. Наверное, плачут они, мудрые, за всех...

На старом еврейском кладбище

* * *

Нетипичный день в Праге, утром – на старом еврейском кладбище, вечером – во вьетнамском районе. Почему? Не знаю. Цепь случайностей. Просто решила, я еще не была во Вьетнаме. Этот оказался ближе всего. И поехали. Въезд через шлагбаум, как в гетто, надо успеть до 18.00, потом не пропустят, закроют. Вьетнамские афиши, вьетнамские «звезды», вьетнамский язык. Парикмахерские, свадебный салон, школа пинг-понга. Даже ходят в шляпах своих соломенных. Без конца и края ангары с бросовым копеечным товаром и стойким химическим запахом. Девочка-кассира ржет, посматривая одним глазом в телевизор – там во всю сериал «Вьетнамские деффчонки», и подмигивает мне – правда, смешно? Коробки с пражскими сувенирами, которые продаются в центре на каждом углу (неужели они тоже делаются во Вьетнаме?).

наме?). Одежда любых мастей, но ни одного повторения известных брендов – во Вьетнаме с этим строго. Незаконно, значит, нельзя. Игрушки на вырост в буквальном смысле слова – в одном ряду (с километр!) от погремушек, пупсов, прыгалок, лего и барби до резиновых членов, грудей и надувных кукол. Видела такое впервые. Прямо безо всякой моральной подготовки, идет, скажем, ребенок себе подарок на день рождения выбирать, а тут, прямо рядом с детскими наборами для песочницы, резиновые разноцветные членики и другие шаловливые взрослые игрухи.

Лучший вьетнамский ресторан – забегаловка с живыми цветами, непонятливыми официантами и неподъемными порциями. Супы, весенние блинчики, лапша. Захотела выпить вьетнамский кофе – его постоянно несли вьетнамцам за соседний столик. Трехслойный и непремешанный – белая сгущенка на дне, черный слой холодного кофе и коричневая пена. Вкусно и красиво.

Вьетнам закрывался, надо было успеть выехать. Успели! Странное путешествие, необычный день, удивительные ощущения, не забыть бы!

13 июля 2015 г

Есть города, где надо смотреть под ноги, – на юге Франции и Испании, например. Там удивительные мостовые, сделанные из мелких отполированных за столетия разноцветных камешков в виде цветочков, солнышек, мордочек, словечек, выложенных в знак приезда одного из Людовиков (в Вансе, по-моему). А в Испании – плитка, что же еще? Желто-оранжевая с синим – андалузские цвета, с рисунком, изразцы облитые, сюжетные – идешь, смотришь под ноги, разглядываешь, как книжку читаешь! А есть города, где страдает остеохондрозная шея – надо смотреть только вверх! Это в первую очередь Прага! Обошла сегодня полгорода, наобщалась с разными херувимами. Головки чудо как хороши. Фронтоны великолепны. С удовольствием бы жила в одном из таких домов. Нашла «дом Бабы-Яги», «дом трех мушкетеров» и много всякого другого.

14 июля 2015 г

Шла по центру Праги. Вернее, почти стояла. Народ разных мастей клубится, глазеет, фотографирует. Короче, народная пробка. Рядом – худощавая ярко раскрашенная гидша с гордо поднятым драным зонтом бывшего красного цвета. Наша, «знающая». Вокруг старинный средневековый город, красота неимоверная, все дышит историей, кружевные дома и строгие памятники.

– Щас я вам дам адрес кафе, где каждая порция весит 500 грамм. У них там и написано, но я не поверила, весы маленькие притащила, сама взвесила. Я ж за базар отвечаю! Короче, все сошлось, 500 грамм, так и есть! И за смешные деньги! Наедитесь вдоволь! Ну что я вам советую отсюда везти? – продолжала раскрашенная гидша. – Гранаты можно, я вас потом отвезу в один магазин, там неподдельные, еще бехтеревку и сосиски. Гранаты, вы меня поняли, женщины, не фрукты, а камни, ожерелья-браслеты!

Красоты Средневековья проплывали мимо, но туристы смотрели на яркие витрины и прищуривались на ценники.

– А если кто хочет на ПМЖ остаться, я вам помогу с документами, у меня фирма есть знакомая, очень быстро все сделают. Ну как вам наша Злата Прага? Ну, чудо-город, правда?

Староместская площадь в Праге

* * *

Часы на Староместской площади

Теперь про мое главное разочарование а Праге.

Часы на Староместской площади. Им 600 лет, они любимы всеми, красивы, необычны, гордость и всякое такое, но я каждый раз ждала чего-то другого. Апостолов почти не видно, они не выходят на люди, лишь чуть появляются в окне. Много раз стояла в толпе туристов в

ожидании часа «Ч», когда из стенки появятся наконец действующие лица. Появлялись фигурки вяло и нехотя, вроде как без особого желания, просто по обязанности, еле двигались, и вообще, не видели в этом никакой необходимости. Я разочаровывалась снова и снова, но почему-то все равно стояла, глазела, ждала. Как только фигурки уходили в стенку до следующего часа, тихо хрюпал железный петух и начинали бить куранты. Туристическая толпа радостно хлопала, а если было мокро и холодно и никакого народу вокруг, то обязательно хлопали официанты соседних кафешек. Вроде как ритуал. А то вдруг фигурки в следующий раз не появятся? Надо поощрить.

Часы эти с историей. Увы, историей, типичной для Средних веков. Мастер создал механизм, продумал все до мельчайших деталей, построил, запустил и... был ослеплен добрым правителем. Чтоб больше не повторять такое чудо света. Помните про Храм Василия Блаженного и ослепленного архитектора Барму? Модное было веяние так благодарить за удивительное исполнение. И наш бедный чех, уже лишенный глаз, упросил попрощаться с часами, подняться к любимому механизму. Разрешили. Он поднялся и, по слухам, вынул какую-то важную деталь. Часы встали. Хотя говорили еще, что он их проклял. Время было ведьминское, и почему же не проклясть? Остановились часы на 100 лет. Простояли в застенках апостолов, не показываясь публике. Потом механизм возродили, починили, наладили.

Часы интересные – на все случаи жизни. Год, месяц, день, час – это понятно, еще время восхода и захода Солнца и Луны, положение знаков Зодиака показывают. На циферблате есть даже список имен, чтоб не мучиться, как дите называть, – родил, посмотрел на часы и назвал, как написано. А еще, когда урожай собирать, всякие астрологические тонкости, в общем, не часы, а Интернет того средневекового времени, чудо света.

Дай бог им долгих лет жизни без простоя!

Склеп

Замечательная страна Чехия. Удивительно красивый город Прага, все с историей, вековой, сохраненной, почитаемой. Но одно место недалеко от столицы вызвало у меня такую бурю эмоций, негодования и ярости, что я не могу об этом не рассказать.

Мы выехали из Праги рано, чтобы погулять на воздухе весь день, который, кстати сказать, обещал быть вполне теплым и сухим. Тогда был сентябрь, только-только зеленое начиняло золотеть, и переход этот был очень живописным. Нам обещали старинный замок и шикарный столетний парк с животными, фонтанами и птицами вдали от туристических маршрутов. Дорога шла, как мне казалось, по фруктовым садам: корявые старинные яблони изредка даже дотягивались крахмистыми ветками до машин, и временами мы попадали в противное скользкое пюре из раздавленных красных яблок. Плоды летели из-под колес и смачно шмякались о ветровое стекло, хотя двигались мы очень медленно, разгоняться было бы опасно.

– Не люблю это место, – сказал водитель, – хотя знаю о нем, торможу. Несколько раз видел, как тут пришлых крутило юзом, из кювета пару раз помогал доставать. Ничего не попишишь, у нас принято сажать плодовые деревья около дорог, чтобы путники могли отдохнуть и перекусить яблочком или сливой. Но раньше не было такого движения, а сейчас опасно стало. Тем более в сентябре, когда урожай.

Водитель продолжал красться по дороге, с хрустом давя еще не раздавленные яблоки. На обочинах пировали птицы, склевывая яблочную кашу и запивая первоклассным соком. Красная жижа переходила в зеленую, зеленая – в сине-желтую. Пошли сливовые деревья, и синяя каша из-под слив стала намного жиже, чем яблочная. Наконец мы проехали этот растирающийся на километры фруктовый десерт, раскатанный шинами еще дальше по всей дороге, и увидели замок. Большой, красивый, основательный, весь в зелени, с красной, черт-те откуда видной крышей, маленький и игрушечный издалека, а как подъехали, то микроскопическими стали мы сами.

Парк у замка Конопишице

Кабинет Фердинанда, утыканный рогами

В замке все такие коридоры и комнаты

Бедный мишка

Замок Конопиште – последний приют эрцгерцога Франца Фердинанда, того самого, которого убили в 1914 г. в Сараево. В школе проходили, помните: потом якобы из-за его убийства Первая мировая началась. Бог, наверное, просто не выдержал и лишил его жизни на глазах у всех. Замок его (уж не знаю, чем там гордиться) как мрачная могила тысячи бывших живых существ, которых Фердинанд убил. Его называют охотником и исследователем, но, по мне, он серийный убийца, даже многосерийный. Говорят, что за всю свою никчемную жизнь он застрелил 300 000 животных. Триста тысяч!!! Убивал изошренно, по-варварски, не оставляя ни у кого детенышей, стрелял во все, что еще хоть как-то двигалось, уползая и уворачиваясь от злодея.

Я не ожидала, что попаду в этот гигантский ухоженный склеп. Чех, который приехал с нами, видимо, этим замком гордился – его красотой, сохранностью, порядком. Действительно, все ухожено. Повсюду фотографии трех фердинандовых девочек, хотя знала, что это были девочка и два мальчика. Оказывается, в Чехии было принято одевать мальчиков в девичье платье, чтобы обмануть смерть, ведь мальчиков она забирала намного чаще. В комнатах все заботливо разложено, раскрыты книги, небрежно брошена шаль на кресло, мячик в углу, будто хозяева только что на минуту вышли.

Но когда я вошла в трофейный коридор, а потом еще, еще и еще, то поняла, что мы пришли в настоящее логово маньяка. Огромные галереи были с пола до потолка увешаны рогами, хвостами и копытами застреленных на всех континентах животных. На каждом экспонате табличка – когда и где произошло убийство, все скрупулезно записано и выставлено. Фотографии с трупами – эрцгерцог поставил ногу на убитого слоненка; эрцгерцог забрался на застреленного носорога, стоит храбрый он, а у ног два мертвых льва, вот он с семьей среди убитых оленей и так далее. Он предпринял даже кругосветное путешествие, во время которого убивал, уби-

вал, убивал, видимо, на много километров в округе никого живого уже не оставалось... Лишь однажды привез в свой замок живого медведя, которого посадили в большой глубокий ров, чтобы жена и дочь могли на него смотреть. Да, у него была жена, дочь и двое сыновей. Когда дочери исполнилось три года, он дал ей в руки винтовку, взял с собой на охоту и заставил убить оленя. Видимо, в качестве подарка.

Замок огромный. Я ходила по его скрипучим полам, смотрела в ужасе по сторонам. Отовсюду щерились застывшие в оскале пасти волков, медведей, львов и гиен, тысячи разномастных рогов были прибиты к белой стене, чтобы контрастно на ее фоне выглядеть, хотя у меня было ощущение, что это не галерея, а адская шкатулка, внутри которой длинные костяные иглы, и вот они все приближаются и приближаются к тебе... Несколько раз я задевала на стене какие-то очередные рога и в ужасе отскакивала, боясь напороться. И запах, чуть слышный, сладковатый запах с гнильцой, который не выветришь веками, он останется все равно – затхлый, темный, душный.

Как эта семья жила в своем огромном склепе? Как воспитывались дети? Что пapa говорил им утром, какие слова? А подарки? Что он дарил жене, был ли нежен? Говорят, был набожным и боялся Бога. Не могу поверить. Хотя в замке был свой храм. Что он говорил Богу? Как молился? Как объяснял свои грехи? У меня никак не укладывалось в голове сочетание любящего отца и убийцы планетарного масштаба. Чем оправдывал необходимость отстреливать всех животных, которых только видел? Ведь он использовал для этих целей даже пулемет, и если егеря его выводили на стадо, то он расстреливал целое стадо и пощады не было никому! А потом тщательно свежевал и обрабатывал туши, отрезал головы, скоблил и сушил шкуры, начищал рога. И главное, аккуратно вел записи всего того, что делал, – где и когда экспонат убит, на какой длине-широте, в который час, кто помогал. Для науки, говорите? Для собственного маниакального тщеславия! И да, у него был личный фотограф, который повсюду ездил за ним и подшивал фотоулики в архив.

Помимо трофеев, в замке оружие, доспехи, картины, книги. Но даже если бы там висели все шедевры Леонардо, они не перебили бы то жалостливо-пакостное ощущение от тысяч острых рожек, торчащих отовсюду. И живой мишка в яме не спасает, и косули в парке, и павлины в розарии. Смотришь на них и удивляешься – а почему они живы? А почему не чучела?

Это был ужасный день. Неожиданный, грустный, страшный и очень запоминающийся. На всю жизнь.

Китай

Пекин

Пекинец

Китай у меня с юности стоял на листе ожидания – много читала о нем, очень хотела увидеть сама, мечтала, но все как-то не складывалось. Казался абсолютно недосягаемым, инопланетным. Но мечты, они ж такие, они сбываются.

Пригласили провести там выставку моих фотографий. Сначала долго звали в Гуанчжоу, но переговоры затянулись на годы. С руководством местного музея шла очень смешная переписка в стиле восточного политеса: «Наши многоуважаемые друзья из далекой красивой России! Мы знаем, как много вы делаете для того, чтобы люди полюбили культуру и живопись великих художников всего мира. Мы это очень ценим и не можем не поблагодарить вас за такие культурные порывы, исходящие из глубины вашего доброго сердца. Наш музей тоже занима-

ется культурой, развивает ее и ежедневно повышает интерес нашего населения к современному искусству. Мы проводим выставки современных замечательных патриотичных художников. Так же мы, как и большинство наших соотечественников, любим рассматривать фотографии. Мы бы с большим ожиданием повесили ваши фотографии у нас в музее, чтобы люди приходили и радовались с улыбками!»

Ну и дальше так же мило и в том же духе. Эти реверансы отнимали очень много времени, но так ни к чему и не приводили. С Гуанчжоу не срослось. Когда позвонили из Пекина, я только тяжело вздохнула, зная, как непросто все это организовать. Но, как ни странно, через полгода билет в Пекин был у меня уже на руках. Я поехала с сестрой, она тоже тайно мечтала о Китае.

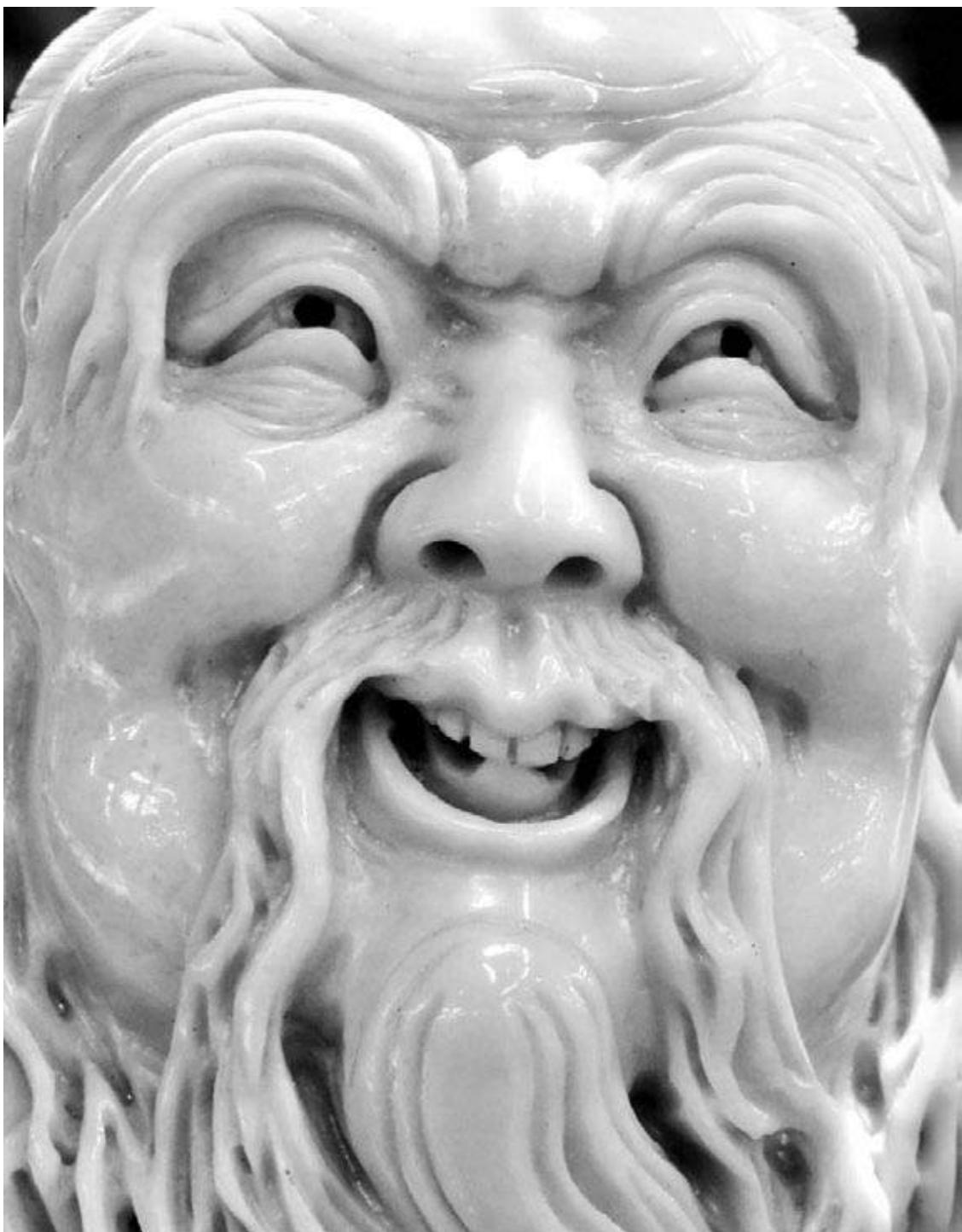
Пекин сначала увидели сверху: почти без зелени, длинные ряды домов, неуютно. Вокруг города дымят заводы. Нам хоть повезло, из пяти дней, что мы там были, три дня видели голубое небо. Потом изменился ветер, и на Пекин упал смог, словно город накрыли ватой, да так и оставили. Дышать нечем, причем лучше не становится ни днем, ни ночью – заводы работают круглосуточно. Только накануне приезда каких-нибудь высоких гостей, фабрики приостанавливают на пару дней выпуск дыма, чтобы это высокое лицо рассмотрело город, куда приехало. В каждой аптеке два самых важных индивидуальных средства защиты – презерватив и маска – лежат в разных вариантах на самом видном месте. Разноцветные, в цветочек, со зверюшками, в кружочек, в горошек – хочешь не хочешь, а купишь хоть то, хоть это, или подышать, или переспать, а можно обе радости одновременно. В Пекине даже есть служба, которая оповещает о степени загрязненности воздуха. На улицах иногда наталкиваешься на стенды, где помимо температуры еще показано, чем именно в данный момент ты дышишь, по какой-то особой шкале, в каких-то особых баллах, и цвет опасности. Хотя самая привычная гамма для Пекина – оранжево-красная, это как если бы вы выкуривали 21 сигарету в день. В общем, обстановка жесткая – рожать и дышать нежелательно.

Смог

Маски есть на любой вкус

Нефритовый старик

Лестница в Запретном городе

Остановились мы в гостинице, которая, по убеждениям древних китайских астрономов, стоит почти что в центре земли. Про нашу гостиницу они, конечно, ничего не знали, но про Запретный город, рядом с которым мы жили, знали все. Они же сами наметили это место.

Запретный город – огромный прямоугольник, мощный, основательный, окруженный рвом с золотой водой. Ну, это она просто так называется. Все здания – резные, пурпурные, стоят фасадом к югу, главный вход тоже с юга. Это сделано тоже не просто так, а с мыслью: Запретный город вроде как поворачивается спиной к враждебным силам севера. А кто там у нас на севере? Вот и я тоже расстроилась.

Построили Запретный город для императора, его семьи и многочисленной прислуги – всего 9999 комнат. Ведь есть Небесный император, он там, наверху, у него дворец на небесах из 10 000 комнат, поэтому у его земного сына – а так себя называли китайские императоры – должно быть чуть поменьше жилплощади, хоть на комнатку. Без приглашения в этот город никто никогда не входил, да и покидать его тоже не смел. А кто нарушал этот запрет – по дурости, из любопытства или со злым умыслом, то все, хватали – и в пыточную. Китайские палачи по части пыток были большие мастера, изощренные, с выдумкой и садистской фантазией. У них были свои фирменные методы. Бамбук – их изобретение. Не сам бамбук, конечно, а пытка бамбуком. Провинившегося клали на молодые побеги, и в течение нескольких дней

острые ростки прорастали сквозь человеческое тело. Муки ужасные. Женщин любили пилить в прямом смысле слова. Наверное, отсюда и пошло выражение «не пили меня!». А для высоко-поставленных провинившихся чиновников придумали самую страшную казнь, растягивая ее во времени. Могли приговорить к смерти через полгода или даже через год, но все это «время казни» ежедневно пленнику чего-нибудь отрезали, начиная с одной фаланги пальца. Прижигали рану и отсылали в камеру до завтра. На следующий день – еще фалангу в мусор, и снова прижигание. Когда все пальцы заканчивались, палач принимался за другие выступающие из тела части. И снова раны тщательно прижигались, чтобы, не дай бог, не было заражения. Ведь казнь еще не закончена. За здоровьем чиновника следили, умереть не давали, отпаивали травами, опиумом и приводили в чувство. Ведь если смерть наступала преждевременно, то могли приняться и за самого палача, который не выполнил приказ. Думаю, это самая страшная казнь в мире. Наказания были в основном членовредительскими, хотя еще любили закапывать живьем в землю. В общем, ни в чем себе не отказывали. А за особо тяжкие преступления вырезали всю семью целиком, не оставляя никого. Но это так, лирическое отступление.

Помню, прочитала в юности книжку Семанова «Из жизни императрицы Цыси», и запала мне ее история. Это почти серия ЖЗЛ, только немного иначе – «ЖЗУ» – Жизнь замечательных убийц. Как, думаю, эту Цыси воспитывали, как? Ведь из средней чиновничьей семьи, мама-папа, сравнительный достаток, учили ребенка петь и рисовать, а тут вдруг девочка раз – и вошла в историю своими зверствами. И жила-то, в принципе, совсем недавно, не в Средние века – моей бабушке уже 5 лет было, когда умерла эта злодейка. Именно здесь, в Запретном городе, Цыси и строила свою кровавую карьеру. А как иначе скажешь?

Родилась в маньчжурской семье, назвали девочку Ехенарой, или Орхидеей. Цветок – вроде как символ красоты, но будто восковой, застывший, совершенно непахучий и какой-то мудреный. Ну вот и Орхидея наша, необаятельная, страшненькая, чего греха таить, с грубо-ватыми чертами лица, неулыбчивая – я долго рассматривала ее фотографии и, в общем, не могла понять, как молодой император мог в итоге на нее польститься. Ее фотографий в молодости нет, но по тем, что я увидела, было понятно, что красотой она не блистала никогда. И ноги ей не бинтовали, она же была маньчжуркой, а не китаянкой. Это именно у китаянок были маленькие забинтованные ступни – идеальная длина – семь сантиметров, это «золотой лотос», потом «серебряный» – до 10 сантиметров и «железный лотос» – свыше 10. У нашей красавицы был просто 37 размер, если по-нашему. Немодно, понимаю, зато вполне устойчиво. Вот она и вошла на этом 37-м размере в «Палату важных дел». Эта Палата на самом деле занималась очень важными делами – подбирала молодому императору хорошеных наложниц под любое настроение. Важно? Очень! Вот Палата и устроила очередные смотрины, кастинг, по-нашему. И Орхидея на смотринах из-за своего гигантского тридцать седьмого размера стала по-своему сенсацией. А почему бы и нет, подумали мастера по отбору девушек, вдруг и такая пригодится, под настроение? Вдруг Сыну неба захочется посмотреть на обычную женскую ступню, и это будет новым эротическим ощущением? Ведь чистокровные китаянки бинтов никогда не снимали, в них всегда спали, надевая сверху мягкие тапочки. Их голая нога представляла собой жуткое и уродливое зрелище – пальцы загнуты вниз, к стопе, часто вывернуты из суставов и сломаны. Со временем некоторые пальцы, совсем не получая крови, атрофировались и, бывало, отпадали из-за инфекций. В результате всех этих добровольных многолетних пыток даже самая красивая женщина, с покореженными,ечно забинтованными ступнями и совсем неуверенной походкой, выглядела довольно ущербно, с нашей европейской точки зрения. А у восемнадцатилетней Орхидеи с ногами все было обычно, по-человечески, и она, твердой походкой войдя в Палату важных дел, вышла оттуда царской наложницей низшего уровня. Но одно дело попасть в Запретный город, а совсем другое оказаться в постели императора. Можно было всю долгую жизнь прожить там в ожидании приглашения от самого, так его и не получив. Что и понятно – император один, а девушек вокруг тысячи!

Орхидея взяла ситуацию в свои руки, чтобы не зависеть от случая, – стала, во-первых, учиться у опытных подруг эротическому делу, а во-вторых, потихоньку начала подкупать тех милых евнухов, которые решали, кого прислать на ночь Сыну неба. Сначала с евнухами все было довольно сложно, деньги и подарки они брали, но прислать императору наложницу с ластами вместо ног побаивались, не было в ней изыска, была она груба и прямолинейна. Тогда она добилась хотя бы того, чтобы Сына неба носили через уголок сада, за которым ей положено было ухаживать. Ухаживая, она голосисто пела, мол, солнце небесное, приди ко мне, заметь меня, я вся твоя, мне жизнь без тебя не в радость. Я не слышала, но просто догадываюсь, о чем могла быть песня. Сын неба клюнул на голос, и Орхидею ввели в его покой. Причем перед возможным актом всех наложниц раздевали, мыли, чистили, обрабатывали маслами и духами и отсыпали в абсолютно голом виде через весь Запретный город в постель к Самому. Такое было правило. Евнухи, конечно, перестраховывались – вдруг кто из женщин захочет убить императора, а спрятать на голом теле нож или склянку с ядом проблематично. Главный евнух вел книгу приходов – кто пришел, во сколько и сколько времени пробыл, чтобы в случае беременности наложницы высчитать все необходимые даты, ведь день рождения наследника отсчитывался от дня зачатия.

Со времени первого посещения божественного ложа Орхидея быстро начала карьерный рост. Прошла через всю иерархию наложниц, от наложницы пятого разряда (звучит очень по-рабочему, правда?) до второй жены. Через четыре года родила сына. Или украла его у другой наложницы, убив мамашу, что было очень в ее стиле. Первый раз убивать, наверное, было страшно, но потом уже угрызения совести не мучили – шла по трупам легко своими ногами 37 размера! В общем, момент беременности и рождения царевича окружен мифами, как, в общем, и вся биография Цыси, где правду от легенд почти невозможно отделить. Оно и понятно, не думаю, что кто-то в Запретном городе писал мемуары, а если и писал, то был в курсе изощренных китайских пыток. Так что фактов о жизни Орхидеи довольно мало, больше домыслов.

Родив (или украв) ребенка, Орхидея взлетела очень высоко – законная жена императора, императрица Цыань, была бесплодна, а Цыси, теперь Орхидея так стала называться, развернулась вовсю. И реально управляла страной безумно долго – 47 лет, с 1861 по 1908 год! Женой она никогда не была, только регентшей. Прозвали ее в Европе «Медичи Востока» по аналогии с кровавыми изощренными убийствами ее западных коллег. Сколько народу, в основном женщин, она поубивала, одному богу известно, но любая наложница, на которую император «клал глаз», умирала в течение нескольких дней, а то и часов, совершенно случайно: оступалась, стремительно заболевала, была покусана ядовитыми пауками или просто однажды не просыпалась. Вот такая опасная была жизнь в Запретном городе в то время, когда там жила добрая Цыси. Избавляясь постоянно от всех подозрительных (Цыси не всегда же сама это делала, у нее на то были проверенные люди), она немного потеснила самого императора в ведении государственных дел, а вскоре умер и он. Катаясь на лодочке по холодному пруду, он вдруг решил перелезть в лодку к Цыси (она сама, естественно, позвала его) и упал в воду. Простудился и умер. Регентша – Цыси. А совсем скоро умирает и императрица Цыань, съев пирожных, присланных в подарок от Цыси. Несвежие были, наверное, да?

Цыси радуется жизни – пьет по чаше грудного молока в день, беременет от лжеевнухов (в 45 лет чуть не умерла от осложненных родов) и самое трогательное – катается на трехколесном велосипеде и много фотографирует. Последнее мне ближе всего из ее жутковатой биографии.

Умерла Цыси от передоза, накурившись опиума. Сын незадолго до этого умер от оспы, невестку с неродившимся ребенком она довела до самоубийства. Узнав, что вот-вот уйдет сама, Цыси скоренько послала убийц к племяннику, наследнику трона, чтобы покончить с ним раньше, чем умрет сама.

Вот и умерла.

Китайцы не любят о ней вспоминать.

Детали

Императрица Цыси

* * *

Ворота в прошлое

Жизнь в хутунах

Старый Пекин

Пекин строго поделен на два времени – в одном город – современный, высотный, стеклянно-бетонный, офисный, серый, в другом – хутунный, древний, патриархальный, человечный, живой, но тоже серый. Про первый даже рассказывать не буду – он как везде, в любом большом городе, с набором чуть отличающихся друг от друга стекляшек под шестьдесят и выше этажей. Хутунный – исторический, но не новодельный, для туристов, а настоящий. Когда-то Китай, и Пекин в том числе, завоевали монголы и в поисках воды рыли глубокие колодцы, «хутуны» по-ихнему. И топали от хутуна к хутуну в разных направлениях. Натоптали дорожки, настроили одноэтажные домишкы и стали вдоль дорожек жить. Домишкы серые, покрытые серой черепицей. Кто побогаче, мог выделиться цветом – положить зеленую черепицу. Желтую бы не отважились, это цвет императора – желтый равно золотой. Хутуны – это даже не пекинские старые районы, это стиль жизни. У каждой семьи – закрытое для глаз хозяйство: двор буквой «П» с садиком, высокие ворота, стена, за которую не заглянуть. Китайцы вообще очень любят окружать себя стенами, начиная с семьи. И Запретный город за стеной, да и вся страна тоже – Великая Китайская стена, помните? Видимо, есть какое-то чувство незащищенности, а может, и есть что скрывать. Вот и за каждой такой стеной своя маленькая жизнь, скрытая от чужих глаз, рождения, смерти, свадьбы и прощания, любви и ненависти, скандалы и примирения.

Попали мы в хутуны под вечер, солнце уже садилось, у ворот на скамьях гордо восседали старухи и внимательно меня рассматривали – чужая, надо запомнить, если что. Какие-то магазинчики, парикмахерские с одним-единственным креслом и скучающим мастером, забегаловки с ядренными запахами. Большая часть жизни – на улице. Если кафе, то готовка у входа – бабки лепят пельмени и огромные манты. Если обувная мастерская, то сапожник у дверей, болтает с соседями и лупит молотком по ботинку. Как что тут можно скрыть – вся жизнь на виду! Много уличных торговцев еды, я купила только фрукты в карамели, другую есть не осмелилась. У каждого продуктового на улице стоит деревянная лавка с йогуртами. Я спросила у нашего гида, почему именно йогурт? Объяснил, что раньше молоко не пили вообще, ни одно блюдо не готовится на его основе. Китайцам вообще странен вкус «белой воды», как они его называют. Видимо, из-за того, что у большинства китайцев особенность – они не переносят лактозу. Но постепенно стали приучаться к кисломолочным продуктам, поэтому их выставляют, чтобы можно было купить, не заходя в магазин. И я решила попробовать местный йогурт. Оказался слишком сладким, а натуральный, оказывается, не любят.

Зашли в хутуне в местное кафе. Вполне современное, с разложенными по полкам книжками, молодыми официантами и модной музыкой. Мы сели за столик, к нам сразу подошел паренек в фартуке.

- Вам какой зеленый чай? – про мой любимый черный даже не спросил.
- А какой лучше?
- Вам надо попробовать зеленый «пыльный», думаю, или с пенкой из сыра.

И скажу я вам, что эти два чая стали лучшими из тех зеленых, что я в своей жизни пробовала! Зеленый «пыльный» был действительно пыльный – и цветом и запахом: цвет чуть в серость, утонченную легкую серость, как если радостную зелень чуть прикрыть молодой полупрозрачной тучкой, а вкус немного горьковатый, с поволокой, терпкий, с привкусом грусти. Ну а пенка из сыра в чашке с зеленым чаем – это просто восторг! Чашка была фарфоровая, без блюдца, цвета чая не было видно, просто бежевая пенка, как в капучино. Надо съесть ложку пенки с краю, научил официант, и пить чай именно в этом месте, заедая иногда сырным муссом, как десертом. Мы выпили еще целую коллекцию чая всех оттенков и вкусов, с черным было не так разнообразно. Зато заели чизкейком с дурианом, самым вонючим фруктом на свете. Ничего так, кисленько.

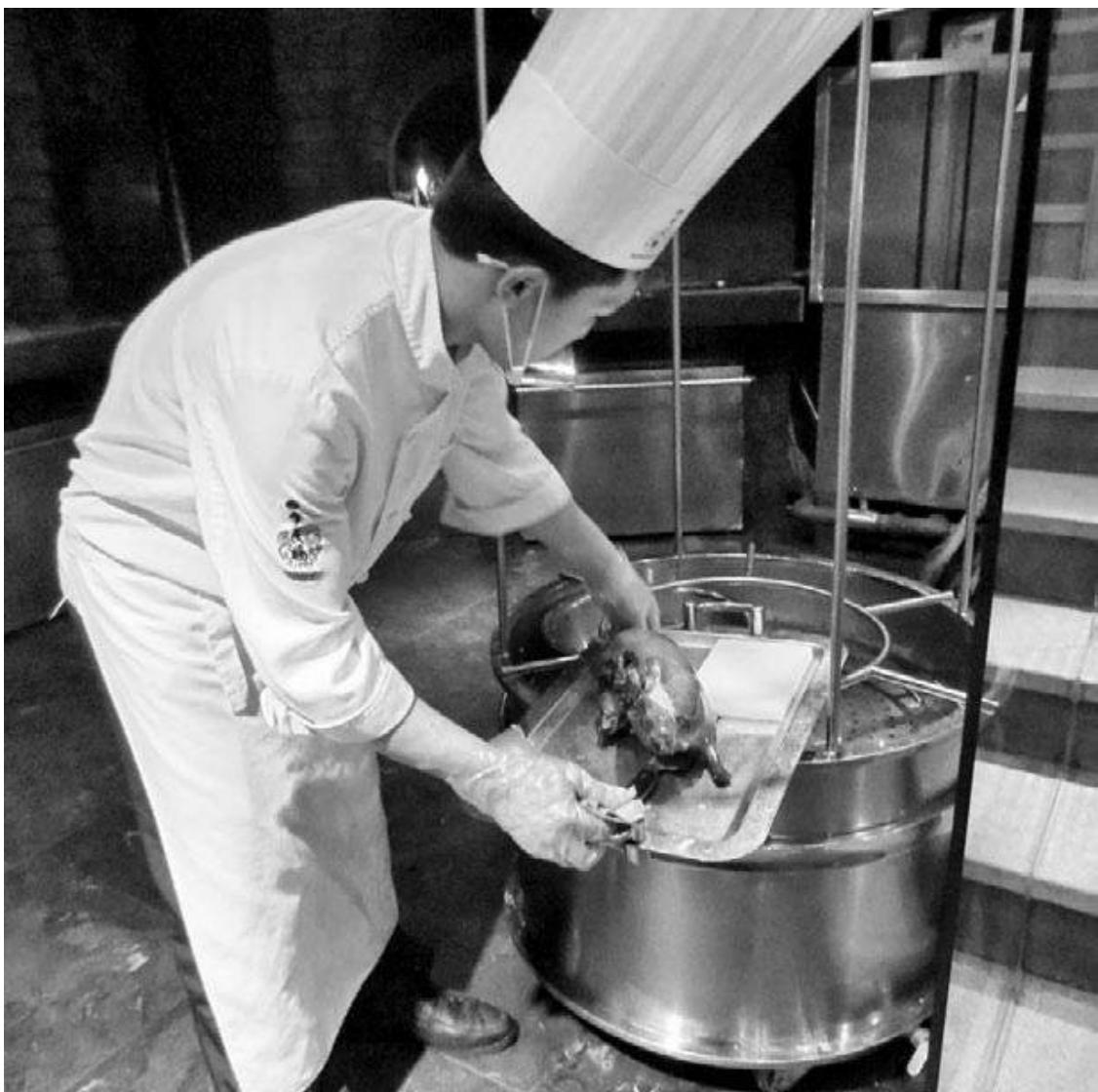
Около кафе

Потаенный переулок

Парикмахерская на одно кресло

Процесс приготовления пекинской утки

На следующий день нас повели в ресторан, где главным блюдом была утка по-пекински и сто пятьдесят других блюд. Потому что все нам говорили, что две вещи в Пекине мы должны сделать обязательно – попробовать настоящую пекинскую утку и залезть на Великую Китайскую стену. К слову сказать, план мы перевыполнили.

Начнем с утки. К ней много требований: во-первых, это особый белый вид пекинской утки, во-вторых, она должна весить не менее трех килограммов и быть без особого жира. Да, и бедрышки – они должны быть упругими и мясистыми!

Я всегда удивлялась, как в утке по-пекински получается такая хрустящая корочка. Объяснили – во время жарки под кожу все время подается горячий воздух и корочка как бы жарится сама по себе, а не прилипает к мясу. Важен даже выбор дров, а мы говорим о настоящей жарке, когда утки подвешиваются над огнем – лучше всего подходят фруктовые деревья, чтобы и утка стала темно-красно-коричневой с чуть фруктовым запахом. Дома готовить я бы ее не стала – начинать возиться за сутки, пинцетом выдергивать перышки, менять маринады, подвешивать на крюк, снимать с крюка и все остальное в том же духе, чтобы потом проглотить ее одним махом, не дождавшись положенных яичных блинчиков? Есть китайские блюда и полегче. А когда в ресторане раскрасневшийся повар выносит ее, готовую красавицу, и сразу при вас же начинает резать на 120 кусочков, а вы внимательно следите за расчленением, это

другое дело. И да, утка была замечательной! Надо еще добавить, что уток-гусей не только едят – гусей использует полиция вместо охранных собак! Гуси – жутко агрессивные товарищи и чужого к добру не подпустят.

Помимо вкусной еды и шикарной утки с блинчиками, я получила кучу грамматически-орфографического удовольствия. Меню было переведено на русский язык, вольно переведено, надо сказать.

Хотела съесть «счастливую семью», но испугалась размера порции, вдруг их в семье много?

Лягушачья нога тоже приглянулась, но целая нога, знаете ли...

«Горчицы свинины Крик» и «морепродукты Крик» не захотела после похода на выставку, где видела «Крик» Мунка, где он орет и держится за голову потом...

Очень заинтересовало блюдо «Расход топлива китайской капусты». Хотя в математике не сильна, но видимо, китайская капуста при большом количестве переработки дает сильный импульс и продвигает вперед. Скорее всего, так.

«Цветы чучела снарядов» заинтриговали. На фотографии ни цветов, ни пороха не видно, но видимо, в названии намек на изжогу. Не взяла. Понравились «Вентиляторы горения», мало-съедобно, наверное, зато запомнишь на всю жизнь. Побоялась.

В результате заказала «Морепродукты со свежим», хотя мало ли с чем свежим? А вдруг? Хотя не пахло. И «Самые горячие говядины» обрадовали тоже.

Сами названия, а не только смешные переводы блюд почти во всех китайских ресторанах удивительные и не всегда объяснимые. «Муравьи взбираются на дерево» – одно из самых известных китайских блюд (обжаренный свиной фарш с лапшой и приправами) – для европейского уха звучит, конечно, не очень. Или «Свинина со вкусом рыбы» – интересно зачем, можно же просто рыбу съесть! Зато «Львиные головы» – это не львиные головы, а фрикадельки из свинины и порошка крабового панциря, видимо, в форме львиных голов. «Прощай, моя наложница!» – это черепаха в вине, а «карп-белка» – видимо, рыба с мехом, которая питается орехами (на рыбьем меху – это про нее?).

Родители очень любили китайскую кухню и часто водили меня в московский ресторан «Пекин» на Маяковке. Его открыли где-то в середине пятидесятых, когда мы с китайцами сильно дружили, и здание это вместе с рестораном должны были символизировать нашу с ними нерушимую дружбу. Даже какое-то ассорти, не то мясное, не то рыбное, называлось «Дружба». В то время это было единственным местом в Москве, где можно было попробовать настоящие китайские блюда. Единственным! Как же там было красиво! Огромные залы, высоченные потолки с нарисованным и подсвеченным голубым небом с облачками, китайская вышивка на шелке, изумительная резьба по дереву, невероятные колонны, вазы и всякая другая красота. И Мао, который жал руку Сталину. Но потом, со временем, Сталин превратился в простого советского человека, да и Мао изменился до неузнаваемости, их просто-напросто перерисовали.

А как из ресторана пахло! Запах особой еды через все двери прорывался из ресторана, и люди, проходящие мимо, невольно замедляли шаг и слатывали слону. Хотя в 70-е, когда мы там часто бывали, большого разнообразия экзотических блюд уже не наблюдалось. Меню можно было читать долго и со смаком, но официанты безучастным голосом называли, что именно есть из длинного перечня. А было совсем немного. У папы в «Пекине» любимым блюдом были «столетние яйца», он называл их «синьхуа» или как-то похоже, всегда заказывал и часто брал домой. Я спокойно к ним относилась, ела, хотя вида они были ужасного, а запаха тем более. Обычные яйца, утиные, только сильно постаревшие. Чтобы приготовить, надо было их обмазать смесью из чая, извести, соли, золы и глины, обваливать в рисовой шелухе и соломе и закопать в землю, забыв о них на срок от трех недель до трех месяцев. В это подземное время внутри яйца происходили необъяснимые важные химические процессы, в результате которых

белок становился полупрозрачным, как желе, от черного до темно-янтарного цвета, а желток, оставаясь чуть жидким внутри и более твердым по краям, приобретал серо-зеленый, с разными оттенками, противный цвет. На вид страшно, у нас это называлось «тухлые яйца», вкус напоминал какой-то вид изощренного запашистого французского сыра с похожей консистенцией. Необычно, попробовать рекомендую. А в каком-то китайском городе, слышала, есть еще один яичный деликатес – яйца, сваренные в моче мальчиков-девственников. Видимо, с аммиаком у китайцев какие-то свои гурманские отношения, как и у исландцев.

Гостиница Пекин

Уличная пекинская еда

На Грязном рынке

В Пекине мы ели обычную неподозрительную пищу, и только в ресторанах, а на рынках я даже не смотрела в сторону уличных торговцев и их кипящих котлов. Именно на рынках и

много было нарываться. Когда мы пришли на антикварный рынок Паньцзяоань, (вы же знаете, я без барахолок не могу), то увидели здесь все разнообразие уличной китайской еды. Отравиться не боялась, зная, что в еду добавлено большое количество специй, многие из которых являются природными антисептиками, как и в Индии. Но уж очень непривычно и брезгливо было смотреть, скажем, на торчащие вверх куриные лапки с загнутыми когтями, будто молящие о пощаде или пытающиеся вылезти из кастрюли. У нас даже собака такое не стала бы есть. Шашлычки жарили, маленькие такие, на один укус, но как-то боязно было брать, зная, что в Китае съедают четыре миллиона кошек в год. В общем, это объяснимо – чтобы прокормить такую прорву народу, надо уметь готовить все – от насекомых до человекообразных (я обезьян имею в виду). Причем пошла мода не то что на свежую пищу, а практически на живую. Ведь мозги – еда вполне обычная и есть во многих кухнях мира. А мозги ЖИВОЙ обезьяны едят только в Китае. Хотя это уже не обед, а вскрытие. Причем повару важно, чтобы обезьяна не умерла от болевого шока, поэтому он ее подготавливает к последнему гурманному вздоху – поит большим количеством алкоголя… Не понимаю, кто отважится участвовать в такой жуткой пытке?! Есть еще жареная живая рыба, когда живую рыбку кладут в кипящее масло, а голову оставляют на поверхности и она, бедная, участвуя в своей готовке, открывает рот и вращает глазами, пока тело ее продолжает жариться. Ужас. Не по европейским нервам… Но это, конечно, уже перегибы, но жареных крыс вполне можно было встретить на лотках. Я не видела. Их, кстати, много и хорошо едят, называя даже «домашним оленем», хотя ни рогами, ни копытами крысы не отличаются. Еще блинчиками торговали, выпечкой, дим самами на пару и шашлычками из фруктов в карамели.

Рынок этот огромный, его называют еще Грязным рынком, что соответствует действительности, народу-то сколько! Не могу сказать, что рынок очень антикварный, настоящих стаинных вещей здесь совсем немного, а в основном то, что делают ремесленники, которые тут же и работают. Вышивку увидела искуснейшую, с таким чувством цвета, и мастерицы оказались тут же, рядом, в национальных костюмах какого-то дальнего народа, сидят в загончике, как овечки, и вышивают немыслимую красоту. По воскресеньям сюда съезжаются со всего Китая с разными поделками, везут все, что мастерски делают – нефритовые украшения, резные деревянные и костяные фигурки, разноцветные веселые фонарики, вышивку, удивительную тонкую керамику, плетение, все, чем богаты и что умеют. Такой это, видимо, аналог ВДНХ – как раньше наши республики выставляли свои достижения на выставке, так и на этот рынок приезжают красиво одетые в народные костюмы мастера, и начинается торговля.

Походила, посмотрела, очень много не только поделок, но и подделок – вещи состаренные, намазанные грязным лаком, вроде как с патиной, не отличишь. Европейских вещей почти нет, сплошное шинуазри. Но интересно очень – ходишь, будто рассматриваешь только что вырытый огромный клад, заботливо разложенный по степени значимости – черепок к черепку, ваза к вазе, шелка к шелкам, ну а цитатники Мао, они совсем отдельно, в стороне. Почти вся китайская история лежала под ногами посетителей, всякие династии, цинская керамика с подглазурным синим кобальтом, маньчжурские кофты, украшенные сложной вышивкой, расписанной кантонский лак и крайне редкий пекинский, листы тончайшей рисовой бумаги с выразительной каллиграфией. И снова в сторонке – фигурки Мао разного размера, в разной одежде, с детишками, как Ильич, и без, со своим цитатником в руках или с фуражкой. Стоят эти фигурки все вместе, плечо к плечу, словно собираются все эти Мао на очень важную демонстрацию, ждут, что сейчас вот-вот все решится и они наконец пойдут. Повертела я одного в руках, грубоватый, лицо не прописанное, краски слишком яркие, детские какие-то, явный культурный провал во времена Культурной революции, видимо, количеством брали, а не качеством, чтоб у всех поголовно вожди стояли на видном месте.

Mao всех мастерей

Книжный развал с цитатниками Мао

Торговец чучелами

Ходили по рынку несколько часов, то погружаясь в шелковые ряды и рассматривая зубастых драконов музыкального качества, отвечая улыбкой на добродушные взгляды девочек-вышивальщиц в шапочках со смешными кисточками, а то каким-то макаром оказывались среди резных вещиц и с трудом отбивались от назойливых продавцов. Вглядывались, что такого экзотического вариится в котлах торговцев едой, выискивая какие-нибудь волосатые хвосты и лапы, но нет, там было что-то похожее на хворост в масле, помните такой детский десерт? Уже вышли с рынка и ждали у обочины, когда нас заберет машина. Возле нас остановился еще один мобильный торговец – торговец чучелами. Повозка была приделана к велосипеду, на котором он рассекал, странно одетый, похожий на опереточного артиста местного театра. Грустно было то, что я увидела на повозке – там сидели чучела собак во главе с застывшей немецкой овчаркой и смотрели вдаль неровными искусственными глазами в окружении таких же неживых фазанов. Овчарка сидела, навострив уши, высунув противно-розовый искусственный язык и разочарованно смотрела на людей. Продавец громко и отрывисто призывал народ обратить внимание на его эксклюзивную продукцию, но люди спешили мимо. К собакам китайцы не очень-то привычны, особенно в больших городах вроде Пекина. Им только несколько лет назад разрешили их держать, вернее, перестали запрещать. Собаки до этого были разве что у иностранных дипломатов. Теперь собака – это модно, дорого и престижно. Китайцы воспринимают собачью красоту на свой лад – овчарка, скажем, должна быть обязательно большеухой и горбатой. Ну а если что-то в собаке не нравится, то... Видимо, у собаки, которая застыла на повозке, был не слишком выдающийся горб.

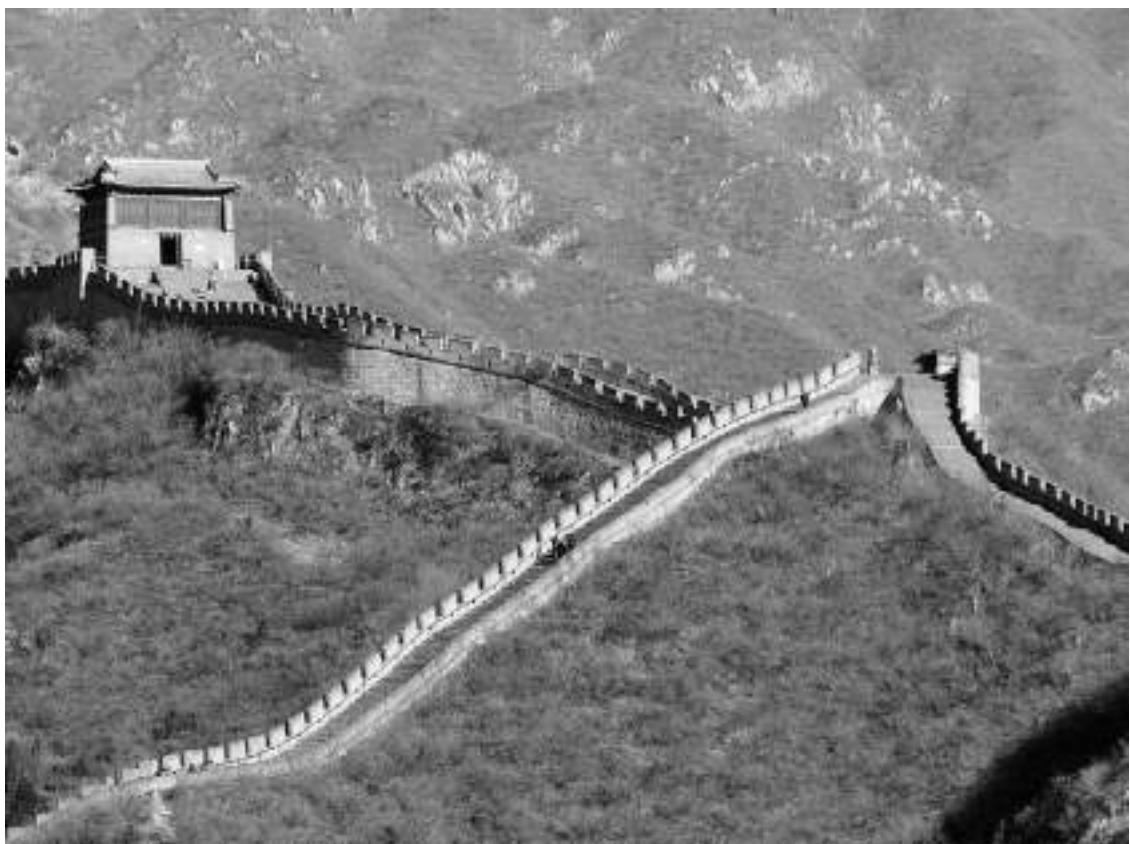
Китайцы, надо сказать, очень непосредственны, они могут спокойно подойти и начать вас рассматривать. Успехом в Пекине пользовалась, слава богу, не я, а довольно веселый футляр моего телефона, похожий на разноцветные круглые конфетки «Эм энд Эмс». Я постоянно держала его в руках, если вдруг понадобится срочно снять что-нибудь интересное, поэтому телефон моментально привлекал внимание. Стоило мне положить его на стол в ресторане, как офи-

циант или какой-нибудь посетитель, брал его в руки, хохоча и не спрашивая, уносил показать друзьям. Они вертели его, по-детски смеялись и с таким же хохотом возвращали мне обратно. Даже однажды, в очереди на вокзале, стоящий передо мной солидный мужчина в костюме с галстуком, увидев у меня в руках телефончик, смешно сложив губки с криком «О-о-о!!!» протянул к нему жадные ручонки, как мальчик, увидевший в магазине игрушек то, о чем давно мечтал.

Стена. Великая и китайская

Я ж могу ее покритиковать, правда? Смысла не вижу огораживать такую обширную территорию стеной. Это ж не двор и даже не город. Я понимаю, там, Ватикан, Монако, Лихтенштейн на худой конец обнести забором, но чтоб такую огромную страну, как Китай? Когда подъехали туда, я жутко удивилась – рядом ни одного примыкающего городка или даже деревни – стена стоит в чистом поле, вернее, в заросших горах. Зачем так метить свою территорию – непонятно, а главное, бессмысленно и непрозорливо – политическая карта в отличие от географической имеет свойство довольно часто меняться. И если в VII веке до нашей эры, когда стену начали строить, она была границей, простой, деревянной, то сегодня просто перерезает Китай чуть выше талии, где пунктиром, а где длинной сплошной линией. Почти 9 тысяч метров – строили, строили и будут, видимо, еще. Стену эту называют самым длинным кладбищем мира – точных цифр ни у кого, конечно, нет, но за все время на строительстве полегло более миллиона человек, а может, и больше. Еще бы: ни условий, ни свежей воды, болезни, холод. А ели, наверное, то, с помощью чего строили, – клейкую рисовую кашу с гашеной известью, такой был «цемент». Говорят, умерших замуровывали, «укрепляя» их костями стену. Крепкая стена получилась.

Мы приехали к тому участку, который был ближе всего к Пекину, в 75 километрах. Ехали по современному шоссе, и вдруг открылись горы, перерезанные стеной, плавно обнимавшей все холмистые изгибы. Внизу, у подъема, привычный набор туристических утех – фото на память в национальных костюмах, самые китайские что ни на есть сувениры, пахнущий машинным маслом фастфуд. Не стала останавливаться, одинаковое все везде, пошла по лестнице вверх. Ступени высокие, монолитные, из тесаного камня, протертые до лоска, вогнутые уже давно. Представляю, сколько тут полегло безропотных и безымянных, никем не вспоминенных, срываюсь в пропасть, замерзая до смерти, ну и что, скоро новых завезут на мясо. Ступеньки становились все выше и выше, надо было предпринимать усилие, чтобы вступить на следующую, иногда даже становясь на колено, чтобы преодолеть препятствие. Лестница, поднимаясь в небо, становилась все недоступнее, зато вид открывался ошеломляющий! Стена шла и вперед и назад, разделяя просто заросшие горы, не отделяя и не защищая собой ничего, просто высокая каменная стена, по которой можно прогуливаться и смотреть на елки или что там росло, не помню. Смотреть и удивляться – зачем? Слева от стены был лес, справа – такой же, люди фотографировались, я тоже. Приехала ведь, залезла, нужно подтверждение. Но место мне непонятное, хоть и удивительное по невероятным усилиям и не менее невероятным затратам. Не мое оно, совсем не мое.

Отрезок стены недалеко от Пекина

Охранник

Залезла на стену!

Украина

Дорога во Львов

Это было незабываемое путешествие! Про Львов помню мало и смутно – там замечательные шоколадные магазины и кофейни, красивый старинный центр, в котором 25 лет назад снимали «Трех мушкетеров», а на открытии моей фотовыставки со мной все пытались говорить на украинском. А я пыталась отвечать по-русски. Это все ладно, но вот путь туда запомнился на всю жизнь!

По приезде во Львов: художник по гриму Люся Раужина, мама и Галя Кориунова. Все под впечатлением от дороги

На Украине живет моя подруга Лена Кильдау, с которой можно и помолчать, и поговорить, с которой можно сесть в машину и уехать к черту на рога, просто так, чтобы посмотреть на красивое, а потом вернуться и, сидя дома, читать двое суток какую-нибудь дребедень, не поднимая головы. С которой объединяет необычайная негромкая теплота, идущая изнутри и не требующая ежедневного подтверждения. Она – в Киеве, я – в Москве. Можем не перезваниваться месяцами, неважно, мы просто знаем, что есть друг у друга. Которой можно отправить эсэмэску: «Ленка!!!» И моментально получить ответ: «Я здесь!!!» Хотя можно и не отправлять,

я все равно знаю, что она здесь, рядом. Вот так и живем, наездами, налетами, набегами, наплывами, телефонными разговорами. Познакомились сравнительно недавно, когда я начала свой фотопроект. Она известный украинский издатель, решила делать на Украине версию нашего «Каравана историй». Приехала, пригласила в Киев на презентацию первого номера и устроила мою большую выставку в Украинском доме. Потом начались поездки с выставками по всей Украине, почти во все города.

Вот и настал черед Львова. Собрались большой компанией, практически всей командой – мы с мамой, Гая Коршунова, моя крестная и одновременно директор, Люся Раужина, замечательный художник по гриму, Саша Гречина, крестная детей и художник-постановщик в одном лице, и Ирина Келина, куратор по выставкам и моя подруга еще с института.

На Украину мы всегда ездили поездом, вот и в тот раз решили не менять правила. Купили несколько купе в спальном вагоне и отправились на вокзал. Дело было зимнее, холодное, мы все приоделись в шубы, и то замерзали, аномальная какая-то случилась зима в тот год. Поезд наш стоял на самом дальнем пути, примерз где-то в районе электричек, и мы с трудом его нашли. На основных путях Киевского вокзала для состава Москва – Львов места не оказалось. Когда подошли, увидели, что крыша нашего последнего, тринадцатого вагона сильно вмята и покорежена. Но смело вошли внутрь. Проводниками оказались милые люди, семейная пара, почти всю жизнь прожившие в маленьком купе с двумя полками. Так и спали друг над другом, рядом – почти никогда. И квартира есть, конечно, рассказали они потом, однокомнатная, с кухней, немного больше, чем их купе. Смеялись, когда домой приходят, даже неуютно, места много, привыкли здесь, как в берлоге, жить. Показали нам места, предложили чай, как только тронется состав.

За окном вагона

Ледяная бахрома

На остановке

Вагон был старый, если не сказать, древний, выкрашенный изнутри в ярко-сине-голубой цвет... – я даже не знаю, есть ли в природе такой цвет! В больницах иногда таким мажут, в подъездах и вот в нашем вагоне. Цвет общественно-присутственных мест при социализме. Спецкраска со спецзавода. По вагонному коридору шла длинная узкая, как рушник, белая дорожка, лежащая поверх ковра, хлипкая и съезжающая с места при каждом шаге. Занавесочки были беловатыми в желтизну, вполне веселыми, хоть и потертными и часто используемыми пассажирами вместо полотенца. Купе, которое нам надо было обживать, не закрывалось. Пассажиров немного, сказал проводник, только вы, выбирайте любое. Мы с мамой заселились в первое, самое ближнее к началу вагона, а все остальные разместились за нами.

Тронулись. Действительно, в вагоне мы были одни. Через нас никто не ходил, мы последние, тринадцатые. Двери в купе очень нехотя запирались на замок. Было видно, что их неоднократно открывали извне, потому что они были все расцарапаны и отстояли от стенки приблизительно на три пальца, давая возможность пассажирам, не открывая дверь, видеть в боковые щели, что происходит в коридоре, есть ли, скажем, очередь в туалет. Еще стало понятно, что обогрев не работает, то есть паровозный титан пыхтит, но только для чая. Стали греться чаем. Набились в одно купе, нам принесли стаканов двадцать кипятка, стало чуть теплее. Сквозь щель закрытого окна тихо по-киношному падал снег и таял в чайных парах, недолго оставаясь на ярких цветочках искусственного кустика в вазочке. Из мятой крыши в коридоре тоже дул снежный ветерок, запорашивая убогий коврик, на котором отпечатывались следы, как в сугробе. Проводники шутили, что они лыжники со стажем и могут нам предложить лыжи для похода в вагон-ресторан.

Туда действительно надо было пойти заказать что-нибудь горячее. Мы с Галей снарядились. Нам сказали, что ресторан через четыре вагона. Ну мы и пошли.

Когда я с усилием открыла плохо поддающуюся дверь в соседний вагон, то поняла, что попала в другое время или просто в другую жизнь. Вагон был плацкартным, открытым настежь, как одна огромная коммунальная квартира без стен. Довоенная или сразу после. Прямо у входа на узкой койке лежала женщина на грязном полосатом матрасе без простыни, из которого местами торчала вата. Матрас был бывалый, с подтеками, использованный не одним поколением пассажиров и неоднократно принимавший в себя все человеческие жидкости. Подушка без наволочки, впитавшая сны сотен людей, давно утратила свои прошлые выпуклости и валялась вяло и безжизненно, придавленная очередной головой. Женщина спала, приоткрыв рот, и хмурилась во сне. Напротив сидели только что вышедшие из зоны мужики. Мне, во всяком случае, так показалось. Их было четверо, и вида они были классически-бандитского. Двое – в ватниках, серых, простеганных, с пуговицами, как положено, старых и засаленных. Двое других – в объемных косматых тулупах, наброшенных на могучие плечи. Они пили водку и играли в карты, швыряя их на стол лапами в татуировках. Курили папиросы, щурясь от дыма. Когда мы вошли, все из себя в мехах, прическах, золотых цепях и при маникюре, мужики с интересом и по-голодному взглянули на нас, знакомясь с потенциальными жертвами. Самый мелкий выпил, крякнул и привстал. Остальные продолжали играть. Мы сделали еще шаг.

В следующем плацкартном загончике сидели две бабки в перевязанных крест-накрест теплых платках и грубо связанных шапках. Они лузгали семечки, сплевывая на пол, и громко обсуждали, пьет ли Малахов мочу. Вдруг одна из них зычно крикнула мальцу, видимо, своему внуку лет четырех:

«Не ссы, кому говорю, не ссы тут! Я те шас объясню, паскуда! Щас за ... подвешу! Не ссы, кому говорят!!!» Но паренек уже пристроился в уголок около стола и начал оправляться. Его маленькая белая многократно битая попа бесстыдно повернулась ко всем лицом, а из-за бока пошел парок. Бабка бросилась защищать общественный порядок и что есть силы вдарила по дитячemu заду. Раздался детский крик, плач и бабкин мат.

Чуть дальше, в следующем вагонном сюжете, огромная торговая работница, я так ее для себя определила, совращала дембелечка, возвращавшегося к мамке домой. Она сидела напротив него, по-мужски раскинув ляжки, как борец сумо перед прыжком. На ней была клетчатая юбочонка, длиной совсем не по годам, и сиреневый свитер с вырезом, показывающий природный шестой размер во всей его красе. Взбитые, как пена венчиком, волоса были подклешены лаком и удлиняли голову наподобие огурца. Массивные серьги с красными камнями, звеня, зазывно били по оголенным плечам. В дополнение образа – два золотых зуба, которые дорого поблескивали меж ярко накрашенных губ. Тетка, рассказывая пошлые анекдоты, била мальчишку по коленке, а тот, вытаращив глаза, сосредоточенно медитировал на вырез в надежде, что ночью или раньше она его обязательно изнасилует. Они пили водку, закусывая вареными яйцами.

Сюжетов впереди было много, каждый тянул на отдельный фильм. Я была любопытна, но опаслива. Сделала еще шаг по усеянному бычками и плевками полу, увидела компанию человека из шести, которые сидели вокруг стола и пили пиво из бутылок. Самый, видимо, музикальный был воблиной о край железного вагонного столика, отбивая, как на ударных, что-то из шансона. Две бабы смеялись и кормили друг друга клейкой икрой, а один из мужичков поджег спичкой плавательный пузырь и теперь счастливо мусолил его. Пустые бутылки на полу позывали в такт колесам, прекрасно дополняя мелодию на вобле. Увидев нас, бабы перестали пихать друг другу в рот рыбы внутренности и ухнули. Мужик застыл с воблой в руке и улыбнулся нам во весь свой гнилой рот.

– Составьте нам компашу, барышни! – томно и пьяно произнес гнилозубый. – А то у нас не боекомплект!

– Галька, уходим, – прошептала я. Мы развернулись и начали медленно отползать, пытаясь побыстрей скрыться в сигаретном тумане. Товарка в соседнем купе на нас никак не реагировала, она уже забралась на колени молодого бойца и сидела к нам спиной, похожей на любительскую колбасину с перевязками. Рядовой под ее телом уже хрипло и тяжело дышал. Соседние бабки лузгали и ржали в голос, все еще обсуждая мочу Малахова и весело шутя на эту тему. Троє мелких детей сидели в рядок на верхней полке и болтали ногами. Бандюганы продолжали раскидывать картишки и смолить, теперь уже жадно поглядывая на спящую бабу на голом матрасе. Ночь здесь обещала выдаться энергичной.

Ничего в этом отдельно взятом вагоне не связывало меня с современной жизнью начала двадцатого века. Ни люди, ни запахи, ни одежда, ни еда, ни-че-го! Я словно попала в кино, в «Место встречи», к Шарапову, к Маньке-Облигации, да-да, в то время, в тот вагон, который случайно, нарушая все законы физики, вдруг каким-то чудом оказался двенадцатым в составе Москва – Львов, вырвавшись из того послевоенного времени.

Мы в своих дурацких норковых шубах и драгоценностях рванули в спасительный тамбур – дверь, еще дверь, и мы дома, в снулом, хорошо проветриваемом заснеженном вагоне! Зачем нам есть? Зачем нам приключения? Мы лучше подождем до Львова и будем просто пить чай.

Утомонились, разошлись по местам.

На одной из остановок в наш вагон зашла еще одна странного вида пассажирка. Она была небрежно, как капуста, одета, с многочисленными сумками и кошелками. Вся в испарине, она истерично кашляла и кашлем этим захлебывалась. Слышно было, как она постоянно находилась у себя в купе и что-то монотонно приговаривала. Совсем, видимо, больная… Ночью проходили границу. Погранцы проверили паспорта, таможня – лекарства, которые я везу. Стандартный дорожный набор – пара таблеток анальгина, но-шпа, смекта, сосалки от горла, капли в нос на всякий случай, еще что-то такое обычное. Много, сказали. Пришлось поделиться.

– А что соседка ваша, из Москвы едет? Та, что кашляет.

– Нет, – говорю, – только вошла.

– Я-я-ясно, – сказал таможенник с анальгином и ушел.

Состав все стоял и стоял, отправление почему-то задерживалось. Вдруг под окнами на холода началось движение, и к вагону подъехала спецмашина с мигалкой. Оттуда вышли двое в халатах поверх комбинезонов, в масках во все лицо и в перчатках. Мы сидели в купе, притавившись. Если они приехали за большой пассажиркой, и она заразна, то могут забрать и нас... Фильмов с таким сюжетом я насмотрелась. Могли совершенно спокойно эвакуировать всех пассажиров нашего вагона и продержать несколько дней на карантине в какой-нибудь местной больничке. Перспектива не очень, прямо скажем. Решила не высовываться. Мимо двери прошагали санитары, и вскоре в коридоре раздался знакомый лающий кашель.

– Вы не имеете права! Куда вы меня ведете??? Люди, помогите!

– Женщина, пройдемте по-хорошему! Не надо бузить! – слышался измененный голос из-под маски. И странное слово «бузить».

Она натужно кашляла и упиралась, хватаясь за ручки всех купе, но ее проталкивали вперед и вперед к выходу.

Потом ссадили со всеми сумками и кульками, погрузили в машину и повезли куда-то в ночь, включив сирену.

Пообсуждали бедную тетку, куда ее теперь, что с ней будет, и улеглись, было уже поздно. Мама быстро заснула, не зная всех подробностей нашего стремительного похода в соседний вагон и скорого отступления, а я осталась сидеть на стреме в ожидании «гостей» из соседнего вагона. Свет не выключала, чтобы его снаружи было видно через щели. Под утро заснула и проспала несколько часов. Когда проснулась, было уже светло, но совершенно тихо, никто еще не вставал. Да и проводников слышно не было. Разобрав баррикаду у двери, я выглянула в одну щель – пусто и в другую – ...

На полу в коридоре у соседнего Люськиного купе, припорошенный снегом, лежал труп мужчины. Так близко мертвых я никогда не видела, а этот чуть приоткрытыми глазами смотрел прямо в мою сторону, практически мне в глаза, мутно так смотрел. Я никогда еще не видела глаза мертвеца. Глаза были стеклянными, немного разъехавшимися, как у рыбы на витрине. Сам он был в драной грязной тельняшке и вытертых спортивных штанах. Мужик лежал на животе, в луже мочи – запах шел отчетливо из щели, голова была неловко повернута в сторону, волосы седые от снега. Откуда? Кто это? Из соседнего вагона? Кто убил? Что не поделили? Может, убийца рядом? За стеной вдруг услышала шевеление. Наши стали просыпаться. Я разбудила маму и показала ей в щель этот ужас.

– Что делать? – спросила она.

– Выходить страшно, трогать ничего нельзя, надо предупредить Люсяшу, чтоб не открывала дверь.

Мы стали барабанить в стенку и кричать в щель, чтобы Люська не выходила. Она посмотрела на нас одним глазом через такую же щель в двери – в этом вагоне все двери неплотно закрывались, – и мы ей объяснили, что прямо рядом с ее купе лежит труп, который перегораживает проход, и если Люсяшка откроет дверь, то прямо на него наткнется. Люсяшка стала что-то причитать и квохтать. У нас начались щелевые переговоры. Труп, видимо, уже начал окоченевать – если раньше снег на его лице чуть подтаивал, то теперь верхняя часть туловища и лицо постепенно засыпались снегом. Было хоть не так страшно на него смотреть. На межщелевом совете мы решили, что я буду барабанить в стенку к проводникам – пусть просыпаются и вызывают милицию. Я стала колотить, мама следила за коридором, Люськин глаз смотрел, не мигая, в ожидании проводников. Наконец они, сонные, появились. Опасливо подошли к трупу и пнули его ногой. Труп хрюплю вздохнул. Проводник от неожиданности отскочил, двинув попой по двери, из-за которой торчал Люськин глаз и стал орать на покойника, который враз перестал им быть.

– Ах ты, скотина! Ты чего сюда опять приполз!!! Я ж тебя уже относил! Ты чего мне весь половиник изгадил!!

Господи, жив! Слава богу! Я открыла дверь, и проводница мне рассказала, как они с мужем ночью уже отволакивали этого упирая в соседний вагон, а он мычал, крутил у виска пальцем и закатывал глаза. Сгрузили его на свободную полку и ушли. И вот опять, на тебе, приполз, обоссался и заснул. Они взяли его за руки и, мягко матюкаясь, снова потащили вон. Бывший труп не возражал, утаскивался, ногами загребая хлипкий коврик.

Утром, притихшие и переволновавшиеся, снова засели в одно купе и стали пить голый чай, переваривая события прошлой ночи. После границы поезд шел не как «скорый», а почти как электричка, останавливаясь у каждого городка и деревушки и вбирая в себя жаждущих увидеть Львов. На одной из станций, когда мы страстно обсуждали белую горячку, вдруг мимо нашего окна, тихо и нежно покачиваясь, проплыл мохнатый фиолетовый крокодил. Я решила, что глупы в тему, потому что никто больше его не заметил, все возбужденно орали. Мое же боковое зрение было сильно натренировано последними часами смотрения в щель, и я крокодила этого взглядом словила. После неспанной ночи и перенесенных волнений привидеться могло все, что угодно, и волосатый крокодил в том числе! Ну, думаю, ладно, показалось, успокоила я себя, хотя отчетливо запомнила вышитые крокодильи злые глазки, проплывающие на уровне окна. Мы продолжали орать и обсуждать, как спящий запойный человек может выглядеть так правдиво и похоже на труп, когда за окном снова почувствовалось шевеление.

«Ой», – сказала мама.

Теперь в окно уже посмотрели все. Нам махал рукой огромный волк в галстуке. Галстук был, как у Ильича на картинах, – красный в горошек, но на волке он смотрелся более легко-мысленно и празднично. Красный галстук волку шел! Глаза у зверя были выпуклые, желтые и злые. Видимо, от постоянного ношения красного галстука, который напоминал ему загонные флаги. Волк был сер, мохнат и крупен. Брюхо у него было почему-то розовым и бритым, из-за чего он местами походил на щененную сукку. Яркий галстук закрывал все причиндалы, свешивающиеся почти до пола. Неровные, с виду острые клыки, были устрашающие, но кое-где мягко загибались внутрь пасти, как у акулы. Волк задержался на мгновение около нашего купе и, чуть подпрыгнув и махнув жидккой лапой, поплыл дальше.

Мы все привстали и взглянули в окно.

По перрону шли люди и на вытянутых вверх руках несли огромные мягкие игрушки. Люди шли с конца состава и несли весь животный мир нашей планеты. Разномастные звери, сделанные с выдумкой и, я бы даже сказала, с большой фантазией, проплывали делегацией мимо окна. Этот зверский ноев ковчег не иссякал. Шли синие зайцы, красные тигры, просто панды, кошки размером с полвагона, обезьяны и даже отдельно взятые гигантские бананы – выбор был велик! Мы чувствовали себя как на демонстрации, сидя около окна сплоченной кучкой Политбюро и по-брежневски махая им вслед. Звери были вполне милыми, но невозможно было понять, почему они такие яркие и не соответствующие по цвету своим живым собратьям? Как ответить ребенку на вопрос, почему крокодил фиолетовый? Болен? Неординарный брачный период? Почему он не мог остаться зеленым? Так было почти со всеми другими плюшевыми зверями.

На самом деле все было странно и грустно. Люди несли над головой свою зарплату и старались продать ее в надежде получить живые деньги. Шли мужчины, женщины, дети, шли целыми семьями. Узнала у проводницы: «Тут всегда так. Фабрика мягких игрушек на грани закрытия. Денег нет, платить нечем. Люди сами, чтобы не терять работу, предложили брать зарплату игрушками и пытаться их продавать. Стараются черное время пережить все вместе. До чего мы дошли...»

Вышла на перрон. Демонстрация ушла чуть вперед, но зрелище было ужасное. Скрипел мороз, светило скучое солнце, а чуть вдали, за два-три вагона, двигалась толпа народа с поднятыми руками, а над ней – разноцветное мохнатое облако. Люди торопились, остановки пошли

короткие. Мимо меня пробежала женщина в когда-то красивой дубленке и с белым мишкой над головой.

– А почему у вас белый мишкан белый? – спросила я.

– Вам нравится? Я делала! Покупают обычно то, что поярче. А как белого сделать другим? У него же морда особая! Может, возьмете? На подарок хорошо, детям...

Взяла мишку, не торгясь, он мне понравился своей настоящестью и хозяйствой.

Отдав мне игрушку, женщина поблагодарила и сразу ушла. На какое-то время ей хватит денег.

Проводница позвала в вагон, мы тронулись. Я обрадовалась, что волка с желтыми глазами и красным в горошек галстуке не увидела в толпе разноцветных игрушек.

Волк поехал во Львов.

Норвегия

Совсем немного Осло

Вигеланд-парк. Осло

В общем, я в Осло. Где вы, волоокие блондинисто-бородые викинги с рогами? Где вы, Сигизмунды, Магнусы, Альфы и Альвары? Где??? Вокруг негры, арабы, турки, против которых я ничего не имею, но все же, все же... Просто настрой был несколько другой, я же ехала на север.

Но люди вполне доброжелательные. Все говорят по-английски и не шарахаются, когда к ним обращаются русские тети. Город странный, провинциально-неправильный. Я, не склонная к топографическому кретинизму, умудрилась заблудиться дважды, и дважды за день прошла по одной улице, и раза 3–4 встретила одних и тех же людей. Улицы кривенькие и узенькие, поросшие конским щавелем и разукрашенные штучными шикарными граффити. Из-за каждого куста обязательно выглядывает чей-то памятник. Или бюст, на худой конец. У стадиона – застывшие в бронзовом беге спортсмены, у театра – неизвестные мне огромные мужчины с дирижерскими палочками и густо обкаканные голубями, у академии – какой-нибудь Альфред Нобель, скромно, просто, одна голова. Количество скульптур впечатляет...

Сбегала к Мунку – помните его «Крик»? Скромный музей, теперь вход, как в аэропорту, через рамку и двух охранников – в 2004-м «Крик» украли, испачкали и вообще. Потом нашли. Пятачко оставили – не выводится, боятся повредить. Сейчас «Крик» висит в отдельной черной комнате и охраняется Брунгильдой в полицейской форме. Мунк, конечно, был нездоров психически, но гениален. Это у гениев сплошь и рядом. Вспомните Врубеля, Ван Гога, Гойю...

Его психическое состояние прослеживается по картинам. Здесь пока еще здоров, здесь глюки от наркотиков, здесь конченый алкоголик. Лежал в психбольнице. Подружился с лечащим врачом. Лечение помогло, даже бросил пить и курить. Увлекся фотографией. Сам себя фотографировал, а потом подолгу рассматривал портреты, изучал. Интересовался в основном проститутками и уборщицами. Женщинами любых других профессий ну никак...

Картины странные, удивительные... На одних – снулье потусторонние цвета из параллельного мира, на других – солнечные и сочные. И рука, будто кто-то ею водил.

Собирал книги, ходил на вскрытия, любил бабочек и птиц, рисовал, вел дневник, лечился – жил, как умел, одним словом!

* * *

Оказывается, я очень эмоциональная и впечатлительная девушка! Но только где-то там, в глубине души. С виду и не заметно.

В Осло, говорили, скучота, делать нечего, город никакущий. Не знаю, одним днем ничего не поймешь, конечно, но вот одно место в Осло сильно меня «забрало»...

Сходила в сад. Просто в «сад людей». Под названием Вигеланд-парк.

В большом парке десятки, а может, даже сотни обнаженных человеческих тел. Из камня и металла. Сделанные одним скульптором – Вигеландом – в начале прошлого века и в течение 35 лет. Как в то пуританское время могли такое позволить, не понимаю. Хотя отношение у норвежцев, и, вообще, скандинавов, к наготе совершенно спокойное. Что естественно, то не стыдно.

«Сад людей» просто удивительный! Очень философский – каждый видит то, что хочет: кто-то удивляется пошлости и разврату, ведь среди скульптур много голеньких детей – прямая связь с педофилией, вероятно. Однажды группа инициативных товарищ, проработав всю ночь, заклеила все срамные места статуй черным пластирем (их бы энергию, да в мирных целях!). Кто-то восхищается, как точно переданы эмоции каменных людей, а эмоций много! Есть те, кто думает о скоротечности жизни, глядя на беззубых обнаженных стариков и старух, нянчущих младенцев. А я ходила и смотрела на тех, кто пришел, на их реакцию, на их взаимодействие с «каменными» людьми.

Многие по-отечески хлопали великанш по ляжке, мол, терпи, стой со своими... Кто-то похояхтывал и пытался заглянуть как можно глубже через скромно намеченные отверстия исполинов. Кто-то сопереживал, ходя от одного великана к другому, улыбка сменялась сожалением, радость – печалью.

Приехали откуда-то толпой священники. Сопровождающая вякала что-то на незнакомом языке, они понимающие кивали и не очень представляли, как себя вести с таким количеством «обнаженки». Потом сфотографировались на фоне огромной стеллы-фаллоса, символизирующего продолжение жизни, и ушли восвояси.

Группа итальянцев смаковала изгибы, повороты, детали – тонкую работу скульптора.

Китайцы, видимо, голых тел никогда не видели (хотя откуда у них столько населения?), и отовсюду доносилось: «О-о-о!» А фотографировались, кладя руки на самые интимные каменные места.

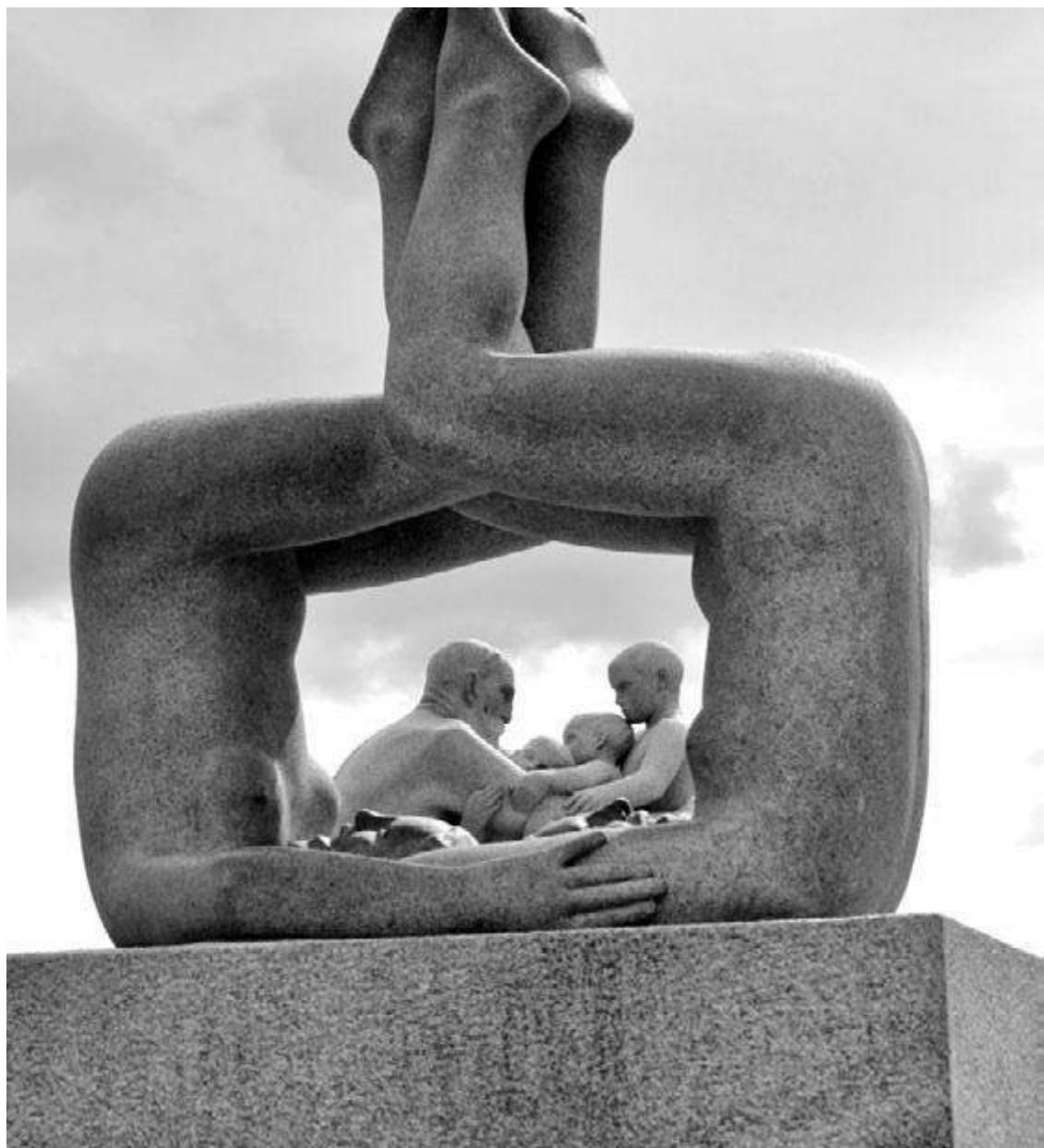
Наши красавцы, если не могли влезть сами, сажали на статуи детей.

Названия ни у одной статуи нет, и я очень хорошо это понимаю – зачем ограничивать свободу выбора и полет фантазии? Я ходила и давала всем названия. Такое иногда получалось!

Следующий раз назову по-другому, под другое настроение... Много незачем говорить.

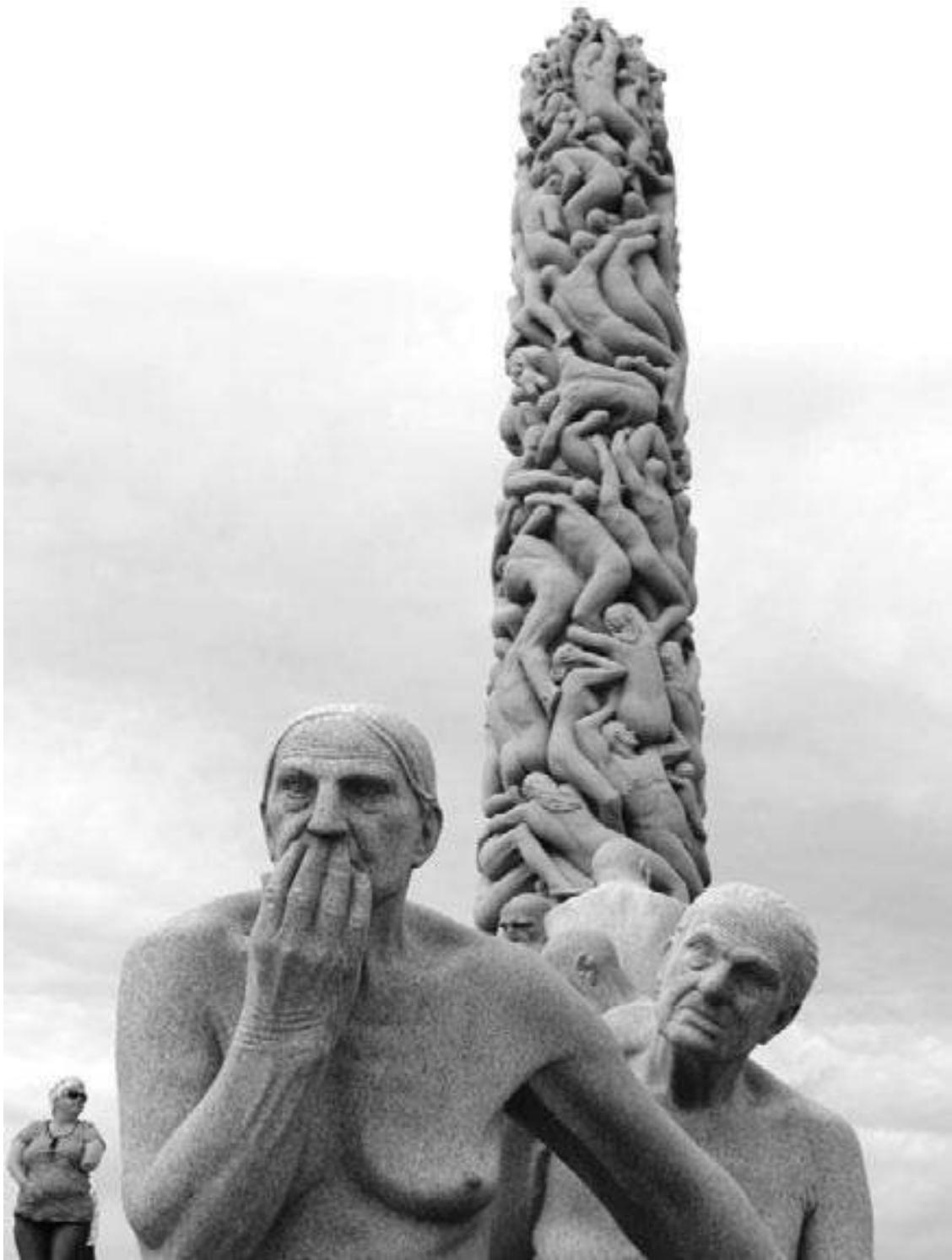
Сад людей

Иногда трудно объяснить увиденное

Старость в камне

8 июля 2014 г

Так, теперь про еду викингов. Я всегда во всех странах хожу только в национальные рестораны – как иначе? За эти сутки в Осло много попробовать не успела, честно скажу, но кое-что съела, выпила и узнала. Здесь, как и в Исландии, основа – рыба и баранина. Самый деликатес – копченая голова барана. Ну, это нам уже знакомо. Много дичи, морских гадов, королевских крабов (на них даже сафари устраивают!), много бруслики и морошки.

Варят похлебки, мясную и рыбную. Ложка стоит! Очень сытные, согревающие зимние блюда. Про норвежскую семгу вообще молчу – вы о ней и без меня все знаете, один из всемирных деликатесов наравне с французскими трюфелями, исландской сельдью, марокканскими апельсинами, итальянскими спагетти, камчатскими крабами и всячими другими хитами мировой кухни.

На праздник, скажем, в Рождество, жарят свиное брюхо и едят лютефиск – замачивают треску на пару-тройку дней в растворе воды и щелока, то есть в растворе березовой золы. Через три дня рыбные белки превращаются в желе, и рыбка начинает остrenько вонять (вспомните исландскую акулу – что у скандинавов за любовь к полезной тухлятине?), потом эту желеобразную вонючую рыбку можно спокойно жарить или запекать и, вероятно, есть. Едят его тоннами. В прямом смысле этого слова. И это несмотря на то, что в результате всех этих химреакций в рыбе появляется какой-то важный яд. В незначительном, правда, количестве. Поэтому иногда лютефиск называют оружием массового поражения. Я его не пробовала. Еще хочется пожить.

Рестораны в Осло очень высокого класса. Иду мимо – бац – на двери огромная, во всю дверь, надпись «У нас мишленовская звезда!». Хвастаются, короче. Но местные повара отличаются выдумкой, трудолюбием и художественным талантом, их очень много в ресторанах всего мира, прямо продаются на экспорт!

В одном ресторане заказала кашу по стариинному рецепту – та еще гадость! Начиналось все неплохо – молотая пшеница и ячмень, немного муки, мед и дробленые орехи. Но потом... Потом они добавили туда печень трески! Они вообще, как психи, с этим рыбьим жиром. Суют его во всю еду, уже скоро чай без него не выпьешь! Не понимаю, чего они так с этим витамином Д носятся – у них солнечнее в тысячу раз, чем в Москве! Короче, не каша их викинговская, а сплошное издевательство над моим гурманством! Еще и овсянку делают на сметане – представляете, сколько лишних калорий?

Попробовала напиток из крапивы и других трав – кисленько, полезненько. Наверное, от цинги пили... Этот с витамином С. Я так понимаю, что без витаминов у викингов – ни шагу! Ну а про квас из мха и говорить не буду! Горько, но бодрит! Еще есть местная водка – аквавит – на картофельном спирту до 50 градусов по Цельсию!

А на десерт – вкусный норвежский коричневый сыр с карамелью.

Карамель вообще улучшает вкус жизни, это проверено.

Финляндия

Есть во мне, видимо, какие-то скандинавские корни, иначе отчего так тянет постоянно в эту плохую скандинавско-прибалтийскую погоду? Сначала родители тринадцать лет подряд каждое лето возили меня в латвийскую Юрмалу, а как родила младшего, Даньку, то уже сама сняла домик в финском лесу и стала там откармливать сына. Увезла малого в леса озерные, где воздух звонкий, в комары, грибы и землянику. Домик чудесный, рубленый, деревянный, на самом берегу пустынного озера с булькающим в камышах «водяным» и выводком только что вылупившихся утят с мамкой.

Дышали, жгли костер на берегу, картошку пекли, ловили на блесну щук больше Даньки размером. Рыбу коптили на особых опилках, удивлялись проезжающей мимо машине – место было глухое и волшебное. Однажды к нам приплыла лиса. Откуда и почему именно к нам – одному богу известно. Хвост тянул ее ко дну, и она плыла эдаким поплавком, лиса-русалка. Предложили ей молока, выпила, обсохла, и только ее и видели. Гуси дикие заходили, нашипели, крыльями намахали, вели себя прямо как дома. Лось трубил по ночам, пугал. Зайцы скакали по кустам, крупные, мосластые, не по-заяччи наглые. Ленивые огромные финские комары, неторопливые и тучные, нехотя, но ежевечерне пили нашу заграничную кровь и, улыбаясь, давали себя убить – свое удовольствие они уже получили. Грибы росли вокруг дома как в мультфильме, в жизни столько и таких нарисованно-красивых я еще не встречала. Северное сияние однажды заглянуло, зеленоглазое, волшебное, шуршащее.

Я же говорю, сказка.

Вокруг избушки нашей росли огромные мачтовые сосны, держащие на приличной высоте северное небо. Стволы у них были огненно-красные на свету, особенно после дождя, цвет был такой, что дух захватывало. Стояли они ярким частоколом, а крона была высоко-высоко, с земли не разглядеть.

Чудесно мы тогда жизнь проводили, жаль, Данька совсем мелкий был, не помнит. Единственное, что говорил тогда: «Где песок? Где песок?» И бежал на песчаный бережок в природную песочницу и ползал, ползал до изнеможения.

Так хотелось память какую-нибудь оставить от времени того чудного, с собой в Москву взять. Банки с морошкой потащила (варенье магазинное), лосося, собственноручно закопченного, и... три новорожденные сосенки, вытащенные из мягкого песка, как обычные сорные травы. В мокрую ватку завернула, в пакетик положила и через границу, дрожа, перевезла. Долго место на даче искала, два раза пересаживала, успокаивала их, когда выкапывала, усадила в конце концов. Растут теперь вместе с Данькой, стараются, тянутся вверх, радуются.

Мой младший Даня и финская щука

Снова в Финляндию!

Наша лодка

Средний сын Митя у костра

Успела сфотографировать

Скоро будем пекь картошку

Еще и еще раз в Финляндию наведывалась, моя страна, нравится. Вот недавние записочки.

23 июня 2014 г

Уже в Финляндии. Дождь, серенько, чистый воздух. Везде посаженные леса разного возраста – дерево к дереву, чтоб ни сантиметра не пропадало. Поля фиолетовых с розовым люпинов. Коровы. Людей еще не видела. Благодать.

Едем-едем, ни машин, ни людей, вдруг посреди финского леса вывеска: «Скоро магазин тайских продуктов». И еще километров 20 непролазного валежника...

Сходили за грибами. Мама на чистке

26 июня 2014 г

Пить воду из-под крана – совсем забытое воспоминание детства. И тут пьешь-пьешь, не можешь остановиться, вода сладкая, абсолютно живая, не похожая на кулерно-офисную в этих голубеньких одинаковых флягах. Скоро вообще небось на вес золота будет... Эх...

Грибы под каждым кустом, как в мультфильме, – ну, не под каждым, конечно, это я преувеличиваю. Много подосиновиков и подберезовиков, белые позже пойдут, брусника стоит в цвету (смешно звучит!), лоси гордо, как в замедленной съемке, дорогу переходят, утки с чайками совершенно бесконфликтно (люди, учитесь!) в дверь стучатся – покорми, мол, чего ждешь? Рыбы, конечно, пока маловато, но это был бы уже перебор!

Финляндия, одним словом!

27 июня 2014 г

Есть места в мире, где я пользуюсь успехом, – это блошиные рынки и Финляндия. Вчера в славном городе Лапперанта зашла в магазин.

– Ой, а вам никто не говорил, что вы похожи на эту… Ну, эту, как ее… Ну дочку… Ну, поэта…

– Не, не похожа, я – она и есть, дочка…

– Ой, а что вас в нашу дыру занесло?

– Мне в вашей дыре нравится.

– Природа или шмотки? – поставила продавщица меня перед выбором.

– Шмотки, конечно, – нереально правдиво соврала я.

Ее лицо просветлело.

Сегодня в Хельсинки на улице – не все ж по магазинам! – бросается ко мне женщина и тыкает в лицо айфоном с какой-то страшнучей фотографией.

– Это вы? – На фотографии действительно страшненная я на открытии своей выставки у чьего-то ухмыляющегося портрета.

Признаюсь, я…

– Коля, давай! – пискляво кричит она, и из толпы возникает муж Коля с дочкой.

– Мы сфоткаемся с вами, вы уж извините, а то нам с Укупником не удалось и с Дробышем не удалось, а прям совсем рядом были!

Так что если кому что в жизни не удалось, я тут, я рядом.

Обращайтесь!

Хорватия

(Июль – август 2015 г.)

Белое хорватское очень даже ничего

Мы подлетали к Загребу в тумане, густом, непрозрачном, будто самолет погрузили в гигантский бидон с молоком. Плавали в нем минут сорок, ни конца, ни края, ни земли, ни неба, ни верха, ни низа, как в кинговских «Лангольерах».

Страшновато. Вдруг – р-раз, вылетели из тумана близко-близко к земле и почти сразу сели.

Потом дорога на запад в горы, на уровне облаков, с мелким, как взвесь, дождем, старомодными песнями по местному радио, с туннелями и светом в конце каждого из них, со знаками ограничения скорости – не больше 130, пожалуйста. А больше и не получится – сносит ветром, порывы такие, что продолжаем лететь, но уже без крыльев! Никакие ветрорезы не помогают. И пейзажи вокруг какие-то финско-испанские. Потом вдруг выскочили из какого-то туннеля и – сразу другая страна: погода, климат, солнце, все переменилось ближе к морю.

Когда давным-давно, в начале 70-х, бабушка вернулась из первой своей заграничной турпоездки по Европе, она прошептала мне с прищиханием, как секрет: «Я была в Опатии! Все остальное я забыла!»

Я переживала за нее, мне казалось, что если она столько видела и ей все так понравилось, то зачем апатия? К чему это? Наоборот, думала я, надо взбодриться!

А она все с того момента сравнивала с Опатией – «в Опатии рыба свежее», «в Опатии погода намного приятнее», а подружкам своим рассказывала про какого-то удивительного красавца из Опатии – «он был такой... такой...», – она не находила слов, но глаз при этом блестел.

В общем, спустя всего 40 лет я приехала в Опатию. Это в Хорватии, на Адриатике, почти напротив Венеции, через море, еслипомните карту. Море необычайно чистое и какого-то удивительного цвета – не знаю, сколько богу понадобилось вылить туда краски, чтобы так красиво получилось. В общем, полный джентльменский набор морского южного курорта – уютные улочки со старинными особняками, сосны, цветы, крабики, волны, кораблики, вареная кукуруза. Весь городок украшен сохнувшими полотенцами и купальниками – здесь ничего другого почти не носят. Хотя нет, к вечеру полуторальная толпа отдыхающих женщин разом переодевается в вечернее – шпильки, бусы, помада, блестки, тюль и при всем этом богатстве – мужчина. Ужинают рыбой и местным сухим или оранжевым вином. Местное сухое неплохое, но местное десертное, особенно ежевичное, много лучше.

Самое запоминающееся здесь – длинная старинная набережная, 12 километров, построенная специально для австро-венгерского императора Франца Иосифа, чтобы его величество прогуливался перед сном. Любил он ходить к своей любовнице, которой отстроил шикарную виллу за 10 километров от своей зимней резиденции. Приятно и полезно для здоровья. Дорожка, конечно, была открыта и для горожан, не только для «величеств». Кто только ее ни топтал – всяческие гости-императоры, Чехов, Айседора Дункан, Ремарк и еще куча шикарного народа.

В общем, никакой апатии в Опатии! Все прекрасно.

Вот такая дорожка у моря

и такая

Ровинь и Лимский канал

Эти места рядом и оба необычные. Ровинь – хорватская Венеция, на воде, старинная, все как положено, а Лимский канал – еще старше, с ледникового периода. Вода осталась, не ушла, так и стоит, цвета странного, заповедного. Там ферма устричная, куда, собственно, и едем. Вообще, Хорватия – страна для гурманов, тут и трюфели хоть косой коси, в смысле рылом рой, и устрицы, и мидии, и рыба всяческая, хочешь, белая, хочешь, красная – морская страна все-таки. В общем, наличие трюфелей и устриц для гурманов уже достаточно, им и тут как медом намазано. По мне, так все равно, не люблю я ни того, ни другого. Трюфель и не гриб вовсе для меня, а недоразумение с парикмахерским привкусом. Хотя их обилие меня удивило. У меня с трюфелями контакта никакого, я их просто уважаю. В Хорватии они в основном растут здесь, в Истрии. На планете, в общем-то, не так уж и много районов, где они водятся – Перигор во Франции (там черные трюфели), в итальянской Альбе – белые. А в Истрии и те, и другие. На поиск трюфелей обычно натаскивают собак и свиней. Здесь на тихую охоту выходят с собаками.

А устрицы – да, роскошно, модно, статусно, протеинно, но лично я смогла их попробовать только на «слабо», с кучей белого хлеба, вином, подливкой и аксессуарами. Была горда, что вкусила! Знаю, тяжело со мной – селедка с картошкой, треска жареная, грибы белые, портвейн «Черный доктор», который идет сразу в кровь, – и все, и уже, считайте, приручили. Вернее, прикормили. Но пробую все и всегда, поэтому и приехала на устричную ферму.

Дорога высокая, горная, враз ушедшая от моря в глубь страны. Олени не только на знаках, но и живьем, ходят парами у дороги.

В Лимском заливе вода – как на палитре краска, столько намешано, такие переходы, оттенки и нюансы. Это национальный парк, вернее, национальная вода. На берегу – рестораны с устрицами и рыбой, ларьки с трюфелями, маслом и моим любимым домашним ежевичным вином. Поели, выпили и дальше в путь! В Ровинь, пока светло.

– Как пройти к центру? – спрашиваю у подростка.

– Идите по воде, дама, не ошибитесь.

Хорошо сказал, понятно.

Так и дошли по воде, вернее, рядом с водой. Если есть город-открытка, то это, конечно, Ровинь. Он фотогеничней любого голливудского актера и даже венецианского гондольера. Он красавец неимоверный, старинный город на горе, а гора – на островке, сверху похожем на каплю. Все маленько, но для Средних веков, когда город уже окончательно образовался, вполне годящееся. Хотя жили на этом месте еще в бронзовом веке. На этом острове нельзя было не поселиться. Место привлекательное во всех отношениях – Ровинь все время завоевывали и отвоевывали – византийцы, германцы, французы, итальянцы, австро-венгры, все, кому не лень. На самом верху горы в середине островка высоченный храм с фигурой великомученицы святой Евфимии. Фигура-громадина, под пять метров высотой, как Давид Микеланджело в Пушкинском музее, видна отовсюду. Стены домов отвесно выходят прямо на море. Суши мало, почти вся занята жильем. И везде до блеска отполированные мостовые, которые, кстати, не меняли уже лет пятьсот. Это я так, к слову, вдруг плитколюбивое московское начальство удивится, что можно, оказывается, класть плитку на века, а не менять раз в три года. Растительности в городке почти нет, только в кадках у дверей и вокруг храма. Местных жителей совсем немного – обожающие и ненавидящие туристов, они все равно живут в ожидании их приезда, может, те что-нибудь купят, может, мимо не пройдут. А каково им, местным, зимой, когда вокруг только соседи, когда продувает этот город-открытку со всех концов, когда промозгло, сыро и окна не справляются с боковым колючим ветром? Ждут, наверное, лета. Или хотя бы весны. На маленьком разноцветном рынке стоят мужички с виноградными лозами, вроде как

местные Бахусы, и предлагают прохожим откусывать, а потом, соответственно, купить. Перцы разноцветные гирляндами – глаз не оторвать, лаванда душистая, ракушки любого калибра, сыр с трюфелями – простой джентльменский набор на ровиньском рынке. И соответствующие запахи. Каждый город ведь пахнет по-своему, вот Ровинь – свежей маслянистой лавандой (везу с собой в маленьком мешочке) и горьким кофе. Запах кофе из каждого окошка, из любой двери. Кофе пьют все, видимо, чтобы не заснуть в такую жару. Хотя, даже если и заснешь, такие города все равно продолжают сниться.

Средиземноморское ассорти

На улицах Ровиня. Выход из комнаты прямо к воде

Вид на Ровинь

Волшебные улочки

* * *

В Хорватии проверила Книгу рекордов Гиннесса – съездила в самый маленький в мире город Хум. Это Истрия, Хорватия, Европа, планета Земля, если что. Пробирались в город по заросшей плющом берендеевой дороге. Жителей около двадцати, одну горожанку засекла – та скрылась в доме XI века с табличкой «Нела». Ясно, что если 20 человек (когда-то было целых 300), то никакого адреса и не надо – имя и все. В городе тоже домов 20, не больше, но при этом есть мэрия, больница, почта и все остальные атрибуты настоящего города. А город, по красивой легенде, построили великаны из камней, оставшихся после других строек века. Не пропадать же добру!

Мэра до сих пор выбирают по-старинному – каждый горожанин выпиливает имя кандидата на древнем посохе – кого больше всего напилили, тот и победил. В городке несколько лавочек с сувенирами и столовая – вся жизнь в ожидании туристов. В лавках опять сплошные трюфеля и выпивка. Очень смешная доморощенная реклама – на каменных указателях. Есть сохранившиеся фрески XII века и аллея кириллицы, но городок пуст, жарок и грустен. За степами жизни нет, с XI века Хум не успел развиться за пределы крепости, так и варится в собственном соку. Забегаловка на пять столов на открытой веранде с видом на зеленую долину, виноградники и кукурузные поля. Меню трюфельное – макароны (из детства, серые, с дырками) с натертymi свежими скрипучими трюфелями, омлет с теми же трюфелями, гуляш, ньюки и тоже с трюфелями. На десерт хворост.

В местной крошечной сувенирной лавочонке Хума обычный набор – трюфельная паста да местное оливковое масло. Масло отменное, по качеству идет сразу за тосканским, а это очень высоко.

Еще одна достопримечательность Хума – осы. Они любят местную столовку и прилетают семьями распугивать посетителей. Злые официанты их отлавливают, расставляя повсюду банки с сиропом. Получается осиный ад! Обжорство – смертный грех!

А самое смешное, что город-побратим Хума – Пекин. Весь Хум целиком там может в одной квартире какого-нибудь важного китайца поместиться.

Княжество, где построили Хум, называлось Захумье, практически Зазеркалье, да?

Осы – достопримечательность Хума

Скоро будет местное вино

Плитвицкие озера

Была в одном из самых красивых мест на земле. Таких мест не так уж много, это точно одно из самых запоминающихся!

Видимо, рай.

Плитвицкие озера, центр Хорватии. Дорога – 2,5 часа, очередь за билетами – 1,5. Лето, сезон. Эти озера – такое место в Европе, которое можно считать Организацией Объединенных Наций – думаю, я видела там представителей всех стран мира, честное слово. Толпы разномастных, разноговорящих, разноцветных людей. И все, блин, делают селфи на фоне водопадов. Все! Так и стоят со своими разнозубыми улыбками, балансируя на краю пропасти или бирюзовом берегу, чтобы сфотографировать себя на фоне этой красоты. И знаете что, я их понимаю. От меня, конечно, вы селфи не дождитесь, но, ох, как я их понимаю, этих членов ООН. Там 8 километров деревянных настилов по всей этой водопадно-лесной красоте, и на каждом сантиметре стоит селфист. Хотя никакие фотографии не в силах раскрыть то, что ты видишь, чувствуешь и ощущаешь. Там, видимо, какой-то природный феномен – цвет воды точно с примесями каких-то минералов, ни один художник так не намешал бы красок. Кроме Всевышнего, конечно.

Каждый год в этом водопадном kraю появляется новорожденный водопадик. Деревья падают, перегораживают русло, их никто не убирает – это правило – бирюзовая вода ищет выход – и нате вам, получите новый водопад!

Здесь удивительное сочетание горных вековых лесов, буковых и хвойных, и каскадных озер с водопадами. Обилие животных и рыбы. У входа смешная табличка – «Открыто с 7.00 до 20.00 для туристов, с 20.00 до 7.00 – для медведей и волков», с намеком на то, чтобы никто на ночь там не вздумал остаться. Хотя можно купить и двухдневный билет, но переночевать все-таки лучше в гостинице.

Есть речки – Черная и Белая, еще какие-то и 16 озер, названные именами тех, кто здесь утонул… Список людей, переходящий в перечень озер. Грустно. Миланович, Гаванович, Калуджерович, Новакович… Люди-озера.

Иногда на озерах снимают кино. На мой взгляд, это живые декорации для Парка Юрского периода. Озера очень фотогеничны, даже слишком.

В общем, место это вызвало у меня восторг, удивление, восхищение и грусть. Грусть не только из-за людей-озер. Я представила, если бы эти озера были у нас: пара-тройка олигархов, яхты на бензине, вертолетные площадки, поделенные высоченными заборами многогектарные усадьбы с бритыми налысо газонами и однотипными дворцами посередине. Ни животных, ни рыбы (один раз шарахнуть, чтоб рыба всплыла и гостей поразить обилием, а дальше можно и не думать), сауны с девочками по берегам, да будки с охранниками. И вода в озерах мутная-мутная…

В общем, приезжайте, гости дорогие, пока красота такая несусветная зорко охраняется от всех злых помыслов! Приезжайте и наслаждайтесь! Это того стоит!

Пейзажи и виды Плитвицких озер

Крк

Приехали на остров из трех букв. Не подумайте ничего плохого – остров из трех согласных – КРК. Мы его произносим, как Кырк, просовывая гласную, чтобы на отдыхе легче было разговаривать, зачем стараться? Крк отделен от материка современным мостом, проехать по нему можно за 35 кун, то есть за пять евро. На все остальные хорватские острова можно только доплыть – или на пароме, или на морском такси. На Крк запросто приехать. Вода здесь такая же чистая, как и на всем хорватском побережье, но чуть теплее, потому что хорватские горы, уж не знаю, как они называются, снижают на пару градусов температуру воды у берега за счет холодных источников, выходящих прямо в море. Почти все пляжи в Хорватии из гальки или, что еще неприятнее, из бетонных плит, положенных сверху прямо на скалы. Песчаные пляжи очень редки, и в основном на островах. Вот мы и отправились за песком.

На острове Крк есть город Крк. Но мы со свистом проехали мимо, прямо в Башку, на самый южный юг, где, по слухам, самые песчаные пляжи, тишина, гладь да божья благодать. Приехали – от Опатии около часа езды – по узкой дорожке, переходящей местами в тропинку. Упёрлись прямо в море. Песчаный пляж, если его так можно назвать, по всей бухте – сантиметров по 20–30 шириной, хотя в каких-то местах аж целый метр! Вспомнила Юрмалу под Ригой, где тончайший белый песок без конца и края на километры по всему побережью. Тут, видимо, песок на вес золота. За каждый сантиметр идет борьба мам и бабушек, которые «занимают» малюсенький песчаный островок своим чадом, сажая его сверху, пусть копаются. Бухта красивая, засиженная домами и людьми, как пирог мухами. Загорают прямо в воде на надувных матрасах за неимением мест на сушке. Туристические кафешки, дорогие водные увеселения,

лавочки с пляжными причиндалами и горы мороженого. Места катастрофически не хватает, весь пляж – большая коммунальная квартира, где у каждого не кровать, а своя полосатая подстилка. Так и лежат целыми семьями, жарятся, как на сковородке, но до разной степени зажаренности. К вечеру появляются местные торговцы – мы были в августе, в ходу были разноцветный мед, оливковое масло, лаванда в мешочках, только что начинающий созревать сладчайший инжир и ракушки, обыкновенные морские ракушки, которые продают совсем дети, зарабатывая себе на карманные расходы. В общем, сплошной туризм, ничего личного.

В кафе меню все итальянское (тут же была когда-то Венецианская республика) и разнообразие довольно дорогой свежевыловленной рыбы. Рыбу обычно целиком запекают в печи или жарят на гриле и разделяют прямо перед вами, половину веса забирая в виде костей, головы и плавников. Ну, и местное истринское оранжевое вино. Я вообще люблю оранжевый цвет, очень уж он позитивный (хотя и холодный бирюзовый тоже люблю). Вот и «сделала стойку» на оранжевый цвет в бокале у какого-то местного чувака за соседнем столиком. Узнала, что это их белое, сделанное по технологии красного. Виноградный сок не отфильтровывают, оставляя его насыщаться с кожей и косточками на несколько месяцев, потом короткая выдержка в дубовых бочках, и в бокале – благородный темно-солнечно-апельсиновый цвет, да и вкус достойный.

* * *

Одним из удивлений на хорватском побережье стало обилие собачьих и нудистских пляжей. Нет, не подумайте, они никак не связаны, просто их много, и тех, и других. Собачьи пляжи я вообще раньше нигде не встречала, а тут их несколько. Летающие в море мячики, плывущие собачки, тякающие щенки, гордые хозяева – красота! Можно наблюдать часами, причем никто из собак не задирается, видимо, понимают, что в другой раз их не пустят в это райское место, если что.

А что Хорватия – первая в мире страна по количеству нудистских пляжей, тоже большое для меня удивление. Не казались мне раньше хорваты такими эксгибиционистами, ну, немцы там, шведы, финны – да, но чтоб голые хорваты? Для меня это, вообще, загадка – что должно произойти в голове, чтобы человек, идущий миллионы лет к тому, чтобы одеться, вдруг раздевается и идет щеголять в чем мать родила. Но что-то же должно, раз это не один человек, а целые пляжи голышей.

На обычном пляже. И совсем даже не в Хорватии

В общем-то, нудисты – это такие же обычные люди, просто они, вероятно, не любят одежду «made in China» и в знак протеста раздеваются. Хотя считается, что они вроде как наготой выражают гармонию с природой. Видимо, есть все-таки связь с эксгибиционизмом, мне кажется, что это очень близко, хотя обидеть никого не хочу, просто ищу объяснение. Вот и Хорватия стала лидером по количеству нудистских пляжей в мире. Причем в сезон там яблоку негде упасть, все одинакового бронзового цвета, без белых следов от плавок или лямок на плечах, гладкие и загорелые. Отдыхают целыми семьями, с детьми. На пляжах – рестораны, где можно перекусить, не одеваясь. Интересно, а официанты там тоже нагишом? Или все-таки с бабочкой? А шеф? В колпаке, надеюсь? Эх, жаль, не проверила. Но это, думаю, не совсем для моей психики. Есть огромные нудистские пляжи – на 7 тысяч голых людей! А все началось с того, что в 1930 году король Эдуард VIII со своей возлюбленной Уоллис Симпсон, ради кото-

рой он, собственно, и отрекся от престола в пользу брата, искупались нагишом на пляже острова Раб, дав отмашку раздеваться и нырять в чем мать родила простым смертным. И голый народ повалил...

Испания

Скамейка из парка Марбельи

Так отчего-то получилось, что люблю я эту страну. Каждый год обязательно бываю, вроде как проверяю, как там дела, что изменилось и изменилось ли вообще. Везде не была, сразу предупреждаю, но из того, что видела, очень люблю Андалузию, самый юг, там, где Солнечный Берег – Коста-дель-Соль. Район с арабской историей, люди черноволосы, кареглазы, коренасты,

с большой примесью арабских кровей: все-таки до североафриканских стран совсем недалеко. Сегодня на пароме сорок минут до марокканского Танжера, а сто – двести – триста лет назад – полдня пути на лодке, и ты уже на другом континенте.

Здесь, на самой южной оконечности Европы, столько всего намешано! А мне всегда очень нравится разнообразие. Разная природа, разный климат (хотя вру, не очень), разные религии, разные люди, разная еда. Есть куда съездить и что посмотреть, все сравнительно близко – Африка, Гибралтар, Франция, Португалия. Но каждому свое – кому-то на пляже лежать, а таких тут, на Коста-дель-Соль, предостаточно, а кому-то, мне например, по горам и долам шастать в поисках интересного кадра, уголка или парочки еще неизведанных тапас. Мне много не надо – красивую картинку перед глазами, скажем, море цветущих подсолнухов до горизонта или милые закусочки с бокалом местной «Эсмеральды» где-нибудь в самой испанской глубинке, где не ступала нога туриста. Люблю, знаете ли, все настоящее – еду, природу, отношения, людей – без всяких там ГМО, силикона и фиги в кармане. Вот и рыскаю в поисках этого самого, настоящего, «хэнд-мейд».

Испанские южные городки, в принципе, похожи. В большинстве случаев они небольшие и белые. Вероятно, в белом городе не так жарко жить, ведь этот цвет отталкивает солнечные лучи, насколько я помню из школьной программы. Они любят стоять на холме, чтобы хоть немного продуваться. Или чтобы сверху видеть все, ты так и знай! В каждом есть древняя площадь с церковью, парк, где к каждому дереву проведена индивидуальная система полива – без воды оно и месяца не проживет, и обязательно – коррида. На юге без нее не могут, а испанские северяне кое-где стали запрещать. На площадях и скверах стоят памятники, в основном, конечно, тореадорам, но случается, и представителям других профессий.

Дома – двухэтажные, под красной черепицей. Все окна закрыты коваными решетками. Каждый вход в дом даже подъездом назвать нельзя – это что-то особенное: плитка с арабскими сине-желтыми узорами, огромные растения в кадках, метровые марокканские фонари из цветного стекла, массивные дубовые двери с красивой ковкой и особый шик – внутренние а-ля арабские дворики, многие из которых приоткрыты и задерживают взгляд. Там, среди колонн, фонтанов, статуй и пальм в горшках, веками идет своя размеренная потаенная жизнь, там свой уклад и правила, только поколения сменяются, вот и все.

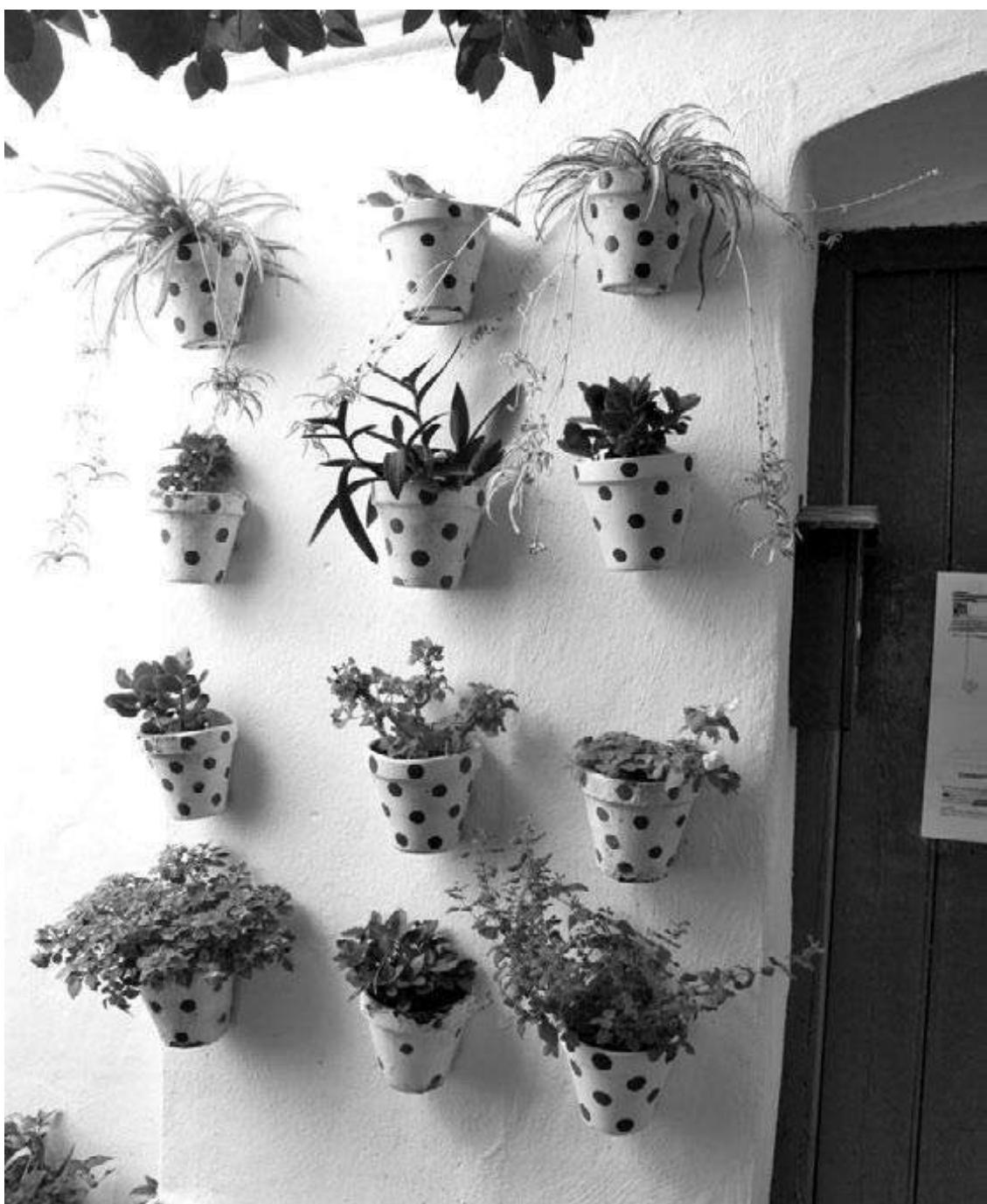
Сувенирные лавочки с магнитиками, ракушками, майками игроков местной футбольной команды и керамикой, а рядом – кафешки с белыми пластиковыми стульями с огромными одинаковыми зонтами с надписью «Кока-Кола».

Вот как-то так, усредненный южный испанский город.

Не дай бог, прочитают меня испанцы, ведь загрызут, и будут совершенно правы!

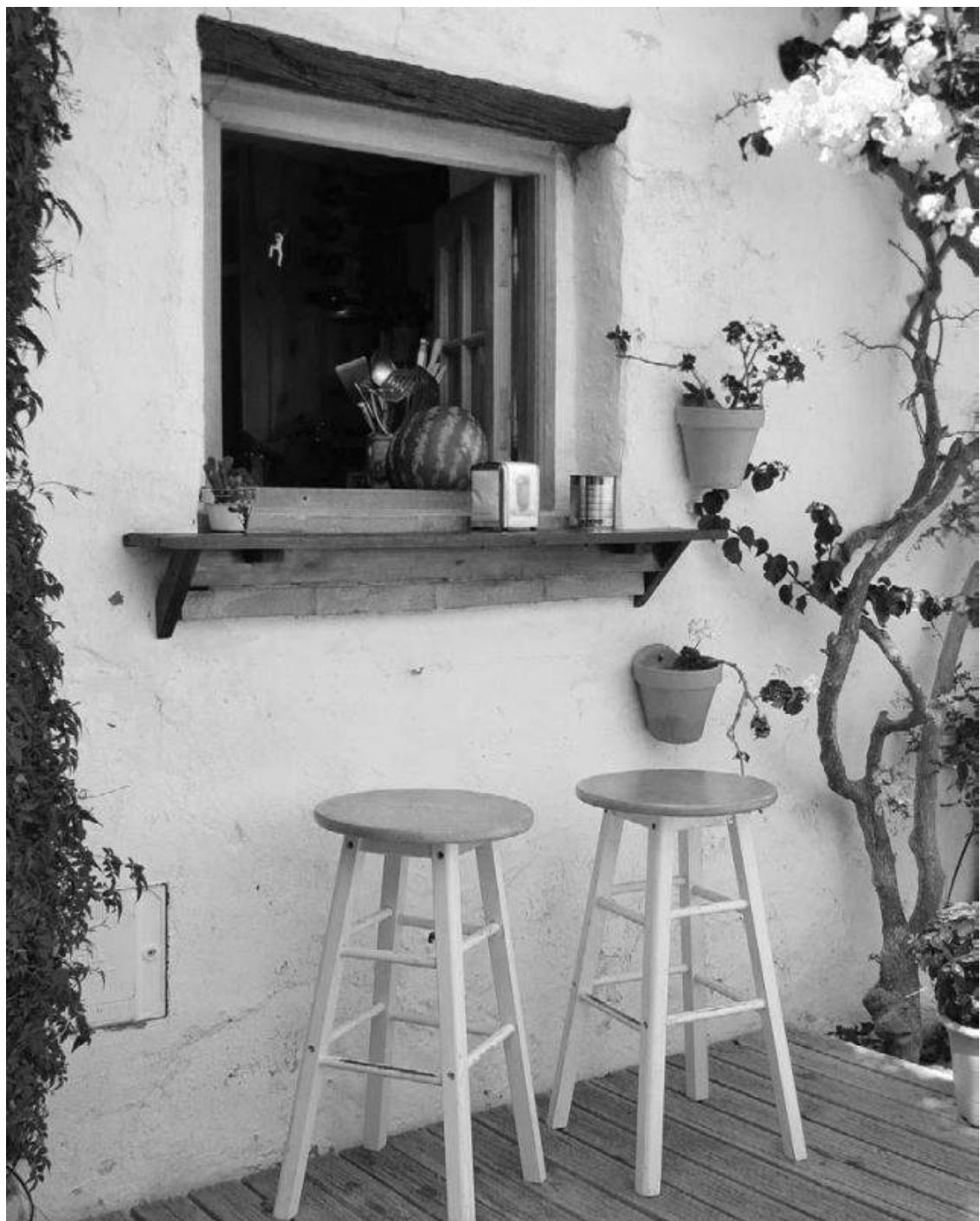

«Белая» Испания

В далеких горных городках. Зарисовки

Кафе на двоих

Флигер

Темперамент

В Испании ничего, конечно же, не существует «усредненного». Все настолько ярко и неповторимо, так остро и красочно, так страстно и по-настоящему, что даже один и тот же привычный город каждый раз видишь по-новому.

Ронда – один из городов, ради которых вообще стоит приехать в Испанию. Он высоко в горах, висит над ущельем, оттуда пошла коррида и ее правила, туда любил приезжать Эрнест Хемингуэй, а Орсон Уэллс вообще завещал там себя похоронить.

Ехать от побережья по горному серпантину не так уж и долго, но очень нервно и витиевато. Сначала ничего, и скорость нормальная держится, и по сторонам смотреть можно, но по мере подъема к облакам вцепляешься в руль мертвой хваткой, просиши всех в машине проверить, хорошо ли они пристегнуты, на красоты уже внимание не обращаешь и тайком считаешь, сколько машин накопилось за тобой, чтобы при возможности съехать в карман и пропустить всех спешащих местных джигитов, которые гоняют по горным дорогам с жуткой скоростью. Потом выезжаешь и снова начинаешь накапливать нервничающий «хвост». Такая вот игра.

Виды очень картиенные – сосновые леса, цветущий душный олеандр, отливающие на солнце сколы каменных глыб и скал, красно-оранжевая земля и горы, горы в большом количестве. Чем выше, тем пустыннее. Вот только что был сосновый лес, и вдруг – раз – и нет, будто невидимая граница, за которую соснам никак нельзя. Только серый камень, и все. И кажется, что жить здесь уже никто не может, зачем? Но вот дорога выпрямляется немного и появляется белый город.

Мне не очень понятно, кто мог первый сюда дойти и решить, что здесь, в принципе, может кто-то постоянно жить. От кого-то прятаться? Отрешиться от мира? Стать духовным наставником, чтобы пришли паломники? Что-то защищать? Может, святыня какая? Не знаю. Защищать в горах особо нечего, вода далеко, добраться сюда и сейчас-то сложно, а в то время было практически невозможно.

Ронда – старейшая, можно сказать, древнейшая, веков двадцать семь точно есть, а может, и больше. Меняла хозяев как перчатки: кельты, греки, римляне, варвары, арабы, испанцы. Сейчас, как я понимаю, испанский период Ронды, но кто ж его знает, вокруг столько завидущего народа!

Город красив своей топографической необычайностью. Он висит на высоте 120 метров над ущельем, и две его части с простыми названиями «Рынок» и «Город» соединены старым мостом, который называется – как? – правильно, «Новый мост». Новым он был в XVIII веке, но с тех пор заметно постарел. До него тоже был мост, но тот рухнул, убив пятьдесят человек и простояв всего шесть лет. Новый же, трехарочный, был построен по последнему слову техники, соединив в себе красоту и функциональность – в его основании, чтобы не пропадала полезная площадь, находились тюрьма и камера пыток. Рабочих при его строительстве погибло немало, да и сам архитектор, бедняга, в конце стройки сорвался с моста в пропасть.

Осмотривать город мы начали с музея вина. Почему, одному богу известно, так сложилось. Как-то ноги туда сами привели, мы и адреса не знали, просто проходили мимо. Музей дурной, малюсенький, абсолютно наивный, из экспонатов – одни толстенные выкорчеванные корни виноградной лозы, старые бурдюки, пыльные бутылки и почему-то четыре старых женских костюма, типа вино и женщины, наверное. Да, и еще много резинового винограда повсюду. Единственное, что мне понравилось, так это стенка с краниками, из которых течет разное местное «беленькое» и «красненькое». Бокал, печенье и краники – и тебя оставляют одного, ну, или в компании. А еще в этом милом винном дворике много бочек с номерами, и ты идешь от номера к номеру, от «сухого» к «сладкому», и уже печеньшек не хватает, и ты невнятно помнишь основополагающие правила питания: «Красное на белое могут только смельчаки» и «Белое на красное – будет все прекрасно!»

И уже становится прекрасно, и резиновый виноград кажется милым и почти настоящим, и музейшко не таким дурным, наивным и бедным! В общем, правильное начало знакомства с городом!

Еще в Ронде есть Музей бандитов с манекенами и большим хорошим сувенирным магазином. Музей охоты – где много всяких чучел и скучающая кассирша.

Вероятно, есть еще разные доморощенные музейчики, но больше мы никуда не пошли. Решили посидеть в кафе, которое любил Хемингуэй. Сиживал он обычно на террасе парадора с шикарным видом на ущелье. Заказывал паэлью или печеного поросенка и розовое наваррское вино. Мы же взяли тапас, куда нам до Хемингуэя!

Этот виноград самый настоящий

Забегаловка

Делаем тапас

О тапас надо писать отдельно. Раньше я бы сказала, что это просто закуски к вину, но сейчас понимаю, что это не так. Тапас – это культура еды, а не только сама еда. Это стиль испанской жизни, стиль общения – бокал хорошей риохи, необязательно дорогой, немного хамона и сыра, кусочек тортильи и куча последних известий от друзей и знакомых – как зажила рана у местного тореадора после неудачного боя, какой козел вратарь местной футбольной команды, которого надо давно гнать в шею, чем вылечил дон Хесус старое апельсиновое дерево и что жена дона Доминго родила наконец мальчика после восьми девочек. Тапас – очень местный колорит!

Маленькие тарелочки с любой нарезкой, мясные биточки в томатном соусе, маринованный перец, крокеты – вид местных котлет из мясного, рыбного, куриного или грибного фарша, оструя чоризо – копченая колбаса, хотя есть еще и кровяная, креветки на шпажке, рыба или кальмары в кляре, осьминог, разные бутербродики – с паштетом, тунцом, семгой, сыром, овощами. Самый смешной тапас – «русский салат». Его готовят везде. Он похож на наш «оливье», но в Испании состоит из вареной картошки, вяленой трески, зеленого горошка, крутого яйца и огромного количества майонеза. Вот вам и новый рецепт «оливье» на Новый год.

Главное в тапас – чтобы маленькими порциями и в большом разнообразии. Чем хочешь, тем и закусывай. Смысл тапас – не опьянеть на жаре. Или хотя бы не сразу опьянеть. А выпить, закусить, поговорить. Так, собственно, и можно ходить из бара в бар, брать бокал вина с тапас и дегустировать. Можно с друзьями, можно с семьей. Одному «тапасировать» по барам неуютно – поговорить не с кем. Есть в испанском даже такое понятие – «ir de tapas» – начать в одном баре с рюмочки хереса Fino под оливки и анчоусы, в другом добавить Oloroso, а потом плавно перейти на яркие красные с пата негро и маринованным перцем. У каждого испанца свой ритуал для тапас.

Решила и я выбрать любимые испанские тапас для себя. Вот:

1. Оливки.
2. Кружок жареного козьего сыра в кляре с карамелью.
3. Маринованная семга, фаршированная рокфором.
4. Котлетки из креветок.

Но главное в тапас – чтобы было с кем поговорить.

Приятного аппетита!

Время ужина

* * *

Теперь про очень испанское – фламенко. Я долго искала место, где можно было бы посмотреть настоящий фламенко. Это же совсем не танец как таковой, это маленькая жизнь. Эта жизнь каждый раз проживается по-разному, и двух похожих фламенко быть не может, как не может быть двух одинаковых жизней. Один и тот же человек не становится фламенко одинаково, даже если выучены все движения. Все зависит от настроения, от зрителей, от погоды, от вина и от страсти.

Фламенко очень заразно. Я вижу, что каждый, кто наблюдает за действом, и я сама, пытается хлопать так же, как эти южные испанцы, – то гулко, плоскими ладонями, то глухо, согнув пальцы и не давая ладоням соприкоснуться, то с шелестом, не только хлопая, но еще и перебирая пальцами и слегка потирая руки, то без пальцев, одними ладонями. И еще как-то, и еще. Топают ногами в такт, ерзают. Заражаются. Но это совсем не больно – вот симптомы – начинает играть и бурлить кровь, появляется улыбка, руки пробуют хлопать в такт, ноги притоптывают, глаза горят.

Я хожу смотреть фламенко в одно и то же место, когда бываю в Испании. Простое, крохотное, без особых удобств, с маленькими круглыми столиками, покрытыми черными в белый горох скатертями, довольно душное и тесное, где просят прийти за полчаса до начала представления и наливают бокал вина без тапас. Танцовщики всегда одни и те же. Фламенко всегда разное.

Они – два гитариста, две танцовщицы, певица и старенький танцор – выходят всегда вместе. Гитаристы – в черном, женщины – в красных платьях в горох, в специальных туфлях на каблуках и с ремешком: фламенко – танец страстный, туфля легко может улететь!

Почему-то танцовщицы совсем некрасивы. Женщины просто похожи на ведьм с хорошей фигурой (хотя одной надо бы килограмма три поднабрать). Высокие, статные, с едкими черными глазами, немного крючковато-орлиными носами и тонкими губами. Ни веера, ни кастаньет, ни платка с длинной бахромой. Они встают друг напротив друга, гитарист начинает о чем-то в голос кричать, и ведьмы заводят свой «разговор». Тебе становится сначала неловко, что ты присутствуешь при явном выяснении отношений, когда без единого слова все понятно. То, что происходит у тебя перед глазами на расстоянии вытянутой руки, а не где-то там на сцене, – совершенно настояще, нечто такое, что прет изнутри, что бурлит в кипящей крови. Не думаю, что этому можно просто научиться. Хотя, может, и можно, если ты андалузская цыганка. В каждом взмахе руки, в каждом повороте головы, в грозном взгляде столько слов!

Смысл буквально такой:

«Ах ты, стерва, шлендра, потаскуха, ты понимаешь, б..., что я тебе так просто его не отдам, и не крути тут своим тощим задом, иди подобру-поздорову! Делить я его ни с кем не собираюсь, и если увижу тебя с ним, зарежу вот этим кухонным ножом, и тебя, и его!»

И ответ в танце:

«Да пошла ты, старая курица! Он тебя давно не любит! Иди и занимайся своими сопливыми детьми, которых он тебе настрогал! Ты уже забыла, что такое настоящая любовь! Страсть! Это не для тебя! И если ты будешь мне мешать, то зарежу и тебя, и его вот этим охотниччьим ножом!!!»

Вот, как-то так. Язык, на котором кричат, то есть поют, не совсем испанский, старый, видимо, с большим количеством цыганских слов, но слова-то и не нужны.

Настоящее фламенко

Танец этих двух красавиц – а они уже настоящие красавицы с горящими глазами, очень естественные и природные – напоминает больше битву двух бойцовых петухов, курицами их никак не назовешь. Грудь к груди, руки машут, как крылья, перья, то есть серьги и заколки, летят в публику, певец орет!

Одна садится, к другой встает старик. Ну, не старик-старик, но лет 70 ему точно! За все эти годы, что я хожу на фламенко в это кафе, он успел уже несколько раз поседеть и покраситься. В этом году еще и брюшко отрастил. Росточка маленького, с кукольным, немного одутловатым лицом, полусонными глазками, сидит все представление, клюет носом и машинально хлопает. А как же, достает всю жизнь топтать ногами и орать во весь голос. Но вот его выход

– и он тоже преображается. Наверное, верит во всю эту историю с бабами, что он еще ого-го и безо всякой виагры способен на подвиги.

Выходит, встает в стойку – спина прямая, живот исчез, глаз ярый, как у быка, и так смотрит на этих двух баб, что понимаешь – ну вот можно из-за него глазенки-то повыщарапать, вот он, бывалый и настоящий мачо! И начинает такое вытворять в паре с одной из ведьм, что мне снова становится неловко – я, и все мы, зрители, да и певец с гитаристом, и официант с хозяйкой бара – явно тут лишние, ведь эта страсть, эти взгляды, рыки и движения не терпят свидетелей.

Турция

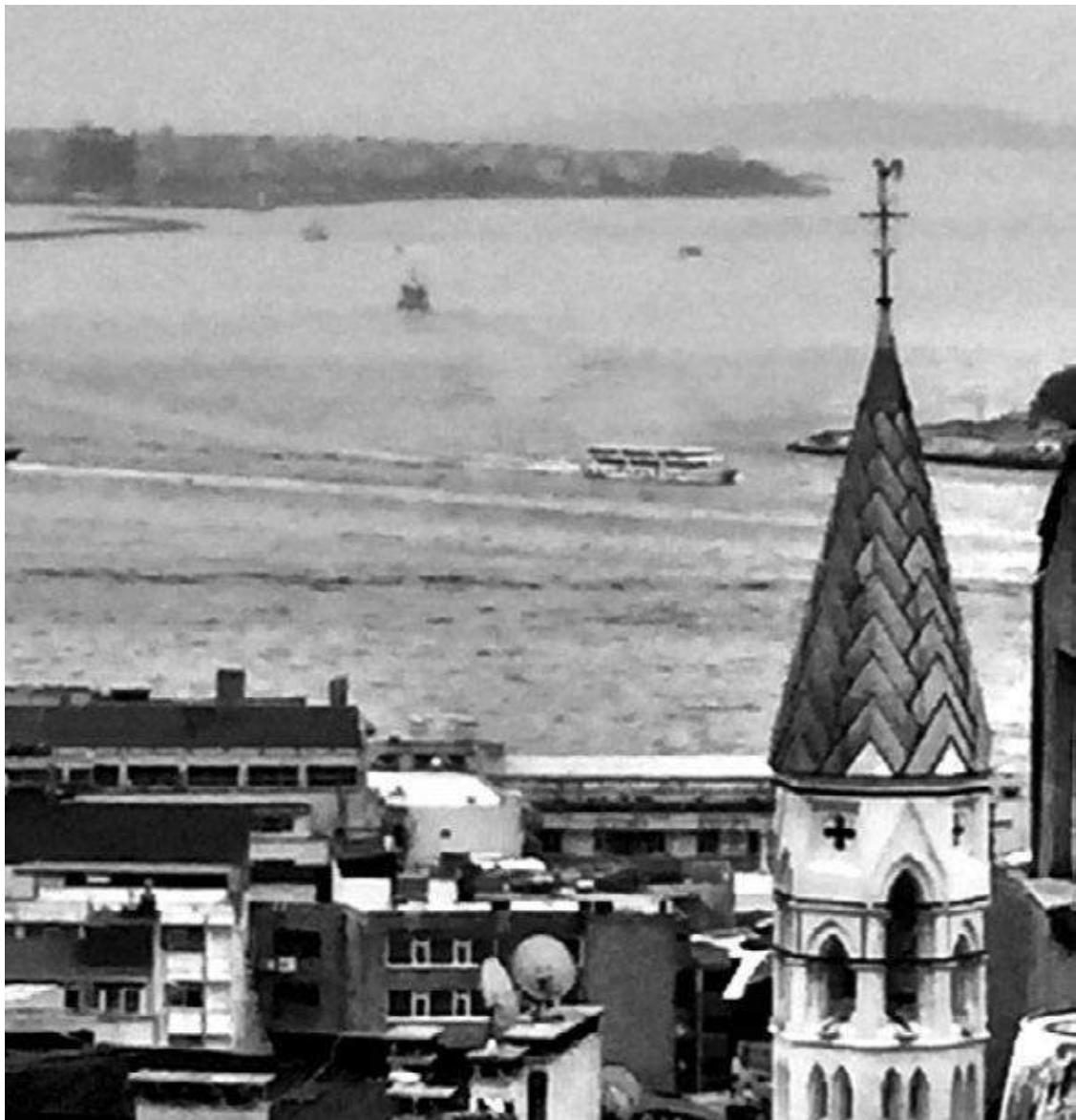
**Стамбул
Май 2015 г**

В Стамбуле на набережной

Первый день в Стамбуле, до этого не была – очень многолюдно, по-европейски. Ходили сегодня из кафе в кафе, прятались от дождя и ели, прямо как из голодного края. Потом распогодилось, все засветлело и затеплело. Народу еще прибавилось. Музыка, песни – то ли майские все еще празднуются, то ли воскресенье или просто такая веселая жизнь, пока не поняла.

Поразило обилие котов – столько не видела ни в одной стране. Умные, ласковые, безхозные, сразу прилипают к тебе, чтоб погладил, откормленные и чистые. Сидят и смотрят синими глазами. Коты повсюду – на деревьях гроздьями, в подворотнях. В окошко гостиницы ко мне один долго примеривался, но прыгнуть все-таки не решился. Одну вылазку всего сделали, но пришлось толкаться, народу тьма. Ночью вылезу еще.

Вид на Босфор

4 мая 2015 г

В общем, про котов в Стамбуле. Все, наверное, о них пишут, без этого никак. Их прорва. Они как часть пейзажа, в каждом закоулке, в кафе, на детской площадке или даже в дорогом магазине. Все коты прилично выглядят, что странно, не особо чешутся, совсем необлезлы, упитанны и милы. Человека воспринимают сдержанно, как данность, как часть города, позволяют себя фотографировать. Я собачница, и меня такое количество кошек поначалу смущило. Оказывается, тут историческая подоплека – собака в свое время укусила пророка Мухаммеда и считается с тех пор грязным животным (одновременно это еще и страшное ругательство), а кот в те же стародавние времена спугнул ядовитую змею, которая хотела пророка ужалить, и стал героем.

В каждом дворе по мисочке с «вискасом», или как там его, в расчете, что какой-нибудь кошачий бродяга захочет перекусить. А если кошка заляжет на ваше излюбленное место у входа в дом, то вам придется постоять, пока она почиваю – никакие «брысь», «пс-сыть» или «пшелвон» не пройдут, животное с места не сдвинется, а соседи осудят, осадочек у них от вашего котоненавистничества останется, и уважать вас перестанут.

Ну а те турки, которые когда-то к кошкам относились прохладновато, после страшного землетрясения 1999 года изменили свое мнение. Тогда погибло более семнадцати тысяч человек. Землетрясение случилось в три часа ночи, а за некоторое время до толчков кошки стали бешено орать и шипеть, перебудив всю стамбульскую округу. Многие люди выбежали из дома и спаслись тогда.

И я кошек тоже вдруг зауважала.

5 мая 2015 г

Вчера мы галопом обскакали весь Стамбул. Ну, не весь, конечно, и не совсем галопом, но мой айфон опупел от радости и все писал мне вечером трогательные любовные эсэмэски, что я побила все рекорды хождения за день. Потом писал еще и еще, будто не веря, что это была именно я, а не подсунула свой телефон какому-то местному марафонцу!

Город, конечно, удивительный, огромный, разный, яркий и по ритму жизни вполне современный. Весь в цвету – каштаны, сирень, глициния, что-то сакуроподобное. Народу тьма. Все основные исторические места обошли, вернусь туда потом одна. Люди, как и город, тоже яркие, свободные, открытые. К нам вроде неплохо относятся, улыбаются.

Уговорили меня вчера съесть шаурму – первый раз в жизни. Толстый турок, как из сказки, усатый, лоснящийся, томный, с криком «Оченькусна! Оченькусна!» протянул мне уже готовый кусок строганины в лаваше и почему-то добавил: «Русс Путин Москва!» Связь я не проследила, но шаурму съела. Оченькусна.

Мальчиков двух мелких встретила у великих гробниц, они были одеты в белое, как волшебные принцы, – в чалме, в блестках, в плащах и с чувством выполненного долга. Мама рядом светилась от счастья. Спросила ее, какой у них праздник? Самый важный в жизни мальчика – им сегодня сделали обрезание, и теперь они превратились в настоящих мужчин. Сегодня им разрешено все, и любое их желание будет выполнено. Желание было поноситься по развалинам, попозировать туристам – мимо этих принцев трудно было пройти, не заметив, – ну и выпросить у мамы жареную кукурузу с лотка. Обрезание в Турции делают с 8 до 14 лет, этим как раз по 8 и было. Счастливые и гордые.

А куролесили мальчишки около Фонтана Палача, где после казни эти самые палачи обмывали свой меч и руки. Была в Османской империи школа палачей – маленькая, но все-таки, школа передавали учителя свое «мастерство», хоть и тяжело это было, палачам ведь выжигали язык, чтоб не болтали, кого на своем веку им пришлось зарубить. Трогательно, что после ухода из «большого спорта» палачи шли служить садовниками в султанский сад, где привычная работа – отсекать все лишнее – продолжалась.

Уличный торговец

Уже почти взрослый

* * *

Рынок Стамбула – как Ватикан в Риме, государство в государстве. Крытый, огромный, многоуличный, там своя гостиница, больница, школа, ясли, полиция. Не удивлюсь, если узнаю, что там есть рыночный роддом и кладбище. Эдакая микросхема жизни. Он похож на наше метро со своими мраморными станциями, отстойниками, депо, праздничными проходами, крысами и голубями. Основная улица – Золотая, и такое ощущение, что все мировые прииски работают на нее. Там продаются все, чтобы задобрить женщину, попросить прощения или позвать к венцу. Хотя, на мой вкус, количество золота на даме вряд ли может сделать ее более счастливой и привлекательной, разве что для альфонсов. От Золотой улицы ответвляются Кожаные, Часовые, Шалевые, Обувные, Меховые, Коверные (или Ковровые, как бомбардировка), Халатные, Посудные, всякие.

Мужчины галантны, зазывают в лавку, как замуж.

– Пойдем, пойдем, я тебе что-то покажу… – страстно шепчут они сквозь усы. Я уж боюсь спросить, что.

– Посмотри на себя, ты супермодель! Вот зеркало!

А еще один поразил меня в самое сердце:

– Хотите, я поменяю вашу жизнь?

Я захотела. И купила себе кожаную, кобальтовую, как Босфор, куртку.

Стамбульский рынок

* * *

А потом мы поехали в султанов гарем. Там сегодня учет. Ну-ну...

* * *

Уличная торговля в Стамбуле – шумная и разнообразная. Нынче в моде дурацкие бумажно-цветочные веночки на голову и палка-протез для дальнего селфи, – гаже штуки не придумаешь. Еще местные бублики, кукуруза на гриле и «мокрые» паровые гамбургеры. К вечеру подтягиваются лоточники с мидиями, крупными, уже вареными, с лимонами. То, что к ночи не продадут, жадно съедают сами, подглядев. Еще каштаны печенные на каждом шагу.

Усмотрела в глубине переулка повозку с арбузами, уже порционно нарезанными, захотелось. Повозка как оптический обман – я шла, а она, казалось, все отдалась. Дошла наконец. Купила. Одновременно с арбузами попала в игривый район. Кальяны, полутемные потайные кафешки, диваны с подушками у дверей, а чуть поодаль в открытых окнах красотки с распущенными волосами, густо намазанными лицами, недюжиннымексуальным опытом и грустными глазами. Под одним окном, как восторженные щенки, подростки лет 14–16, которые хотят, знают, слышали, но пока еще не могут – денег нет. Видели бы вы их глазенки – новорожденные мужчины, да и только! Сглатывающие слону, преданно глядящие на богиню, похочатывающие, толкающие друг друга в бок и озирающиеся – не видит ли их кто-нибудь из родителей. Такая сценка! А красотка вальяжно сбрасывает с плеча бретельку, другую, наклоняется к щенятам – а их под окном пять-шесть, целый помет! – и грудь тяжело свешивается через решетку… Немая сцена. Как говорится, Тинто Брасс нервно курит в стороне.

6 мая 2015 г

В Стамбуле ужасно наглые попрошайки, как мне сказали, это ливийские беженцы. Дети от 3 до 10 лет. Одни, постарше, – якобы продавцы идиотских веночек. Подбегут сзади, воровато и ловко нацепят вам на голову «изделие» и отбегут на два шага, вроде как уже ваше, давайте деньги. Кто-то из потерпевших начинает за ними гоняться, чтоб вернуть товар, кто-то умильно дает лиры, кто-то кидает венок под ноги. У совсем мелких детей другой бизнес – они молча устанавливают с вами визуальный контакт, поднимают бровки домиком, обхватывают тебя за ногу, как макака пальму, и застывают. Идти неудобно, сбросить неловко, тупик. Человек начинает трясти ногой, как кот, наступивший в лужу, но увы, ребенок вцепился намертво. Многие откупаются. На меня тоже было совершено покушение детского злодея. Получив копечку от какого-то прохожего и отлипнув от него, девочка лет трех выбрала меня и пошла на таран с таким лицом, как будто я ходячий киндер-сюрприз. Я, как злая воспиталка (правда, разозлилась, одно дело просить, другое – трогать), показала ей сначала один палец, потом два, три, четыре и пять, четко произнося, как звучит счет до пяти по-русски. Ребенок вдруг перепугался и убежал. То ли училка из меня так себе, то ли русский для нее неродной, то ли неадекватная я какая-то, то ли ноги мои ей не понравились, не знаю.

Лестница в небо

* * *

Гарем – это явно не мое. Так туда рвалась, и на тебе! Не хочу шестнадцатый век, интриг и скандалов, черных злых евнухов и султана этого похотливого. Ходила по полутемным переходам, комнатам, закуткам и представляла, сколько же народа там полегло... В каждом углу,

у каждого окна, в каждой, без исключения, комнате. Резали, травили, но самое привычное – душили шелковым шнурком или, что совсем уж дико, бросали в мешке вместе с голодными кошками в Босфор. Зачем кошки, если с ними летишь в мешке в Босфор? Когда они тебя успеют попробовать? И что ж надо было сделать-то, чтоб тебя вот так?

Гарем абсолютно пуст, за исключением султанских покоя и покоя его матери. Там богатая роспись, хрустальные люстры, золоченые бархатные диваны, витражные окна. Остальные комнаты гулки и неуютны, безжизненны и мрачны. Единственное, что приятно глазу, – удивительной красоты и разнообразия зелено-синие изразцы повсюду.

В гареме, оказывается, не было ни одной турчанки, в основном породистые красавицы-славянки. Та же Роксолана – урожденная Анастасия (или Александра) Гавриловна Лисовская. Не только русские, конечно, из тысячи наложниц всяких девушек можно было встретить – украинок, хорваток, грузинок, даже одна француженка нашлась – кузина Жозефины Бонапарт.

В образе

Как в гарем попадали? Или «товар» покупали на невольничьем рынке, или девочек лет пяти-семи продавали родители. И это считалось большим успехом – они получали самое лучшее по тем меркам образование, языки, науки, умение вести беседу, танцы-песни, в общем, готовились, как гейши в Японии. Одним из основных предметов была теория половых отношений и флирта, без практических занятий. Ну а с 14 лет – вперед, на трудовую вахту! У каждой наложницы на чалме было вышито имя – а то поди их всех запомни. И имена им придумывали описательные: «Девушка с красивыми глазами» (а все остальные отстой, что ли?), «Милая улыбка» (маловато для того, чтобы стать женой султана), «Луноликая» (это, видимо, круглица? Или бледнолицая? В общем, невнятная какая-то), «Похожая на нарцисс» (я б на такое обиделась, честное слово) и всякие другие.

Самое интересное, что султан не мог – прямо раз – и заарканить кого-то без предупреждения. Чтобы переспать с наложницей, необходимо было предупредить главного евнуха, который вел для этого дела гроссбух – кто был, сколько раз и так далее, а как иначе, дело государственной важности, хоть и половое. «Девушку, похожую на...» – дальше придумывайте сами – парили, мыли, натирали, одевали и ставили около покоев «самого», чтобы ждала. Когда «сам» укладывался спать, к нему впускали красотку, которая ползла к нему на коленях и целовала ковер (для тренировки, что ли?). Ну, а после ковра можно было уже, видимо, поцеловать и султана. Все проходило вполне целомудренно – султан во время акта должен был быть прикрыт парчой (кто за этим следил? Зачем? Как? Возникает много вопросов). Ну, и если все проходило без форс-мажора, назавтра наложнице посыпали подарки: шальку или перстенек.

В общем, не очень мне там, правда. Бедный Данька, мой младший, тоже остался не в восторге. «Целое утроостояли в очереди, чтобы посмотреть на турецкие кафельные полы...»

Ну да, как-то так. Но зато какие полы!

В садах гарема

Балдахин в сultanовых покоях

7 мая 2015 г

Над Стамбулом

Были сегодня в старом бедном районе Стамбула, греческом, как нам сказали. Петухи кричат и важно шагают по улицам, кошки облезлые – под стать месту, дети сирийские беспризорные везде, очень не по-туристически все. Зашли в кафешку – пара стульчиков на улице, все занято турками, сели внутри.

– От тут садитесь, от тут удобно! – захлопотала тетка в шароварах. – Вы откуда у меня будете?

– Из Москвы.

– А мы с Харькова.

Мы сели за маленький столик рядом с шаткой лесенкой, ведущей в подвал.

– Блинчики будете? С вареньем! – раздалось из подпола.

– А то!

Снизу поднялась еще одна девчина средних лет с нарисованными бровями.

– Дайте я на вас хоть посмотрю! Накормлю щас! Блинчики с вареньем! Ну, я пошла. – И вновь исчезла под землей.

Через несколько минут снова раздался голос:

– Ё… – сказала она по-родному, – электричество отрубили, блинчики холодные, ничего?

Я тут на ощупь не смогу…

Блинчики мы съели, девять порций, по три блина каждая. Харьковские. С вареньем.

И чая с травами выпили. И посидели, как дома, перекриваясь с жительницами подпола:

– Анют (мы уже узнали, как их зовут), еще порцию можно?

– Конечно, дорогие, чаю добавить?

Уходить не хотелось, а бабам не хотелось нас отпускать. Мы сидели и тихо жирели на домашних блинах…

Азербайджан

Баку 3 февраля 2015 г

Баку у меня тоже долго стоял на листе ожидания. «...Временно недоступен или находится вне зоны действия» – это было про Баку. А потом раз, абонент включился, и я поехала, полетела даже. И не просто так, а на юбилей отцовского друга – Полада Бюль-Бюль-оглы. Про безумное обжорство я вам даже рассказывать не буду, столько есть просто неприлично. Полад принимал гостей, как в восточных сказках, окружив вниманием каждого, не забыв никого. Нас все время кормили, у меня даже закралась мысль, что ой, скоро Рождество, зачем же нас так откармливать, тем более мы же в сказке... Но пронесло, откормили без развития сюжета, слава богу. Полад – удивительный человек, тонкий, душевный, многогранный, безмерно талантливый и вместе с тем не страдающий звездной болезнью. Им гордятся на родине и очень любят в России. Таких мало, почти нет.

Первая моя поездка в Баку и была связана с ним. Вот мои впечатления.

На работу

Старый Баку

Тень

Первый день в Баку.

Вероятно, один из самых красивых городов, которые я видела. Постройка классическая, каждый дом – индивидуальность, ширпотребных «хрущевок» и близко нет. Вечером освещение как днем – подсвечивается каждое здание, и улицы таким образом очень ярко освещены. Девушки ходят стайками, парни табунами, смешанных компаний пока не видела. Вечером нас одних просили неходить в город. Мы, естественно, пошли. Моментально приклеился подвыпивший вежливый человек – «Зовите меня "сын Фархада", запомнили? Это будет ваш пропуск во всем Баку». И стал нам рассказывать, как акын: «У меня два магазина было, я продал. А тут у отца любовница жила… смешно. Я, вообще-то, архитектор. Хотя ничего не строил. Если скажете, что вы со мной, вас никто не тронет…» Так и шел все время рядом: «Бу-бу-бу», иногда смешно заслоняя нас от машин.

Баку – очень яркий город. Даже зимой. Снегом тут и не пахнет, сегодня плюс 15, и все ярко не по-зимнему. Ходили только по старому городу, как заколдованные, за каменные ворота так и не вышли. Брусчатка, редкие прохожие, много кошек, вывешенные ковры около сувенирных лавочек. Там один для всех лавок набор: папаха для мальчиков, расшитая шапочка с блестками для девочек, чайнички, коврики, наряды и всякое по мелочи. И продавец с подмигиванием, мол, с ним всегда можно о цене договориться. Женщин-продавщиц и близко не видела. Зашли в маленькое кафе с тандыром у входа. Одно из тех кафе, куда ходят в основном местные. За соседним столом – девочки лет пятнадцати, рассуждают о политике, ругают Америку и «Гелендваген». Подслушивать нехорошо, конечно.

5 февраля 2015 г

Проснулась в семь утра под громогласную азербайджанскую ругань. В мегафон. Заснула. Вскоре снова, но несколько другими словами. И так же громко. Услышались русские слова «пшелты», вот так, в одно слово. Или мне показалось... Выглянула на улицу – толстый полицейский общался с водителями в мегафон. Видимо, ему нравился громкий звук собственного голоса, или он хотел пообщаться таким образом с народными массами. Водители выходили из машины, подходили к нему, и он отчитывал их на всю улицу. Потом ему позвонили, он свернулся и поехал, видимо, работать будильником на другую улицу. Доброе утро, друзья! И пшелты!

* * *

С самого раннего утра в Баку начинается застолье. Первый завтрак переходит во второй, второй завтрак – в обед, обед – в полдник, полдник – в чай, чай – в ужин, ужин – в завтрашний завтрак... Так каждый день. Еда, вернее, качество продуктов, сильно отличается от московской, пластмассовой. Вспомнила настоящий вкус помидоров, огурцов... А какие гранаты! Сейчас самый сезон.

Рынок – обязательное место, куда хожу в каждом городе. Бакинский – совсем маленький, но богатый. Мало мяса-рыбы, много фруктов, овощей и сухофруктов. Очень яркие продавцы, каждый – со своими прибаутками. Пока дойдешь до конца ряда, напробуешься так, что обедать уже не надо. Все цветасто, сочно, пахуче, по-южному.

В Баку надо будет обязательно вернуться. И попросить гастрономического убежища.

Окно в Баку

Крыши Баку

Вечер

Вид из старого города на новый

США

LA

Лос-Анджелес, думаю, феномен. На вид – никакой. Видевшие его называют «большой деревней». Посреди огромного количества одноэтажных домишек высятся в центре с десяток небоскребов, и все. Нет, правда, есть еще Родео-драйв с шанелями и прочими диорами, а рядом гостиница «Уилшир», где снимался фильм «Красотка», в котором Джулия Робертс косила под проститутку, а Ричард Гир – под миллионера. В общем, внешне город за душу не берет. Но есть какое-то внутреннее его ощущение, обаяние, спокойствие, уверенность, размеренность. И смешное белобуквенное название на горе: «ГОЛЛИВУД». А Голливуд – просто район. Там живут люди, ездят машины, орут дети. Все, как везде. Пока я не увидела эту табличку, Голливуд представлялся мне другим – возвышенным, всемирно известным, самым киношным, часто черно-белым, чаплинско-дитриховским. А на месте все намного проще. Голливудская аллея, трогательная, с отисками ладошек знаменитостей. Очень смешно и мило, почему именно ладошки? Может, первый раз кто-то из известных споткнулся и упал в еще незастывший цемент, откуда все и повелось?

Большой Лос-Анджелес тянется на километры по тихоокеанскому побережью, переползая из одного городка в другой, собирая их вместе и объединяя. Санта-Моника, Санта-Барбара, все очень знакомое по фильмам и сериалам, такое ощущение, что приехал в гости к давним знакомым. После выхода фильма «Семнадцать мгновений весны», когда все сидели у телевизоров и волновались за радиостку Кэт, только сериал «Санта-Барбара» так же опустошал Москву. А на самом деле Санта-Барбара – простой прибрежный городок, дачное место вроде Переделкино или Николиной Горы. Народ расслабленный и ленивый, но сосредоточенно бегающий по всему тихоокеанскому побережью, вернее, разбегающийся в разные стороны. Любят себя, правильно.

Поездили мы по побережью, полюбовались на жизнь и природу, но мечтой моей, самой что ни на есть американской, был Лас-Вегас. Столько я о нем слышала, такого представляла, что очень захотела сама посмотреть.

Мы с чужой тенью

Даунтаун в LA

Обычная улица в LA – на много километров

Дорога в Лас-Вегас

Ехали долго, часов 5–6, водитель постоянно клевал носом, мы его развлекали, чтобы он окончательно не заснул. Несколько раз останавливались в придорожных кафе, прямо как в американских вестернах: скрип колес съезжающей на обочину машины, облако пыли, которое, обволакивая, долго так и стоит в воздухе из-за безветрия, и ты открываешь дверцу, делаешь пару шагов в жаркий липкий тягучий воздух и толкаешь давно несмазанную дверь в бар. Там темно, глаза должны привыкнуть, сначала только запах, свой букет – тоже чуть пыльный, даже земляной, немного горелого мяса и масла с нотками крепкого мужского пота и чуть слышный аромат дешевых унисексуальных духов. И ты уже, проморгавшись, различаешь ленивый вентилятор под потолком, который этот запах перемешивает, соединяя все нюансы, и получается вполне терпимо, натурально, как говорится, аутентично. Длинная стойка, уходящая к туалетам, штук пять столиков с одним спяще-сидящим посетителем и «деваха» лет пятидесяти за баром. Ее неспешное «Hi» сквозь жвачку и ожидание каких-то ответных слов. И кажется, сейчас ворвутся с шумом молодцы в джинсах, опрокинут столы-стулья, побьют ради амбоянса посуду, начнется вялая перестрелка… Но ничего такого не было, только пыль да кактусы вокруг. Еще в пустыне по дороге остановились, тоже ничего киношного, пластиковые бутылки в кактусовых кустах, пакеты, газеты, занесенные ветром. И вот, из ниоткуда, вдруг посреди пустыни вырастают небоскребы, Лас-Вегас, самый самоубийственный город в мире. Оно и понятно, почему – казино на каждом шагу, все на «красное» или все на «зоро», проигрыш, разорение, пуля в лоб, человек слаб.

Но должна признать, что Лас-Вегас – это очень талантливо. Талантливо во всех отношениях – психологическом, развлекательном, творческом, деньгодобывающем. В Лас-Вегас абсолютно не все едут играть, а просто подивиться, пройтись по Стрипу, главной вегасов-

ской улице, походить по первоклассным шоу, проехаться на арендованном мустанге, поглязеть на удивительные декорации в каждой гостинице. Отели огромные, как целые страны, – «Белладжио» с поющим и танцующим фонтаном у входа, куда приходят вечером туристы со всего города (сомнительное удовольствие для живущих в самом отеле, конечно), «Дворец Цезаря» с удивительными римскими интерьерами и огромным торговым центром, поистине королевским, «Венецианский» отель с Гранд-каналом на первом этаже, гондолами и хорошо поющими гондолерами, отель «Париж» в виде вдвое уменьшенной Эйфелевой башни, высоченный «Винн», где мы жили на шестидесятом этаже. Я впервые залезла так высоко, чтобы поспать! Номер был огромный, хотя стоил совсем недорого, с какой-то своей системой повышения класса проживания, там это тоже целое шоу – привели в один номер, простой, удобный, на 20-м этаже, именно то, что мы заказывали. Еще не успели внести чемоданы, портье говорит, вы заказали номер до 12 часов дня, поэтому у вас бонус, вам предоставляется съют, пройдемте. И ведет нас на 47 этаж – окна во всю стену, дух захватывает, солнце садится, номер просторный, две комнаты, модный дизайн. Ставим чемоданы на пол, портье получает чаевые и откладывается, вдруг ему по радио что-то говорят. «О! – расплывается он в улыбке. – Такого прям не бывает, вы сегодня тысячный гость, вам предоставлен президентский люкс на шестидесятом этаже! Пройдемте». Мы на самом деле уже приустили от осмотра гостиничных номеров и достопримечательностей и сказали, что спокойно можем остановиться здесь. Ну что, говорит портье, вам же ничего не придется доплачивать, и неужели вам неинтересно, спрашивает, где в нашем отеле останавливаются президенты? Интересно, говорю, ладно пойдемте. Снова подхватываются чемоданы, снова садимся в лифт – и на шестидесятый. Что можно сказать – президентам везет! Вместо стен стекло, вид потрясающий, специально для нас, видимо, заказали оранжевый закат. Я все пыталась с такой высоты разглядеть Москву или хотя бы Лос-Анджелес, не получилось. Комнаты огромные, ванная, как моя московская квартира, с эхом, отзывающимся из золоченого унитаза. Кровать размеров и вовсе неприличных, видимо, для оргий плохо воспитанных президентов, никак не иначе. В каждой комнате внушительный бар, чтобы никогда уже не вспомнить, что было в Лас-Вегасе, или чтобы специально об этом забыть. Ну и совсем маленькая комната-шкатулка для массажа, обитая чем-то мягким, со специальным столом. Зачем из этой комнаты надо было делать дизайнерскую палату для буйных, я не поняла, но звукоизоляция в ней была, как в дикторских кабинках на Гостелерадио. Что там обычно происходило, зачем надо было так гасить звук, вернее, крик во время «массажа», можно было только догадываться… В общем, остались, решили побывать президентами.

Вообще, вся жизнь в Лас-Вегасе происходит под кондиционером и совершенно не обязательно выходить наружу, на раскаленный пустынный воздух. Почти все здания связаны между собой какими-то подземными муравьиными переходами, туннелями, в крайнем случае нужно пройти несколько метров по улице, как по чужой раскаленной планете, и ты снова в другом «городе»-отеле. Все «минусовые» этажи, самые манящие, денежные, яркие и звенящие, заняты под казино с вышколенным персоналом киношной внешности и сотнями игровых автоматов, зовущих положить доллар и дернуть за ручку. Что и говорить, трудно пройти мимо.

«Пьющие и танцующие» фонтаны Лас-Вегаса

Лobby в гостинице «Венеция»

Гостиница «Париж», догадались?

Крыша гостиницы «Дворец Цезаря»

С мамой, 2003 г.

Но самое захватывающее – это шоу Лас-Вегаса! Уровень высочайший – и технический, и артистический. Ходили на «О», на «Ка» и на «Reve», были на «Love», посвященном Битлам, смотрели старика Копперфильда. В основном, все эти шоу – цирк высочайшей пробы, продуманный и отрепетированный до мелочей, с удивительными номерами, когда не понимаешь, перед тобой живой человек или компьютерная графика. Чудесные вставки из якобы клоунских номеров, «якобы» потому, что не клоун этот человек, нет, философ, с грустинкой, с улыбкой, понимающий и принимающий людские грехи так по-доброму и без слов, что хочется погово-

рить с ним, чтобы приободрил, дал совет. Тянет за собой маленький самодельный фанерный кораблик на веревочке весь спектакль, туда-сюда ходит с ним, белье висит, сушится, жизнь идет неспешная, улыбается он нам и рассказывает без слов про жизнь. И не хочется, чтоб уходил, редкий дар так завораживать без слов. Оказался русским. Я и не сомневалась, только русская душа может так открыться за совсем быстрое время. Посмотрела программку – процентов восемьдесят в шоу – славяне: русские, украинцы, белорусы, все талантливые до невозможности, бывшие спортсмены и акробаты. А какая сценография! Такое ощущение, что отобрали лучших художников мира и привезли в эту обустроенную пустыню, чтоб творили, чтоб вытворяли, поражали и удивляли. Цирк дю Солей, Цирк Солнца, на все сто оправдывает свое название!

Лас-Вегас не спит, ночью все вываливаются на улицу, есть возможность подышать, посмотреть на звезды, подивиться на фриков. Тут толпы двойников – Элвисы, Майклы Джексоны, Мерилин, Памелы Андерсон, кого только нет. Так и проводят они всю свою жизнь, копируя кого-то, подстраиваясь, подлаживаясь, выкраивая «правильный» нос и надувая «нужные» груди. Ночные недолговечные человечки мотыльки. Девочки приезжают, дорвавшиеся до свободы – первый раз без маминого ока, смелые и одновременно пугливые, потягивающие спиртное из огромных коктейльных стаканов, закрепленных на груди, наподобие «кенгуру», модно тогда такое было. Ходят стайками, как после школьного выпускного, ищут глазами приключений и их же и боятся. Но надо же, надо, взрослые уже! Спиртное действует, девочки смелеют, пьянеют и выбирают таких же нетрезвых, как и они, спутников. Ночная лас-вегасовская жизнь насыщенней и ярче дневной. Она как экзамен, но много страшнее.

В общем, Лас-Вегас – the must, как говорится, посмотреть надо обязательно хоть раз в жизни. Побывать в этом театре посреди пустынной жары и поудивляться всесторонним человеческим возможностям.

Нехотя вернулись в Лос-Анджелес из этого мультфильма под названием Лас-Вегас. Долго ходила под впечатлением. Удивительное место.

А в Лос-Анджелесе все чинно-мирно, привычные красотки на улицах, такое ощущение, что это главный город в мире по производству красивых женщин. Другое дело, что они себя постоянно перекраивают и становятся, как члены одной семьи, – длинноногие, узкокостные, вневозрастные, златокудрые, силиконогрудые, круглоглазые и дурные. Но главное же, экстерьер! Как на собачьей выставке. Рай для мужчин.

* * *

Повторюсь, везде, где бываю, в европах ли, в американах, неважно, хожу на бараходки и местные колоритные рыночки. Встаю еще затемно и еду в выходные, скажем, в лондонский Портобелло или Кэмден, брожу там по лабиринтам среди крикливых продавцов – перекликаются они друг с другом, пересыпая смех шутками и поговорками, но с покупателями держатся строго. Оттуда привозила кружева, фарфор и мелкие посеребренные или серебряные предметики, совершенно ненужные в хозяйстве, но радующие глаз. Когда бываю в Париже, бегу в Порт де Клинианкур, местный блошиный рынок, ангароподобный, двухэтажный, очень обжитой. Переползаю там из магазинчика в магазинчик, роюсь в старых модных журналах, винтажных украшениях, рассматриваю потертые шанелевские сумки и чуть стоптанные, но не перестающие быть шикарными туфли от Диор. В Берлине вечно теряюсь в адресах антикварных рыночков, удивляюсь сохранности и разнообразию вещей, еле успевая за два выходных объездить все развалы. Зато в Праге было ужасно и неожиданно – в грязи, на земле, почти в лужах, лежали ценные книги вперемешку с китайщиной, которая затмевала все вокруг и страшно давила на психику. В Пекине на самом большом в Азии антикварном развале тоже

было много, конечно же, китайского. Но все, сделанное руками, – шикарные вышивки, огромные, растянутые на всю стену, красочные, сюжетные и очень искусные. А рядом, в микрозагончике на полатях, сидели три девчушки неопределенного возраста – от 5 до 15 лет и, пыхтя, молча и напряженно вышивали, держа иголку маленькими юркими пальчиками. Вышивали, как рисовали – стежки, то широкие, то почти незаметные, оставались на черном шелковом полотне и превращались во что-то волшебное, усатое и сказочное. Видимо, это был дракон. Если стоял лоток с поделками из камней, то тут же сидел мастер и важно постукивал по камню молоточком, а если с деревянными фигурками – то дядька с ножичком в куче опилок. Но я уже об этом писала.

И вот теперь решила поехать на блошиный рынок в Лос-Анджелесе, он там раз в месяц, большой, многолюдный, важный, как партийный съезд. Его там все ждут, к нему загодя готовятся, это настоящее событие. Он расположен за городом, на огромном поле. Народу тьма, многие странно одеты: кто – в индейском костюме, кто с веночком на голове, кто – в коже с ног до горла, несмотря на жаркую погоду. Ярмарка, скорее, продавцов, а не того, что продают. Шум, гвалт, виски рекой. Товар довольно странный и редко встречающийся в Европе: царские золотые троны, египетские тиары, вурдалаки и ведьмы в полный рост с горящими глазами, разобранные на детали младенцы и целые вешалки театрально-киношных костюмов. Оно и понятно, это же Голливуд, и все, что с ним связано. Изжившие себя исторические платья и костюмы, убранство египетских дворцов, прекрасно сделанное, почти настоящее. Ходишь по рынку, как по музею, смотришь, удивляешься, переходишь из фильма в фильм – тут ужастик, судя по обилию голов, существующих отдельно от тела, тут сказка – волшебные палочки всех мастей, почти как в «Гарри Поттере», тут бывший боевик – сплошные резиновые автоматы, винтовки и ботинки на платформе. Но и стоящие вещички есть, старенькие, хорошо сохранившиеся, не любящие менять хозяев. Купила там одну советскую тарелку, хозяйке и сюжет понятен не был: два красноармейца в форме – он и она – качаются на качелях. Попросила меня объяснить, почему они на качелях, но в форме. «У них любовь», – сказала я. «Они вместе работают? И у них роман? Странно, это бы у нас не поощрилось». Вот такое отношение к советскому фарфору двадцатых годов. Купила я их все равно, несмотря на такое.

Самые знаменитые белые буквы

Силуэт

Окно в Лос-Анджелес

* * *

Была в музее современного искусства в Лос-Анджелесе. Не люблю я эти музеи, поэтому обязательно хожу. Хожу, чтоб разобраться, почему не люблю. Я не говорю, что мне там не нравится абсолютно все, что-то иногда нахожу на свой вкус более или менее приличное. Я не всегда понимаю критерии, по которым экспонаты отбираются, чтобы быть выставленными в музее. Скажем, из-за громкого имени – да, согласна. Энди Уорхолл, например. Большая выставка его «Теней». Очень декоративно, однообразно и занимает много места, как длиннющий мрачный забор, 102 большие панели. Все ходят, смотрят и не понимают. Я вот просто чувствую, что не понимают и ищут уорхолловский томатный суп. Его нет. Энди Уорхолл – круто, а «тени» эти

его подзаборные, ну, не знаю. Не понравилось, короче. Я ж не стану говорить, что нравится из-за того, что Уорхолл. Этот цветной забор занимает почти всю экспозицию музея, что обидно. И еще два-три зала с негромкими фамилиями. Набор обычный: что-то сколоченное из досок и фанеры, огромные бургеры и невеста неопределенного пола из папье-маше, странные милые фото из 60-х, и снова, почему именно эти, а не другие? Вылезающий из стены темнокожий, художественно разбитое стекло, отбитые головы, ну и всякое в таком же духе. В общем, не мое это, совсем не мое, то ли дело – Окружной Музей Искусств Лос-Анджелеса, LACMA. Название противное, какое-то судебное, видимо, ассоциации по фильмам – окружной может быть только суд, а музей хороший. Есть чему порадоваться, многое вообще никогда не видела, да и обстановка приятная, дети, люди, все улыбаются. При входе инсталляция: вроде как – квадрат, откуда-то сверху спускаются тысячи желтых мини-шлангов, знаете, такие еще в дверной проем устанавливают на юге, от мух помогает. А тут таких тысячи. И каждый человек норовит в это антимушиное пространство зайти. Думаете, я не зашла? Зашла! Как магнитом туда тянуло, в это... не знаю что.

А в музее все по-моему: Энгр прямо при входе под охраной, Модильяни, Пикассо, много прикладного искусства, довольно обширное европейское, всех времен и народов, из русских, например, Родченко, Гончарова, Шагал, Ларионов, Попова, Эл Лисицкий, Александра Экстер. Устроено все удобно, получила удовольствие.

Хотя и в этом музее есть моя не самая любимая музейная часть – современная вроде как. Я до нее еще не доросла, и мне не все понятно. Единственно, понятно, что хороший пиар и красивая легенда для современного арт-объекта – самое важное. Без этого никуда. Еще важна недосказанность – каждый додумывает сам. Вот и получается: раньше шедевры говорили сами за себя, и видно было без объяснений, что это шедевр, теперь говорят за них, объясняют, рассказывают и помогают этим работам или нам с вами дотянуться хоть до какого-то приличного уровня. Мельчаем, к сожалению. Хотя кому-то такое нравится. Но я бы у себя дома, скажем, никогда не повесила картину, завернутую в дерюгу. Понимаю, интрига. Наверное, должно казаться, что под дерюгой что-то стоящее. Но там пусто. Так что шедевр – это сама дерюга. Гигантская расческа, забытая в углу. Огромные бильярдные шары – инсталляция. Зеленая какашка под названием «Зизи» – это тоже инсталляция? Или уже перформанс? И вообще, когда какашки имеют имена, это, наверное, уже само по себе шедевр!

Ценитель современного искусства

Знаменитые фонари около музея LACMA

И снова дорога куда-то...

Куба

Я и Куба, вернее, Куба и я

Пролетели 9900 километров из новогодней Москвы в самое лето, к пальмам вместо березок, в вечные плюс 25–30, к самым доброжелательным людям, которых я когда-либо встречала, в самый плохо развитый социализм, который я где-либо видела. Меня, собственно, это все, вместе взятое, и влекло так сильно.

Очень-очень мало стран оставалось на свете, куда так сильно тянуло. Скорее всего, даже не в страну, а в то конкретное время, в мое социалистическое детство, когда родители уже куролесили, молодые, талантливые, красивые. Когда отец собирал стадионы и читал стихи, а все 14 тысяч зрителей Лужников шептали за ним наизусть его строчки и подсказывали с места, если отец запинался. Когда машин было мало, а воздуха много, когда спокойно пилась вода из-под крана и была восхитительно вкусной, когда продукты хоть и не всегда водились в магазинах, но были на удивление качественны и натуральны, и хлеб пах хлебом, а помидор – помидором. Когда многое важное и определяющее было бесплатным (образование и медицина), и мы этим сильно гордились. Да что говорить, когда все были в едином порыве, одни против всех, но держались, не сдавались и неуклонно шли вперед со своими пятилетками в четыре года.

Настоящая москвичка с настоящим гаванцем

Улицы Тринидада

Прямо на подлете к Гаване – большая выпуклость в воде, не доходит до поверхности, но сверху очень хорошо просматривается – Подводная гора математиков называется. Ничего страннее в таком словосочетании еще не встречала – за что всех математиков туда? Не так просчитали? Что случилось? В общем, прилетела с немым вопросом, но ответить так никто и не смог.

Гавана хороша той милой неремонтированной простотой, жилой и очень уютной, куда хорошо приехать посмотреть, но никак не жить. Бывают города, о которых мечтаешь – вот если бы... Гавана не из их числа. Вся облезлая, как драный кот, древняя, вечно ждущая капитального ремонта, разрытая и обваливающаяся, но очень настоящая, естественная, без прикрас. Вся человечья жизнь почти на улице – двери и окна настежь, смотри не хочу, а вся семья на ступеньках у дома – старухи с сигарами и стаканчиком рома, чумазые дети с мячом, просаленные мужики, ремонтирующие свои раритетные развалюхи, громкие мамашки, кормящие грудью своих чад, – жизнь как она есть.

Самый известный образ на Кубе

Удивилась, что на Кубе культ Че Гевары, а вовсе не Фиделя, как мне казалось раньше. Повсюду граффити, рисунки, портреты, фуражки, открытки с изображением молодого лукавого красавца с чуть ленинским прищуром. Милые слуху лозунги – «Че – моральный гигант, который растет с каждым днем!», «Твой пример жив!».

Фиделя устали любить, зажился он, да и ожидания не оправдал. Че любить легко – красавец-романтик и вечно молодой революционер, погиб, не успев подпортить себе биографию и не дав шанс в себе разочароваться.

Советское – значит, отличное!

Малекон – Гаванская набережная

Небольшой флаг в три этажа

Первый выход в любой город, он всегда показательный. Только вышли на улицу, сразу подошли три милых белозубых гаванца (не вместе, а в разных районах города) и стали спрашивать, откуда приехали. Улыбки во весь рот, охота поговорить и предложить свои услуги – один таксист на старом ярко-красном «Олдсмобиле», другой мальчик, заведующий полотенцами в бассейне дорогой гостиницы, третий просто прохожий. Все по-детски благожелательны и приветливы, а узнав, что я из Москвы, уважительно пожали мне руку, немного пожалели, что я из холодной северной, но очень любимой дружеской страны, и стали меня приобнимывать (новый глагол) и приглашать на фестиваль сальсы – не еды, а танца. Один подробно объяснил, что это и где, другой просто сказал, что очень рад меня видеть, а третий поймал такси и сам повез нас туда бронировать на вечер билеты. Ну как я в Гаване без сальсы? Никак, вы же понимаете! Мой младший сын геройски согласился меня сопровождать, хотя зудел: «Куда ж тебя всё несет, почему спокойно посидеть не можешь...» Ну, стало быть, несет, на сальсу несет, я ж в первый раз на Кубе! Еще прохожий сказал, что сегодня один из немногих дней, когда в

старом городе можно купить кооперативные сигары, именно те, что надо, и по низкой цене. И вообще, забытое слово «кооператив» очень здесь в ходу. Оказывается, работникам сигарных фабрик положено по одной бесплатной сигаре в день, видимо, чтобы не сильно воровали. Но это уже была моя догадка. А так они вроде как их накапливают и раз-два в год могут продавать, если не выкурили сами. Ведь на зарплату не проживешь, и все крутятся, как могут. Поэтому, вы не подумайте, стал меня уверять гаванец, он не спекулянт, а настоящий честный работник и продаёт исключительно свое кровное, а не ворованное! И надо пойти к нему домой, товар у него. Но я хоть и наивная, но вполне понятливая и опытная! Он аферист, но я же авантюристка! Как не пойти в гости к гаванскому спекулянту в бедный квартал? Где я еще такое увижу? Пошла! По поводу цены, конечно, наврал, но я с таким нескрываемым удовольствием бросилась в это приключение, зная, что облапошат, да и дядька сам, похоже, ни на шутку удивился моей решительности. Приехали в старую Гавану, где домам по 200–300 лет без ремонта. Узкая каменная лесенка вверх, маленький внутренний дворик с сохнувшим ярким бельем и комната, размером с вместительный шкаф, в которой нас ждет еще один белозубый человек. На столе коробки с сигарами, такие, сякие, небольшой экскурс в историю – «Вот, понюхайте, – он вынул из шикарной коробки крутую длинную сигару и поднес к моему носу. – Вот эти сигары курил Че Гевара, чувствуете, какой запах? Запах настоящего героя! А вот эти, дорогие и крепкие, это «Саиба», самые дорогие. Любимые Фиделя. Сейчас его уже здоровье подводит, но думаю, все равно покуривает, как кубинцу без сигар? Ну, понюхайте же, понюхайте!» – и ласково тыкал мне в нос разномастные горько-пряные сигары. Должна сказать, что Че и Фидель пахли совершенно по-разному, но оба очень революционно и свободно. Я выбрала запах обоих лидеров, чтобы дома вспоминать иногда, как пахнет свобода в целом.

Неторопливый разговор

Вот сигары без «одежды» – наклеек, коробок и прочей другой мишуры

Потом мы вернулись через дворик вниз, и из маленьких окошек-бойниц нам ласково махали улыбчивые старушки, красивые в своей беззубости и загорелости и пританцовывающие под гремящую музыку верхней частью туловища. Они двигали руками так, будто закручивали большую лампочку в люстру – круговым движением кисти, туда-сюда. Бабушки, видимо бывшие Кармен с сигарной фабрики, скорее всего, прикрывают своих бизнес-внучков, которые ташут с производства коробками «Ромео и Джульетту» и «Монте Кристо» ненасытным и не всегда курящим, но алчным туристам вроде меня. Ведь лучший подарок с Кубы – это, конечно же, сигары и ром! Тем более что ничего другого почти нет.

Позже на табачной ферме я разузнала все подробности, всё, что могла про сам процесс: с того времени, когда сочно-зеленые листья соберут, до того момента, как сигару из этого табака можно будет закурить, проходит целых три года: сбор, сушка и двухлетняя ферментация в огромных сушильнях. Зашла посмотреть, как они отдыхают, листья эти сигарные, в «дышащих» ангарах с рыхлыми крышами из пальмовых листьев. Висят на деревянных перекладинах высоко под потолком, похожие на крупную бурую воблу, или нет, скорее на спящих обкурившихся летучих мышей. А если закрыть глаза и не смотреть, то пахнет в этих сушильнях не совсем сигарами, там стойко держится терпкий, чуть горьковатый запах усредненного богатого мужчины. Видимо, у меня эти ароматы вызвали именно такие ассоциации.

Высокий кубинец в настоящей американской ковбойской шляпе, похожий на скромного и гордого Чингачгуга, показал, как сигары скручивают: она вся состоит из каких-то частей – есть, оказывается, сердцевина сигары, какие-то замки, ключи, как он называл, все очень сердито и по-мужски. А я-то думала, что настоящие сигары крутят на смуглых бедрах мулаток...

Одно из самых распространенных средств передвижения на Кубе

Одна из самых главных достопримечательностей Кубы – передвижная, машинный парк. Это правда было для меня шоком – машины 50-х годов, почти все американские, оставшиеся и законсервировавшиеся с дореволюционного времени, очень яркие и разноцветные, практически все музейные, не просто стоят где-то у обочин, а ездят, довольно быстро, иногда выдавая клубы черного едкого дыма (несварение, похоже, из-за возраста...). Наши «жигуленки», «Волги», «Победы» тоже ходят в определенном количестве, юрко и прытко, хотя многие отяжелели от количества намазюканной на них краски. Встречались даже и членовозки – помните такие, для катания членов Политбюро? Видимо, в один из давних приездов нашей верховной власти на Остров свободы произошел обмен, хотя слово «гешефт» подходит лучше, и длинные черные машинки остались здесь навечно. Судя по сохранности машин, самая востребованная профессия на Кубе – это, скорей всего, автомеханик. Надо быть виртуозами, чтобы держать на ходу автомобили, многим из которых за 50–60 лет. Но все равно, очень привычная картина на кубинских дорогах – стоящие на обочинах ретромашины с поднятым капотом и дымящим мотором. А так, вне столицы передвижение в основном на лошадках – худеньких, грустненьких, на повозках, больших и маленьких, на ретрогрузовиках, переделанных под автобусы, просто на автобусах, на мулах где-то совсем в глубинке, пешком, если не очень далеко, и на стаинных автомобилях в райцентрах – всё очень патриархально и разнообразно.

На кубинских дорогах

Грузовик, переделанный в автобус, – обычное дело

Карточная книжка. Главное – не потерять. Восстановить ее потом очень сложно

Трактор «Беларусь» в табачном поле

Не роскошь, а средство передвижения

Транспорта совсем немного, и его очень не хватает. Поэтому народу у дорог толпы, люди стоят в надежде, что их подвезут. Но надежда должна быть подкреплена наличными, которые надо продемонстрировать. Поэтому машущих деньгами кубинцев по дороге немерено, что выглядит очень забавно.

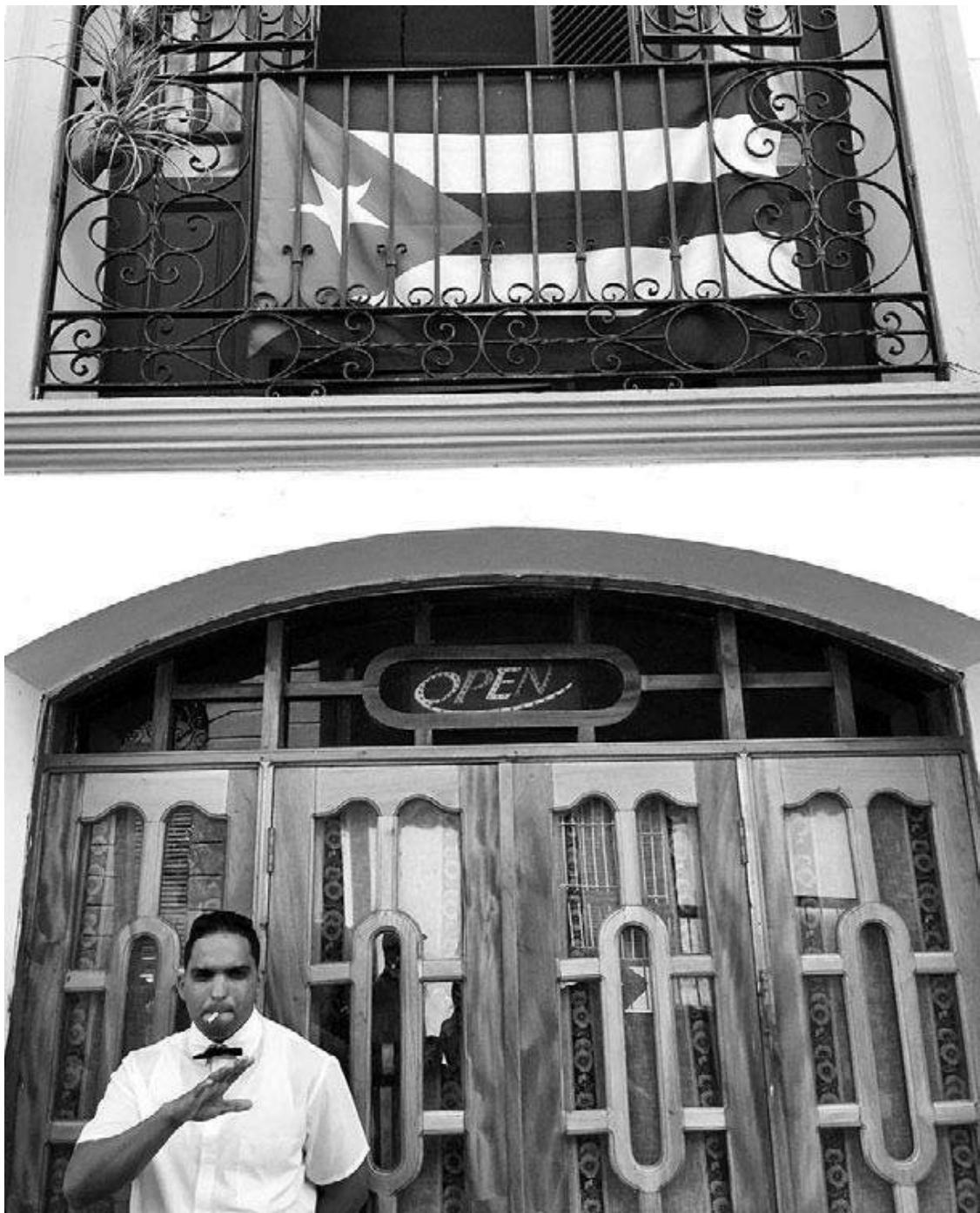
В первый же день несколько часов провела на набережной, не в силах оторваться от потока машин. Особо буйный восторг вызывал цвет автомобилей, совершенно несовременный, похожий скорее на яркие детские игрушки, как если бы все эти бибики принадлежали каким-нибудь реальным Барби и Кену, очень в их вкусе – розовые, голубые, красные, зеленые, сиреневые с отливом, двух-трехцветные, любые, но непременно яркие. Двух одинаковых машин в Гаване, наверное, нет. И очень мало черных. Видимо, кроме наших членовозок.

Я приценивалась – старые машины стоят от 5 до 15 тысяч куков, то есть 5–15 тысяч евро. С валютой неразбериха: есть валюта, куки, вроде как для иностранцев, есть деньги для местных – песо. Две параллельные жизни в одной отдельно взятой стране. Средняя зарплата на Кубе – 15–20 куков в месяц, но выплачивается в песо. Как же тогда средний кубинец может купить такую дорогущую машину?

С частной собственностью дело обстоит плохо, но она есть. Частный бизнес может быть только дома – парикмахерский салон у себя устроить, скажем, ресторанчик открыть или квартиру сдавать.

Основные продукты продают по карточкам, чтобы еды хватало на всех. Цены скорее символические, чем реальные. Того, что продается по карточкам, конечно, не хватает, необходимо докупать. Как может хватить 5 положенных по правилам яиц в месяц? Никак. Остальное покупайте в магазине, если товар завезут.

С рождением ребенка матери выдается специальная продуктовая книжка на нового члена семьи. Со смертью кого-то из семьи она должна сразу сдаваться. Хотя можно скрыть эту информацию и еще месяц-два попользоваться карточками мертвых душ.

У гостиницы

Эта карточная система была введена на Кубе еще в 60-х годах и существует до сих пор. Помним, проходили, но довольно быстро. По карточкам покупаются основные продукты – по 3 кг риса в месяц, по 3 кг сахара, хлеб, кофе, молоко (немного и только детям до 7 лет), растительное масло, фасоль, рыба, куры, яйца, по 5 штук в месяц, пожилым людям по карточкам продаются сигареты. С говядиной на Кубе беда – ее нет. То есть она есть, я сама ее видела, как она паслась под пальмами, но ее в народе не едят, потому что ее катастрофически не хватает.

Соседи могут стукнуть в соответствующие органы, если унохают волшебный запах жаркого из говядины, доносящийся из квартиры напротив. В ресторанах одно блюдо из говядины должно быть обязательно, а так это мясо не для домашнего употребления. Сам Фидель сказал, что мясо вредно для здоровья, оно положено только беременным и детям, а остальным всего по 300 грамм в квартал. Что практического на всю семью можно раз в три месяца приготовить из такого ничтожного количества, не представляю. Сварить суп? Сделать фарш с макаронами? Что? Или положить в морозильник до следующих 300 грамм, чтобы как следует наесться раз в полгода?

Иногда передовики производства, а в основном это сборщики сахарного тростника, получают премию – провести бесплатно день в гостинице, скажем, в «Гавана Либрे». Вместе с женой, конечно! Отдохнуть, помыться хорошим гостиничным шампунем и даже намазать волосы бальзамом, походить по номеру в длинном махровом халате, посмотреть какой-нибудь американский фильм, а потом торжественно съесть стейк в ресторане рядом с лобби, смакуя каждый кусочек и запивая красным чилийским. Вот праздник так праздник! А раньше, если ударник соцтруда добился очень высоких результатов, ему даже разрешалось купить наши «Жигули» или «москвичок» без очереди и со скидкой.

С едой на Кубе просто беда. Так невкусно я не ела еще нигде. Пыталась хоть как-то себе такое объяснить. Остров рабов, где всегда довольствовались малым, пожевал тростник и пошел дальше в поле махать мачете? Жарой и невозможностью сохранить продукты? Плохо развитым застойным социализмом? Но ведь что-то же есть, так почему это «что-то» нельзя приготовить вкусно? Тем более место такое благодатное! Я проехала по всей Кубе с востока на запад (севера и юга здесь практически нет, остров вытянут по меридиану), видела тростниковые, рисовые и кукурузные поля до горизонта, огромные банановые хозяйства, шикарные рощи кокосовых пальм, манговые сады, где под деревьями привязаны свиньи и жрут то, что падает с веток, и свинина-то на такой монодиете уже получается слегка промаринованная, с изыском. Куры бегают под колесами на самообеспечении, барашки то там, то здесь, козы. Море-океан, в конце концов, с рыбами и лобстерами! Можно же из этого «скромного» тропического перечня продуктов приготовить что-то вкусное, а? Так нет – куриная грудка, засушенная до прозрачности и политая соленой коричневой жижей, рыба – некий стейк неопределенного ихтиозавра под белым мучным соусом – бррррр, или удивительные горячие ассорти – свинина с рыбой, разделенные стыдливой горкой риса, или втroe – свинина-курица-рыба. Из говядины делают что-то для беззубых, называется в переводе с испанского «рванье» – мясо отваривается, затем вручную разбирается на волокна, еще чуть тушится с соусом и подается с рисом, перемешанным с черной фасолью. С курицей плохо – здесь в основном огромные ножки Буша, и их просто отваривают. Заказала лобстера, их тут пруд пруди. Жесткий, несъедобный, но с красивым панцирем. Местные вообще лобстеров не едят, не положено, как и говядину.

В общем, в кубинской кухне, к моему большому сожалению, ни выдумки, ни фантазии, ни-че-го.

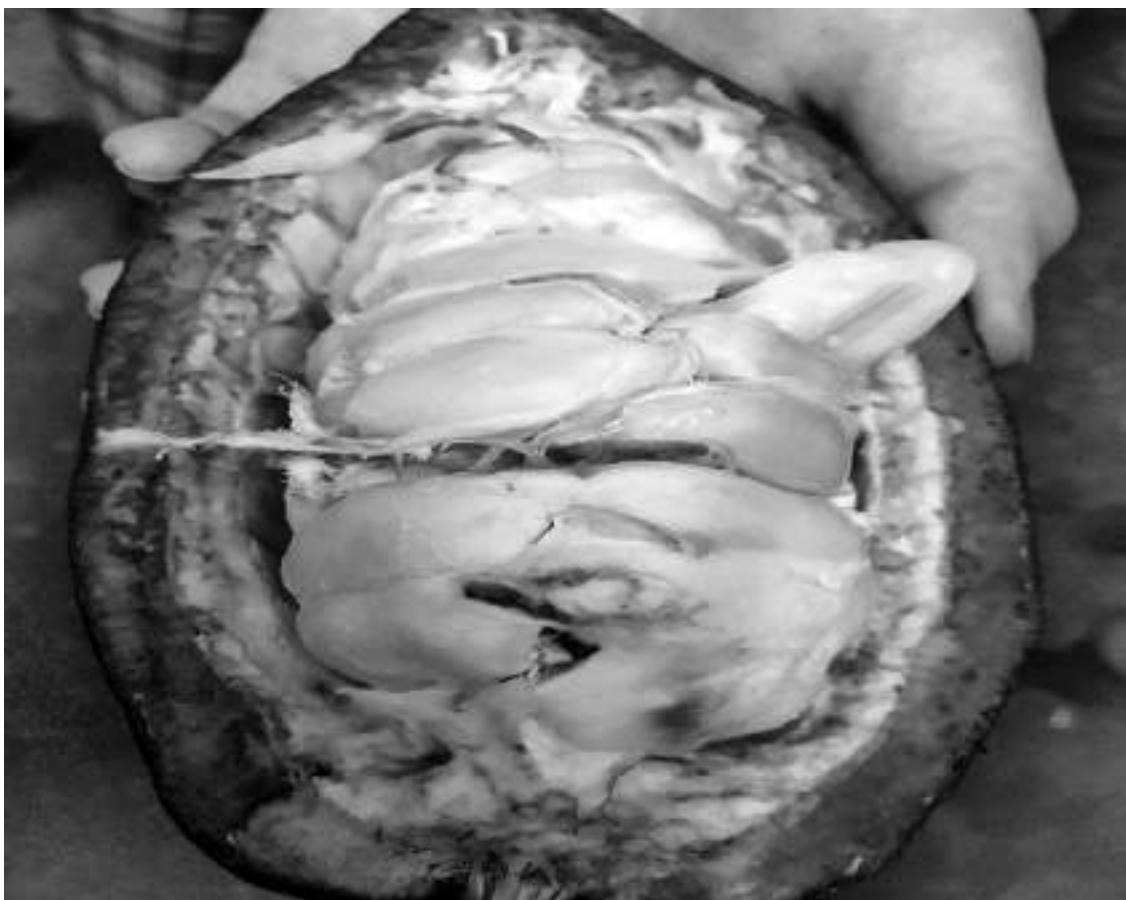
Царица помидор

Овощной набор

Так какао растет

а такой плод внутри. И очень вкусный!

Пошла на рынок, это же лицо города. В основном овощи, не изобилие, нет, огурцы раз-мером с ногу взрослого мужика, розовые помидоры, батат, зелень, луки всех мастей. Удивил мясной ряд: совсем крошечный, на четыре продавца, и мясо, почерневшее от солнца, не то уже тухлое, не то вяленое, но явно несъедобное, подвешенное, как преступник, на всеобщее обозрение и обсаженное мухами. И вдруг, посреди этого адского прилавка, – громадная, довольно пожилая палка любительской колбасы, в синеву, сочащаяся каплями жирного желтоватого пота и источающая стойкий резиновый запах. Из фруктов – мелкие, позеленевшие от злости мандарины и сладкая черемойя, похожая своей шкуркой на броненосца. Ну и специи, не изобилие, но есть. Молочных и кисломолочных продуктов не существует в принципе. Рыбы вообще никакой (хотя слышно, как плещутся Атлантика и Карибское море).

Вот и весь рынок.

Когда поехали в Баракоа, столицу какао – чтобы быть географически точной, это жопа мира, на Кубе даже есть поговорка: «Баракоа – это место-куда-никому-не-по-пути», – так вот, познакомились с кукуручей. Сладость, непривычно для Кубы вкусная, на основе кокосовой стружки, апельсиновой цедры и меда. Напросились к кубинке, которая их продает. Если я скажу, что у нее двухкомнатная квартира на первой линии, это будет чистая правда: прямо на дороге калитка и идущая, нет, не идущая, а падающая со склона глиняная отвесная тропинка (я представила, как по ней в дождь-то!) и внизу землянка – четыре столба да крыша. В кухне что-то варится в черной кастрюле, а девочка сторожит. Запасы – зеленые бананы, лук, кокосы и старые стоптанные тапки. Тетка, необъятная, обвшанная своей доморошенной продукцией, показывает, как делаются рожки кукуручи: трется кокос, варится с медом и цедрой, загущается, выпаривается, и этой массой наполняются рожки из пальмовых листьев. Совсем не баунти, намного вкуснее. Дала девчушке, ее дочке, яблоко и московские конфетки – та засветилась,

заулыбалась, сладости спрятала, это знакомое, и стала жадно внюхиваться в яблоко – пахнет приятно, что это, спрашивает. Откуси, говорю, попробуй. Нет, я маме отдам, спасибо.

Хорошо бы суп из него не сварили.

* * *

Небольшое отступление про женские попы.

Женщины на Кубе, такие же как и машины, – невообразимо броские, яркие, улыбчивые, с отдельно идущим за ними багажником. Эти знаменитые латиноамериканские попы – зависть всех европеек, о чем, конечно, умалчивается, но подсознательно думается и даже негодуется – одним все, а другим просто растекающийся по телу жир и неровно застrevающий в тупиковых отсеках. Эти попы на самом деле идут отдельно за хозяйствкой на почтительном расстоянии, я наблюдала, и женщины их по-особому несут, с какой-то природной гордостью, зная, что это не только их личное достояние, а достояние всей республики. Грудь при этом может быть плоской или почти отсутствовать, но это не так важно, живот может быть по всему телу, тоже не беда, но посмотрите на красотку в профиль, есть весомая компенсация! Я узнавала, знающие люди говорят, что эта восхитительная анатомическая конструкция держится и поддерживается за счет системы питания – латиноамериканки едят в основном углеводы. Но я бы не стала проводить такие опасные эксперименты в наших северных жиреющих широтах.

В Латинской Америке женские попы называются «бум-бум», вот такое говорящее название, напоминающее звук тугого барабана, по которому ударяют что есть мочи, но любя – бум! бум! Там говорят, что не стыдно быть бедным, а стыдно быть, неухоженным и опустившимся. И уверяют, что лучшее наследие капитализма – это мулатка и кока-кола.

Возраст женщины исчисляется совершенно непривычно – по времени, проведенному на пляже. Так и узнают возраст: «Сколько лет Кончитта провела на пляже?», «У Розалинды 70 лет пляжа, а выглядит, будто была там всего 40!». И все в том же духе. Представляю, если бы так спрашивали, скажем, о москвичках, не позволяющих себе по разным причинам часто бывать на юге: «Сколько лет Зинаида Степановна прозагорала? О, целых пять? А она уже давно на пенсии?»

Девочка с яблоком.

Если женщина днем не в бигуди, значит, она не готова к вечеру

Бум-бум

Раньше, лет десять назад, все, ну почти поголовно все кубинские женщины днем ходили в бигуди, причем в огромных, каждое размером с чашку, голова увеличивалась до невозмож-

ности, и это совершенно не считалось чем-то неприличным. Просто женщина готовилась к вечернему выходу. Неприличным считалось, если она выходила в люди без праздничной прически. Сейчас такого почти не встретишь, хотя я видела пару красоток. Думаю, работу среди кубинок проводят родственники, которые вырвались в Штаты или еще куда за границу и смотрят, как ведут себя женщины там, и потом рассказывают на родине.

И немного о магазинах. До недавнего времени одежду можно было купить только по карточкам – брюки, юбку, кофту, трусы, ну что там еще надо, чтобы грех прикрыть. Сейчас уже во всех кубинских городах видела попытки разнообразить модельный ряд, и не по карточкам, а в свободной продаже. Но пока очень уныло. Витрины «бутиков» напоминают наши в 70-х годах. Очень ностальгически. В основном кубинцы одеваются родственниками, которые живут через пролив, во Флориде и других американских штатах. Леггинсы с американским флагом на необычных ляжках, майки с фото Элвиса, многочисленные Мики-Маусы, Супермены и прочие Обамы на Кубе очень высоко котируются.

Женщины одеваются однотипно: леггинсы (для этого необязательно быть высокой, стройной и молодой) и топик. Одежда на все случаи жизни. Хотя, казалось бы, ходить по жаре в плотных колготках, обрезанных у ступни, как-то некомфортно. Но кубинки делают все, чтобы понравиться местным мачо – пусть все достоинства (а выпирают всегда достоинства, а не недостатки) будут на виду!

Мужчины, в основном пожилые, носят национальную льняную рубаху с четырьмя карманами. Как у Фиделя.

Самый главный женский праздник на Кубе знаете какой? Нет, не Восьмое марта. И не день свадьбы. И не просто день рождения, а конкретный день рождения – пятнадцатилетие. В этот день девушка наряжается в самое красивое и в сопровождении родных идет к фотографу, чтобы было все по-настоящему, уже по-взрослому, профессиональная фотосессия на пятнадцатилетие, самый красивый возраст. И висит потом эта фотография всю жизнь на видном месте, дети, а потом внуки смотрят и гордятся – вот как мы на эту красотку похожи! И еще одна кубинская поговорка об очень некрасивой женщине – «ей никогда не было пятнадцати лет».

Еще я заметила, есть какая-то система уличных отношений, заинтересованности, легкий флирт, который приятен обеим сторонам. Оказывается, этому есть даже свое название – пиропо. Начинается заигрывание с противного звука, который издает мужчина, обычно так подзывают какую-нибудь живность – фррррр или псссыть или еще что-то милое в том же духе. Вот и я так обернулась на звук, решив, что отгоняют собаку и мне надо посторониться, но мужичонка, моментально спросил, есть ли у меня муж, и, не дождавшись ответа, позвал замуж. Ну вот это шикарное псссыТЬ меня просто сразило! ПссыТЬ – и замуж! Логично. Иногда после пссыТЬ следуют риторические вопросы: «А конфетки разве умеют ходить, сладкая моя? Ты уж не ходи под солнцем, а то растаешь!», «Синьора! Хотя бы подарите мне улыбку, а то неприступны, как гранитная набережная в Гаване!», «Если бы твое тело было тюрьмой, а руки – цепями, какое это прекрасное место, чтобы отбывать здесь свой срок!». Ну и всякое такое в том же духе. За черту обычно не переходят, пошлости не говорят, просто изошряются в остроумии и комплиментах, постоянно держа кубинок в тонусе.

А так самое расхожее обращение на Кубе – «амиго, амига!» – друг, подруга.

«Амига, хочешь, я угощу тебя мохито?»

Куба – родина нескольких шикарных коктейлей. Оно и понятно, море, солнце, красотки, сидишь у бара, не сухой же ром опрокидывать стопку за стопкой до полусмерти, надо процесс этот удлинить, да и даму своим напитком заинтересовать. Первая мысль, думаю, была какая – правильно, охладиться, ведь летом под 40. Для этого нужно много льда, обязательно растолкать мяту, залить это шипучей содовой, кинуть дольку лайма с коричневым сахаром и для настроения добавить белого рома. Что это? Мохито, который подается в любом уголке мира.

Где придумано? На Кубе! И жизнь уже кажется совсем другой, с мохито-то! Уже одно ощущение высокого стакана в руке, в котором лед с мяты, снижает температуру окружающей среды вокруг, доводя ее до приятной.

А дайкири? Настоящий, из «Флоридиты», где его любил пить Хемингуэй? Кубинский вариант обязательно с клубникой – колотый лед, белый ром, клубничный ликер, сок лайма, да все это в блендере, да потом все это в себя! Ax! В кафе это приходят только за хемингуэевским дайкири. А сам Хэм, весь бронзовый, стоит на своем любимом месте у бара и на всех посматривает, улыбаясь своей вечной бронзовой улыбкой. Меня тоже видел с дайкири, честно говорю!

Еще «Куба Либре» – без этого ни шагу! Это просто ром, залитый колой, и лед. Вкус очень кубинский, колоритный, свободный, освежающий и зовущий на подвиги.

«Пина Колада» – коктейль совсем женский, сладкий, мягкий, нежный, чуть волнующий. По-испански это значит «процеженный сок ананаса». Но по мере процеживания туда был обязательно добавлен ром и кокосовые взбитые сливки. По мне, так это скорее десерт, а не коктейль, слишком сладко.

Пью дайкири в самом известном баре «Флорентина», где часто бывал Хемингуэй

Немного мохито никогда не помешает!

А этот коктейль делают у дома Хемингуэя и уверяют, что это тоже его любимый. Похоже, у Хемингуэя все коктейли были любимыми!

Набор для мохито

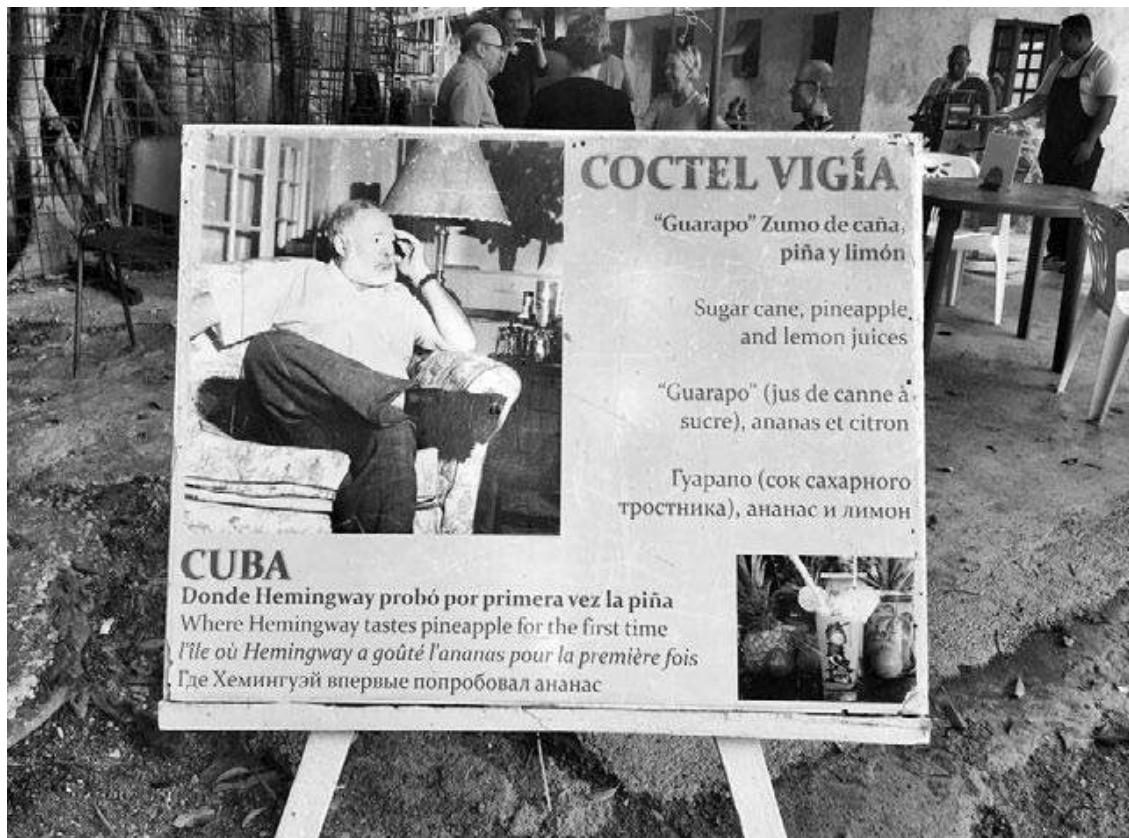
А в основе всего этого безобразия – ром! Мне нравится объяснение одного из возможных происхождений этого названия – большой шум, гам и неразбериха! Еще бы, выпил рома – и шумная жизнь начинается! Хотя к рому я всегда относилась с подозрением. Не мое это – «йо-хо-хо и бутылка рома». И йо-хо-хо меня тоже всегда смущало – что это, боюсь спросить?

Сам лично ром – это настоящий карibbeanский крепкий напиток на основе сахарного тростника, там все сбраживается, перегоняется, выдерживается в дубовых бочках, и получается тростниковая водка (по-нашему, по-простому), которая чем старше, тем темнее. Чем ром светлее и юнее, тем он коктейльнее, с возрастом (рома, а не потребителя) начинает питься в чистом виде. Самые известные – «Havana Club» и «Bacardi». А так, чисто пиратский напиток! Знаю, чем пираты Карибского моря больше всего любили закусывать ром, – долькой апельсина, сдобренного корицей. Очень неплохой был у пиратов вкус! Еще пили с кофе и горячим шоколадом. И с огромной толстой сигарой в зубах, разумеется. Очень советую попробовать такой горячий коктейль на основе рома: очень крепкий черный чай с сахаром и лимоном и ром – шикарно! Особенно хорош холодным зимним вечером.

И еще немного из истории рома и пиратов. Поскольку от рома на жаре пираты быстро дурели и могли по пьяни зашибить своих, то пиратские начальники приказали им ром в чистом виде не пить, а хоть водой разбавлять, ладно, ребят? Ром с водой стали называть грог. Но невкусно это, пробовала. Пиратская мысль по улучшению жизни работала быстро – воду стали смешивать с любым цитрусовым соком с добавлением мускатного ореха и корицы. Жизнь заметно улучшилась. Рецепт старинный, пиратский, попробуйте.

А самым престижным в золотую эру пиратов был «Ромфестиан», та еще гадость, на мой вкус: смесь джина, пива, хереса, корицы, сахара, мускатного ореха и – внимание! – сырых яиц!

Подавался пиратикам в горячем виде полуобнаженными красотками-мулатками. Горячий вид, думаю, был не только у рома, а у всех перечисленных.

У дома , где жил Хемингуэй, – рецепт одного из его любимых коктейлей

В городе Камауэй с какой-то бронзовой парой

Дедушка Хэм

Хемингуэй мне нравился с младенчества. Именно с младенчества. Дедушки у меня никогда не было, и Хэм прекрасно мне его заменил. Не он сам, конечно, а его замечательный портрет, седого, улыбающегося, чуть с прищуром. Портрет висел у папы в кабинете, на модной черной стене, на самом видном месте, над книжными полками. В 60-е он был всеобщим любимым писателем, каким-то свободным, культовым, с биографией. Моя кроватка стояла напротив портрета, рядом висели фотографии папы и мамы, большой мозаичный отцовский портрет, поэтому дедушка Хэм совершенно органично вписывался в нашу семью и абсолютно не казался мне каким-то мифическим и далеким.

Потом выросла, узнала, что он не родственник, а просто классик, почти разочаровалась и стала его читать.

Потом прочитала, что могла, и о нем подзабыла, как о ком-то, так ярко связанным с детством.

А на Кубе вдруг все всколыхнулось по новой. Приехали в дом, где он прожил двадцать лет. Мудрая жена – четвертая? пятая? – оставила дом так, словно Хэм только что из него вышел и вот-вот вернется. Разбросанные джазовые пластинки, журналы с Джоном Кеннеди на обложке, расческа, старая облезлая расческа, одиноко лежащая в ванной. Я ходила вокруг дома, приникала к окнам, в надежде разглядеть названия книг на полках – словари, справочники по навигации, энциклопедии, просто справочники, карты – видимо, полка с художественной литературой стояла в глубине комнаты, и я не смогла разобрать другие названия, кроме какого-то «The odor of violets», но книги были повсюду, даже рядом с унитазом внушительный книжный шкафчик.

Дом вообще замечательный – просторный, сквозной, открытый на все четыре стороны, на высоком холме, с прекрасным видом на пригород Гаваны. А рядом, в десятке метров, высокая башня с кабинетом-аквариумом на верхотуре, и снова полки с книгами, синее модное кожаное кресло и телескоп, чтобы видеть жизнь вблизи. Еще огромный пустой бассейн, стоящая в доке гордая яхта и большой старый цветущий сад с колибри и бабочками – я видела, но не успела хорошо птичку снять, они летают, как мухи! И кладбище домашних животных, видимо, собак – Нерон, Негрита, Линда и кто-то еще. Грустно. Он сам здесь сильно болел, добывал, доживал, дописывал. И ушел, не вытерпев.

Отдано это всё было государству, не пропало ни одной вещи, всё настоящее, всё чувствуется. Не видела еще таких живых музеев.

У входа в усадьбу или у выхода, всё равно, лоток и несколько столиков – торгуют любимым коктейлем Хемингуэя, хотя мы-то знаем, что любимых у него было много – Мохито, Дай-кири, Гавана Либре и всякое другое горючее, но этот еще один – тростниковый сок, который выжимают тут же, сок лайма и ананаса, ну и ром, без него на Кубе никуда.

В гостиной оставлено все как и было при Хемингуэе

Китель Хемингуэя

Любимая лодка и кладбище домашних животных

Тринидад и Идио

Все просто: Тринидад (Троица по-испански) – это очаровательный разноцветный городок на Кубе, Идио – имя хозяйки, у которой я с сыном жила два дня.

Тринидад одноэтажный, цветастый, патриархальный и очень обаятельный. О том, чтоб его забыть, не может быть и речи. Домики идут непрерывно, одной стеной. Поэтому любая улица – это просто одна длинная стена с дверями, но каждый хозяин красит свой кусочек жилья в любимый цвет – синий, так уххх, самый синий в мире, зеленый, так не стесняясь никого, желтый, так чтоб солнцу под стать, розовый, так самый противный, какой есть! Все двери в этой длиннющей уличной стене всегда открыты, и жизнь совершенно на виду. Идешь и смотришь краем глаза на донов Педро и Розалинд, как на участников разноцветного сериала: в синем доме черный старик, стакан и остатки рома. Старик мурко качается на качалке в такт своим неторопливым мыслям и глядя перед собой. Рядом с ним кошка, черная, как и сам хозяин. Okolo красного дома – девочка с воздушным шариком во рту, то сдувает, то надувает. Шарик красный, с белым крестом. В зеленом кудахчут зрелые тетки в бигудях (я знаю, что «в бигуди», но эти в бигудях!), кудахчет о своем и телевизор, но теткам это совсем неинтересно. Кто-то сидит на ступеньках, кто-то смотрит в окошко, ведь на улице все равно самая важная местная информация. И запахи, из каждой двери пахнет по-своему, идешь по узкому тротуару, касаясь плечом стены, и нанизываешь, как парфюмер, запах за запахом: здесь жареный лук, много лука, на полквартала хватило бы, а вот воняет стойкой кошатиной, въевшейся даже в стены и пропитавшей соседние дома, там стиральный порошок, аромат свежего белья и солнца, зато через несколько шагов целый букет человеческих запахов и главный – страсти, свежеиспеченной, еще не выветрившейся, страсти в ритме сальсы, как и все здесь вокруг. А чуть дальше, из белой двери, просто тянет одиночеством.

Двери в доме Идио всегда настежь

Семья

В городе есть старые площади и храмы, галерейки с картинами местных Даля, но это всё в плюс к простым городским улицам, они и есть душа города.

Мы жили в желтом домике, у милой хозяйушки со странным именем Идио. Было боязно селиться в дом кубинца, честно. У нас же свои представления о прекрасном. Оказалось, что наши представления недалеки друг от друга. Дверь с улицы – это вход в другую жизнь, о которой живущий в гостинице европеец не имеет представления. Большая гостиная с кухонным прилавком и массивными колониальными креслами, внутренний дворик под открытым небом, посреди которого стол из цельного ствола, с патиной и трещинами, кованые перила, желтые радостные стены и множество муравейных комнатушек, но каждая с удобствами. Все чисто, с местным колоритом и потугами на вкус.

Идио мила, улыбчива, приветлива и услужлива, интересуется сыном, сравнивает его со своим, знакомит с длинноногой подростковой дочкой в пионерском галстуке. Все время ведет записи – что куплено, сколько трачено, кто приехал, кто уехал, список нужных продуктов – всё с точностью должно быть запротоколировано. Ведет дом и надстраивает второй этаж, все время в гостиной, как часовой на посту. Дом скорее зажиточный по местным меркам, к кофе подали молоко и угостили хлебом, как пирожным. Спросила, что мы хотим на ужин – курицу, рыбу или мясо. Выбрали курицу в надежде на местную, но из морозильника были вынуты американские ляжки мутанта, не ножки Буша, а динозаврины мясистые мослы, которые заняли весь огромный прилавок. Потом Идио с силой запихнула их в сковорку и оставила томиться.

Через два дня мы обнимались, прощаясь, одаривали друг друга подарками и клялись в вечной любви и дружбе. И это не просто слова, я правда буду вспоминать Идио из Тринидада.

Вообще, кубинцы величавы и одновременно игривы, неторопливы и улыбчивы, а к нам стойкое хорошее отношение, что по нынешним временам редко. Всех красиво зовут, как героев сериала: Розалинда, Хосе, дон Мигель и просто Мария.

Но сериал довольно бедный. Очень бедный.

Вот, составила список того, что сделала на Кубе впервые:

01. Выпила ром, который раньше презирала, дайкири, «Пина Коладу», «Кубу либре», «Кончанчару». До Кубы коктейли вообще не пила.

02. Попробовала тростниковый сок. Слишком сладко, но очень сочно.

03. Попробовала тостоны, жареные зеленые бананы. Фу.

04. Прокатилась верхом на быке зебу. Мягко и медленно.

05. Послушала настоящую сальсу и увидела, как ее танцуют – «Это элементарно! Вы просто должны получить удовольствие от движений!».

06. Купила из-под полы сигары дома у спекулянта.

07. Была на обряде сантерии – местном религиозном празднике. Увидела священника в состоянии транса. Увидела жертвоприношение.

08. Попробовала тапиоку.

09. Увидела грифов в природе.

10. Была на табачной плантации.

11. Была на плантации какао, ела очень вкусный фрукт какао, чем-то напоминающий мангостан с ананасом. Ела очень невкусные жареные зерна какао, абсолютно не похожие на шоколад.

12. Видела хлебное дерево.

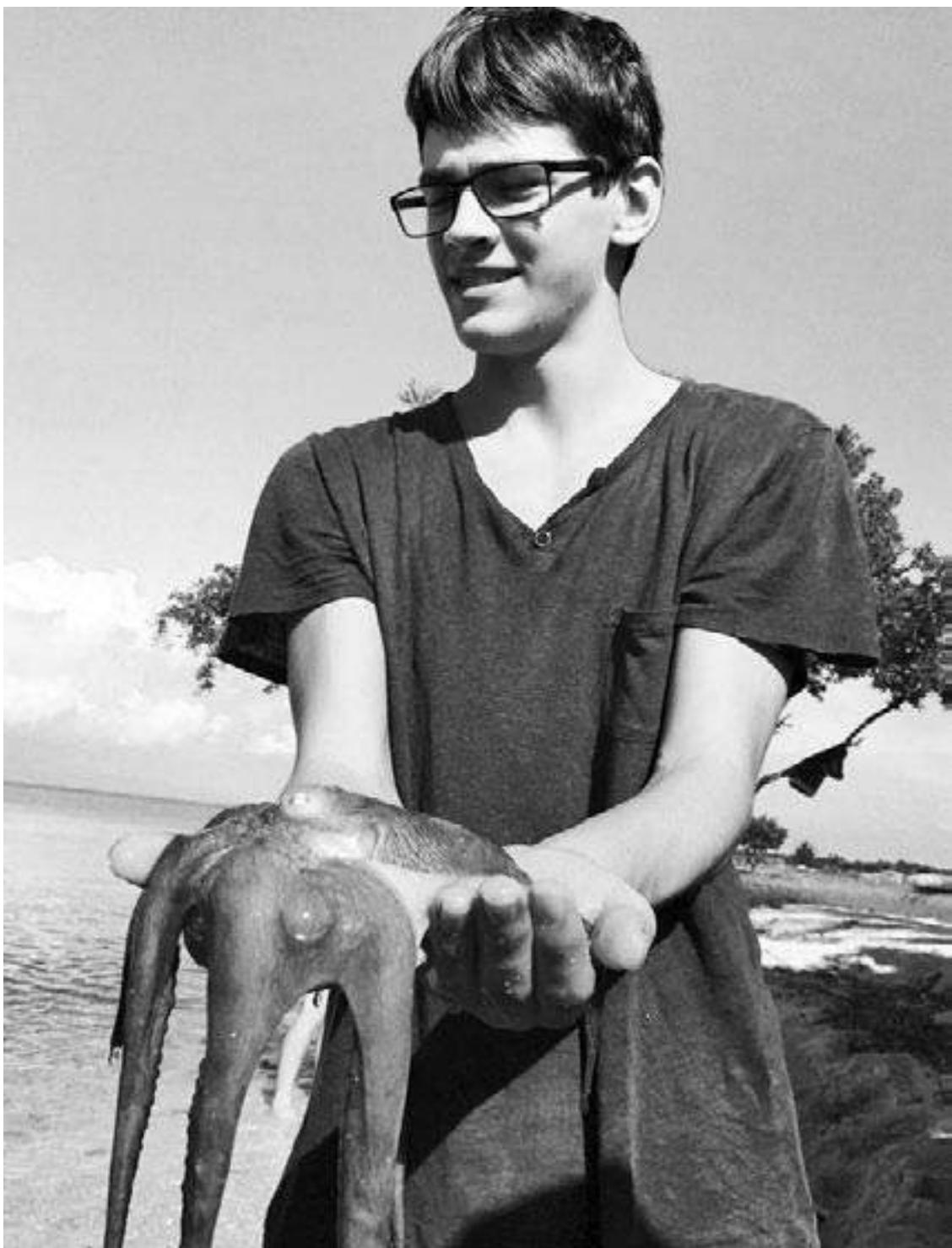
13. Видела полчища раков-отшельников на почти необитаемом острове. Милые.

14. Впервые в жизни села за гончарный круг! Невероятные ощущения!

15. Была в доме, где 20 лет прожил Хемингуэй. Сильно.

Я и беременная пальма

Дания и осьминог из Карибского моря

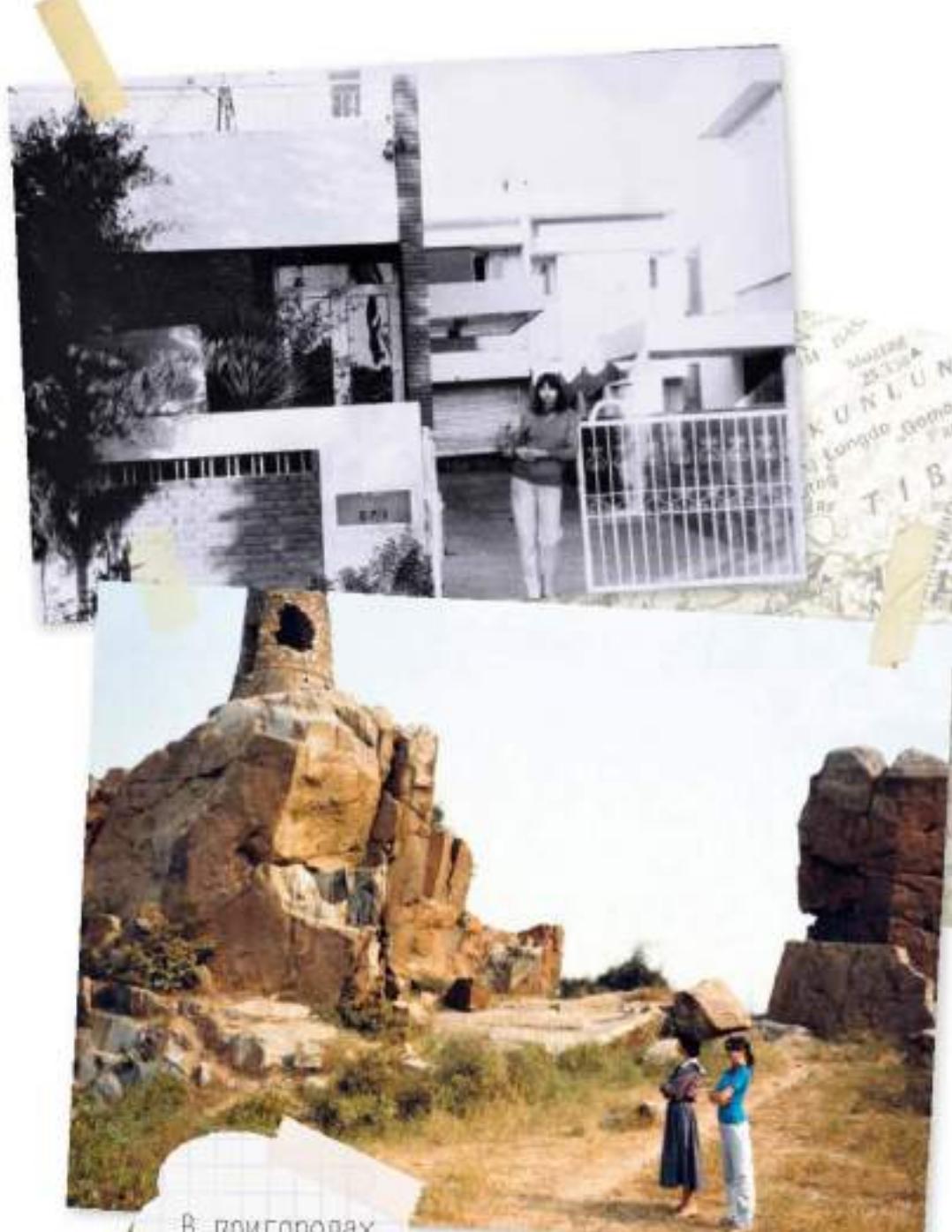
* * *

Вот мои случайные страны, абсолютно случайные, выдернутые из жизни. Было еще много таких же случайных, как эти. Надеюсь, будут еще. Думаю, возможность увидеть мир – одна из самых больших радостей жизни. Когда от восхищения широко открыты глаза, когда от красоты все внутри дрожит, когда захватывает дух или ты кипишь от ярости и непонимания. Когда ты накапливаешь чувства и эмоций, чтобы вернуться домой и выплеснуть их, рассказать, подел-

литься, написать, в конце концов! И когда, приезжая, понимаешь, что в гостях хорошо, а дома лучше.

Фото с вкладки

В пригородах
Дели, 1984 г.

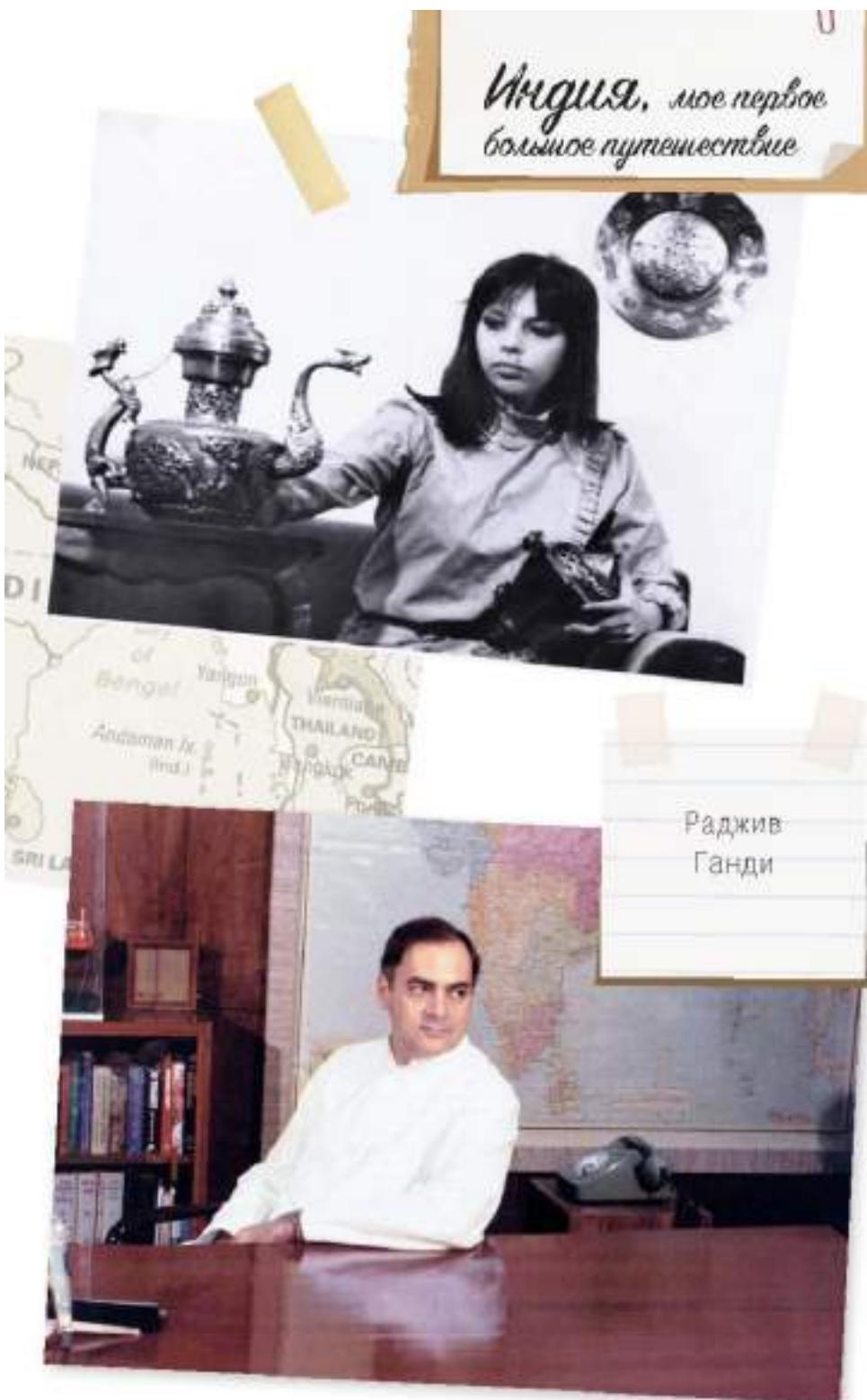
Индия, мое первое
большое путешествие

Во дворе
у дома
в Дели

Мои первые попытки
фотографировать. Мама, папа и
сестра позируют мне перед
нашим отлетом в Дели. 1983 г.

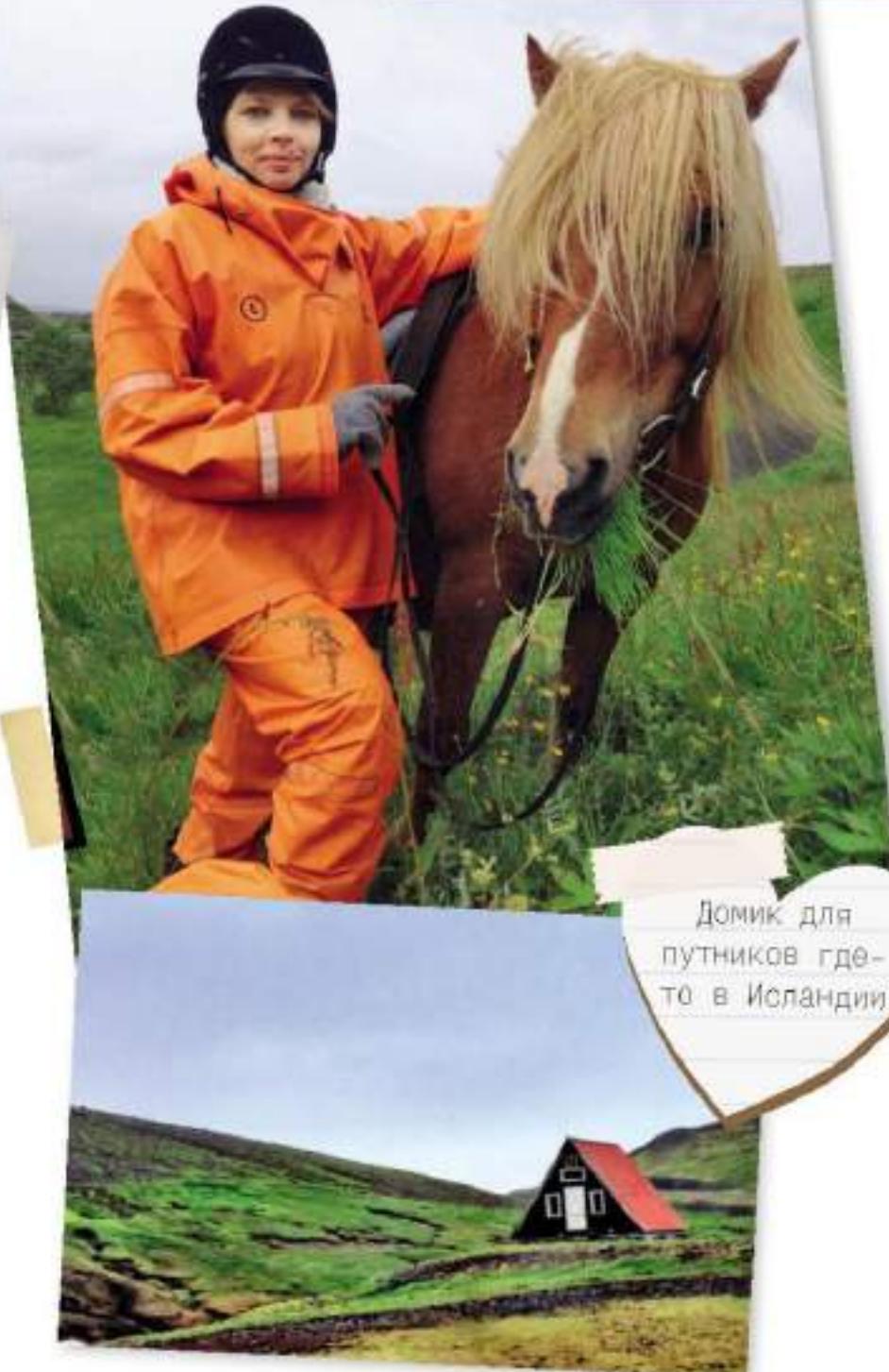

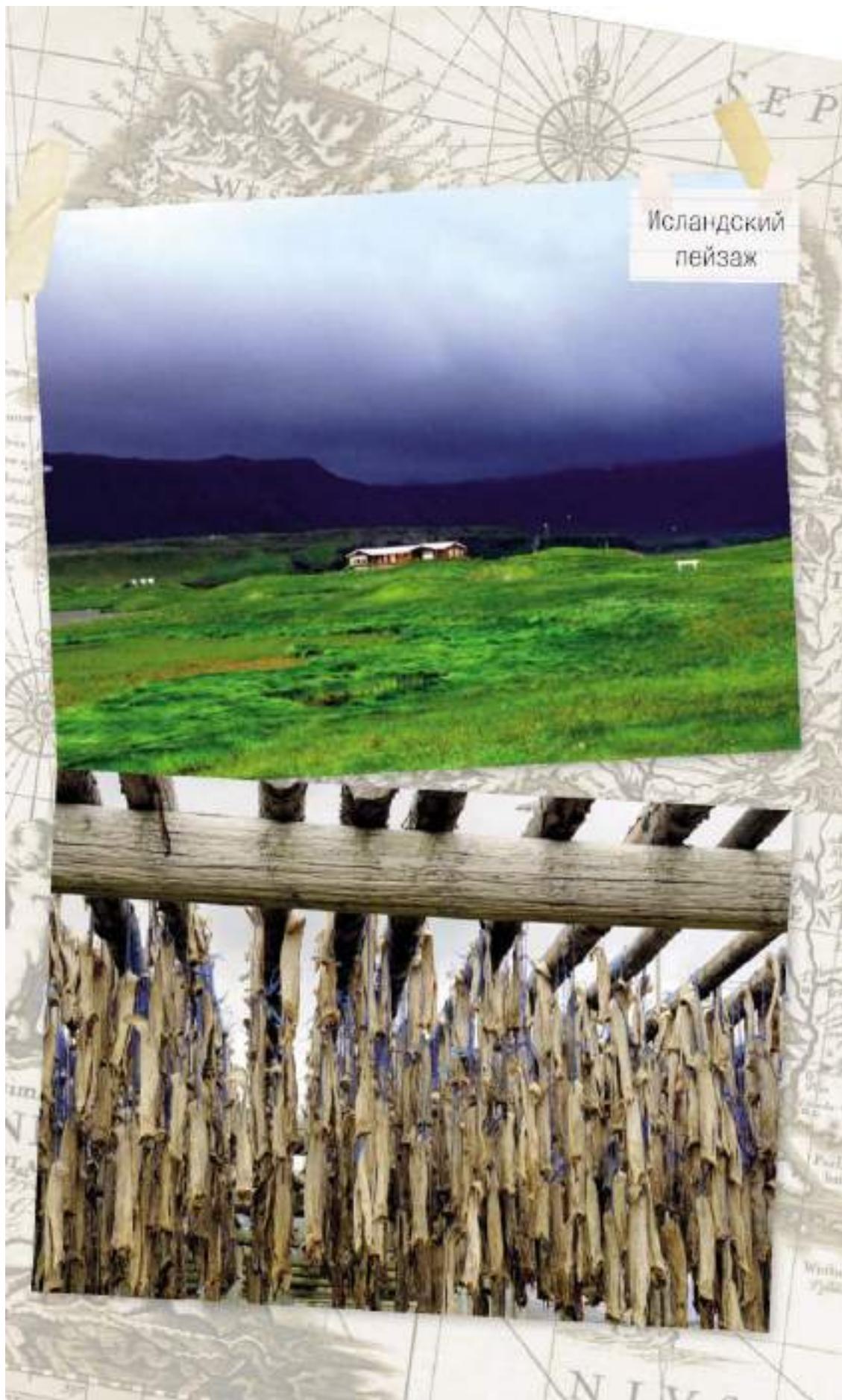

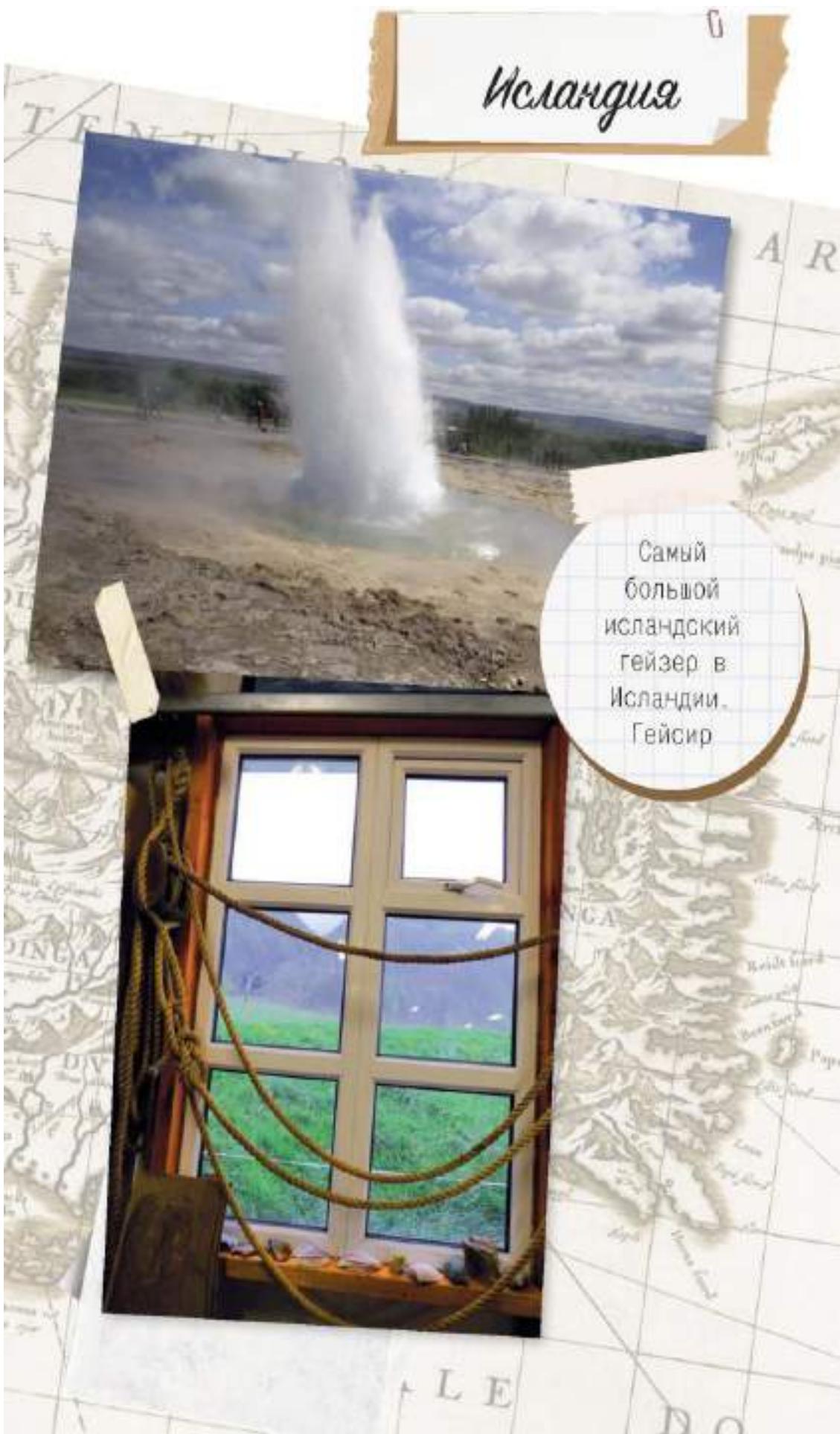

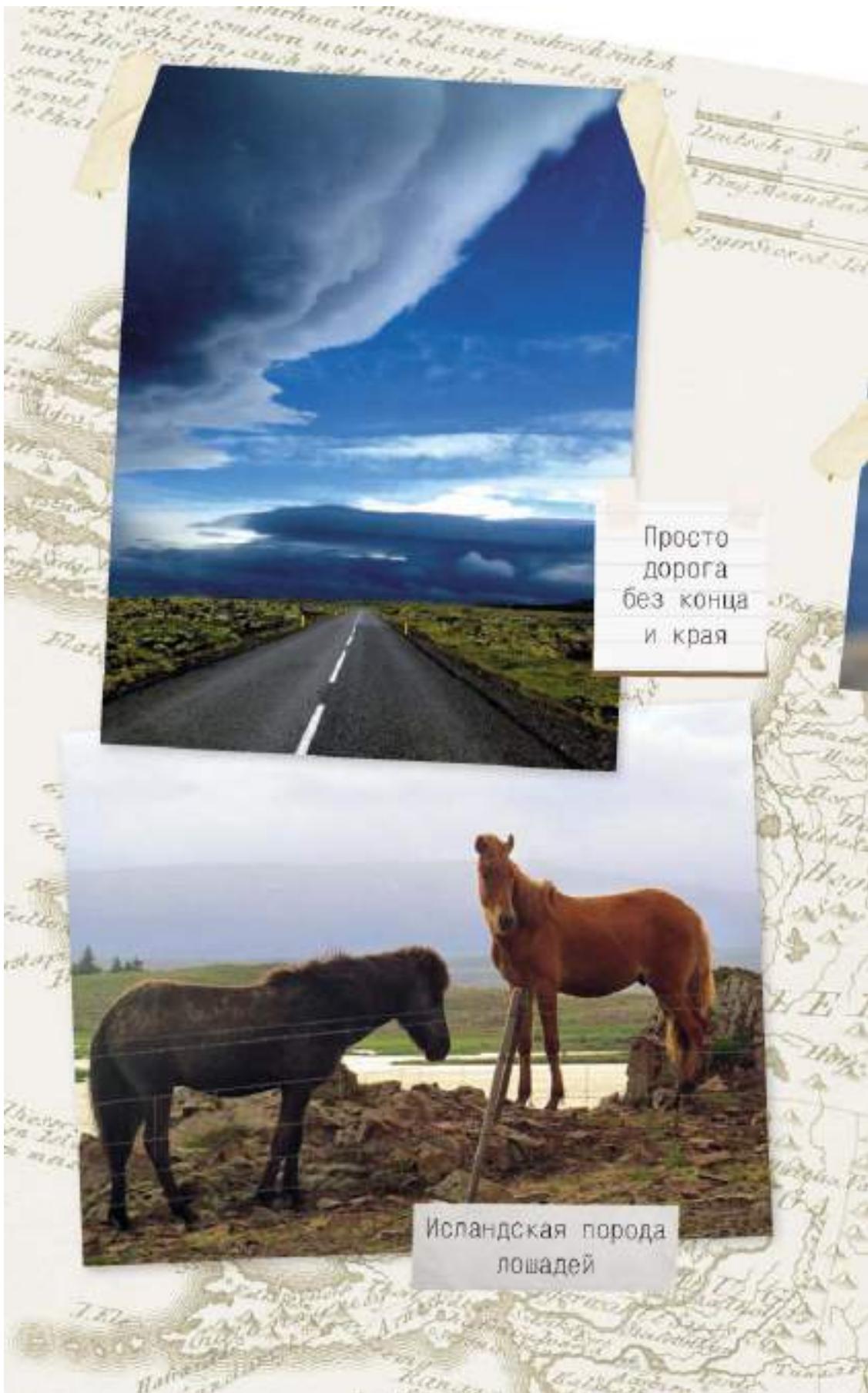
Исландия

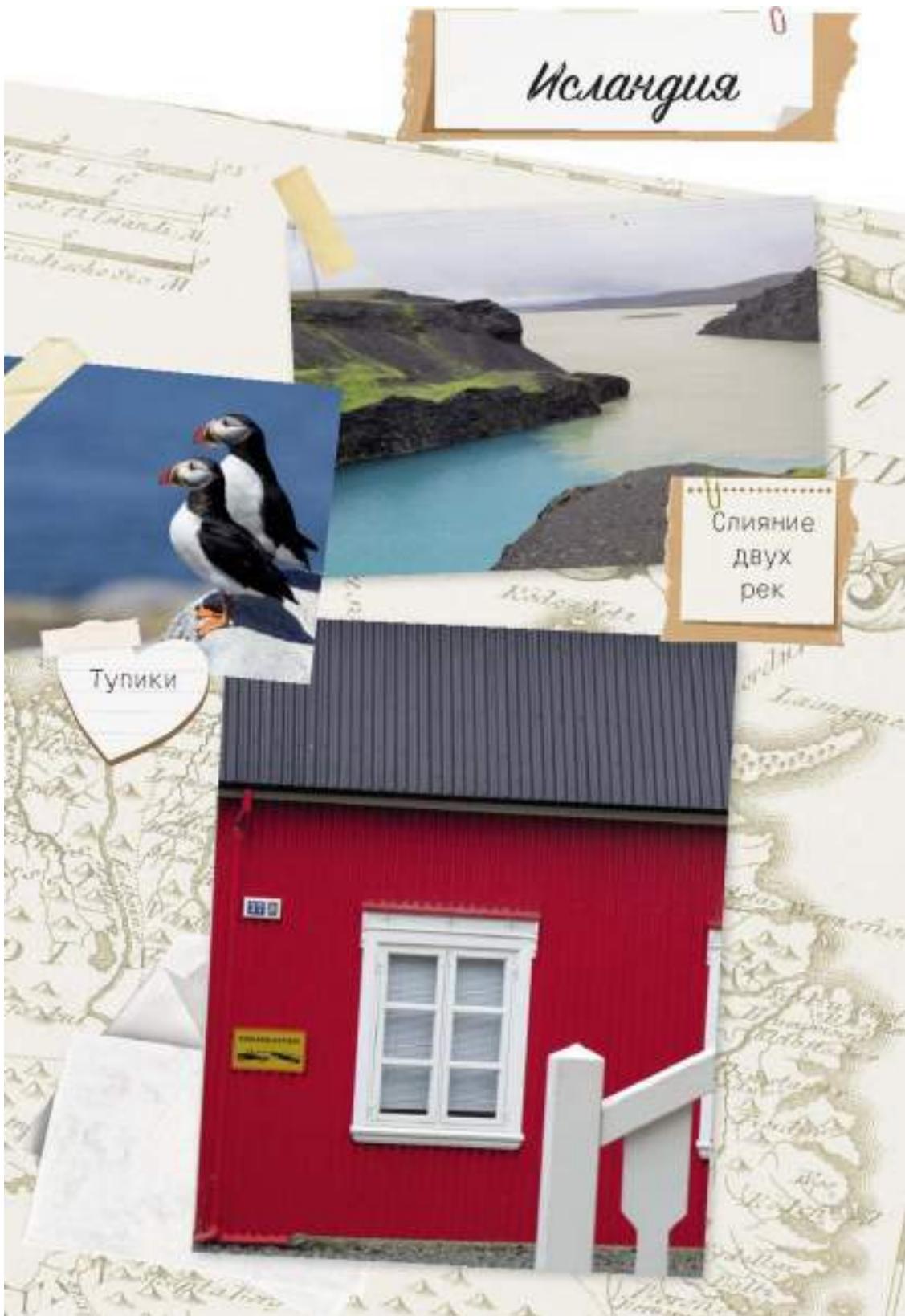

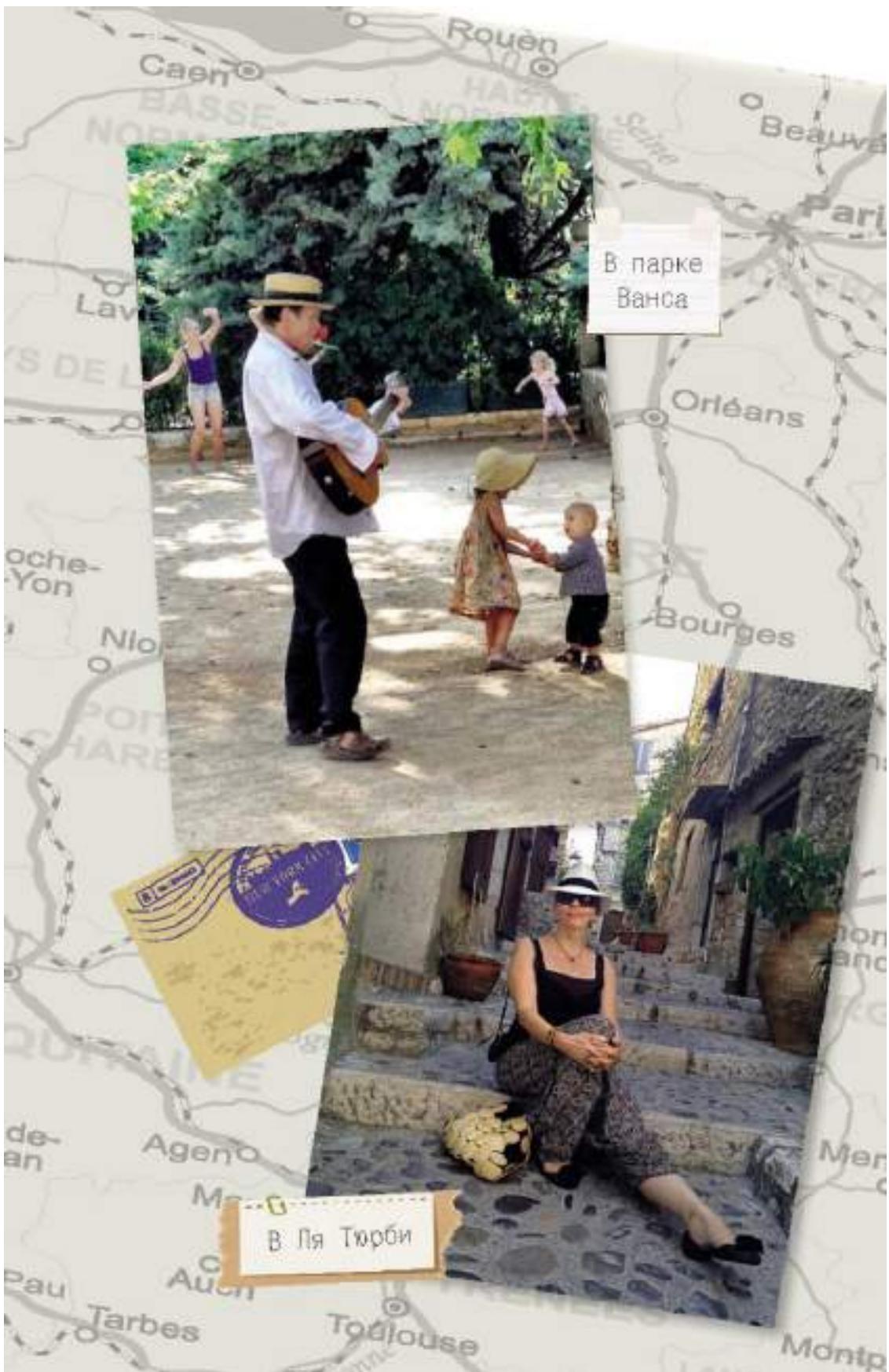
Домик для
путников где-
то в Исландии

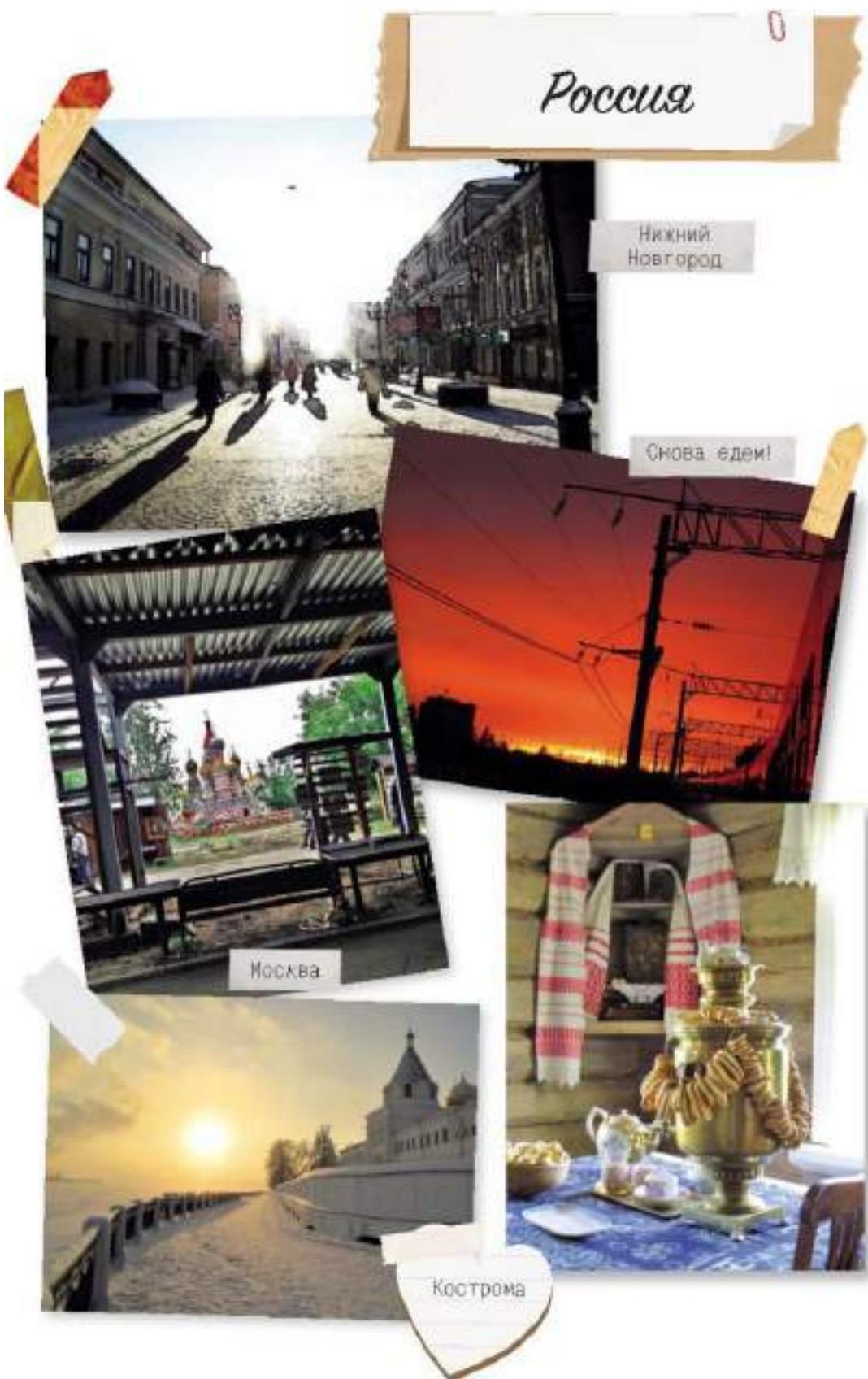
Лазурное
утро

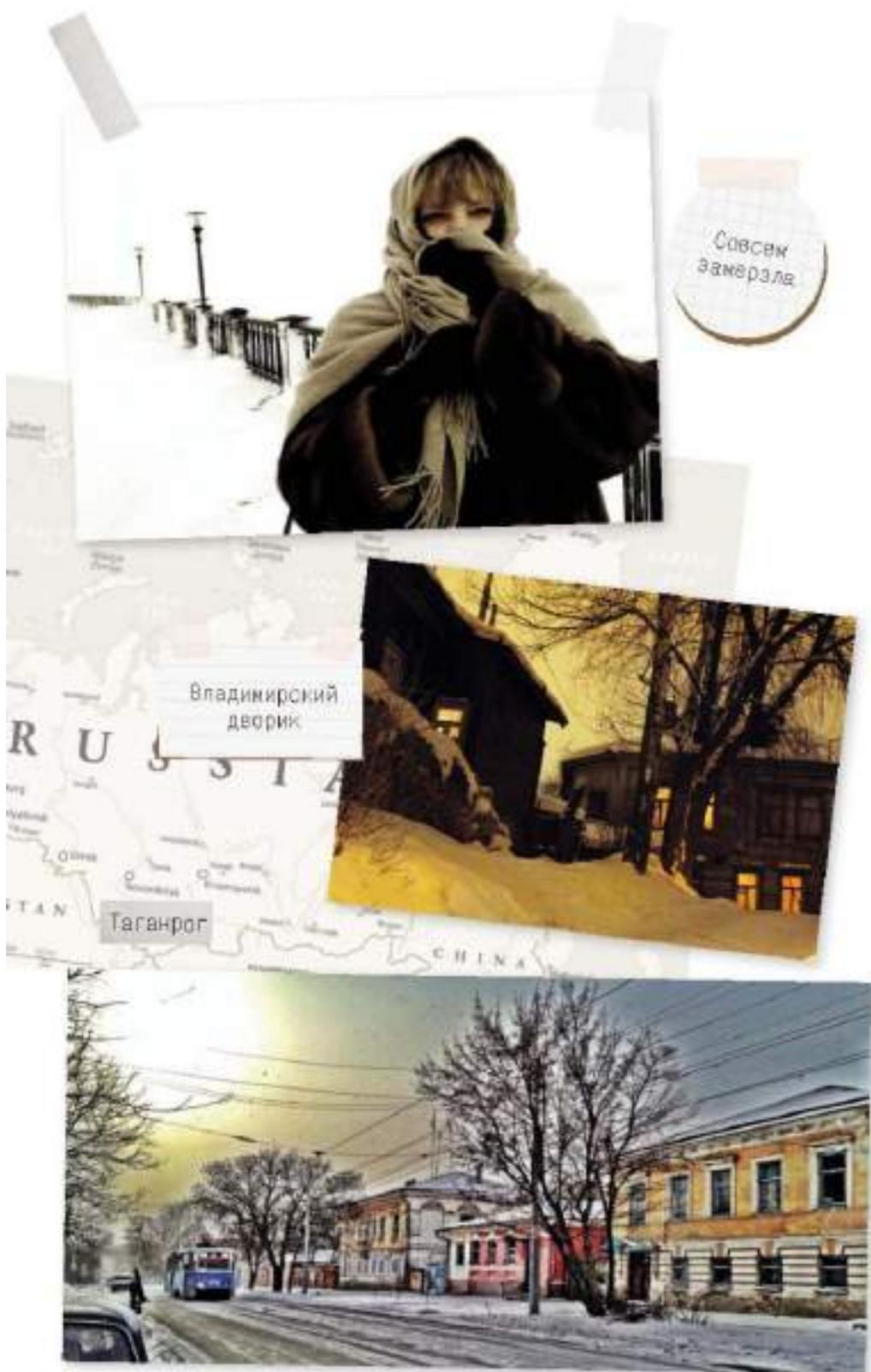

Лаванда – запах
Прованса

Пляж
Биаррица

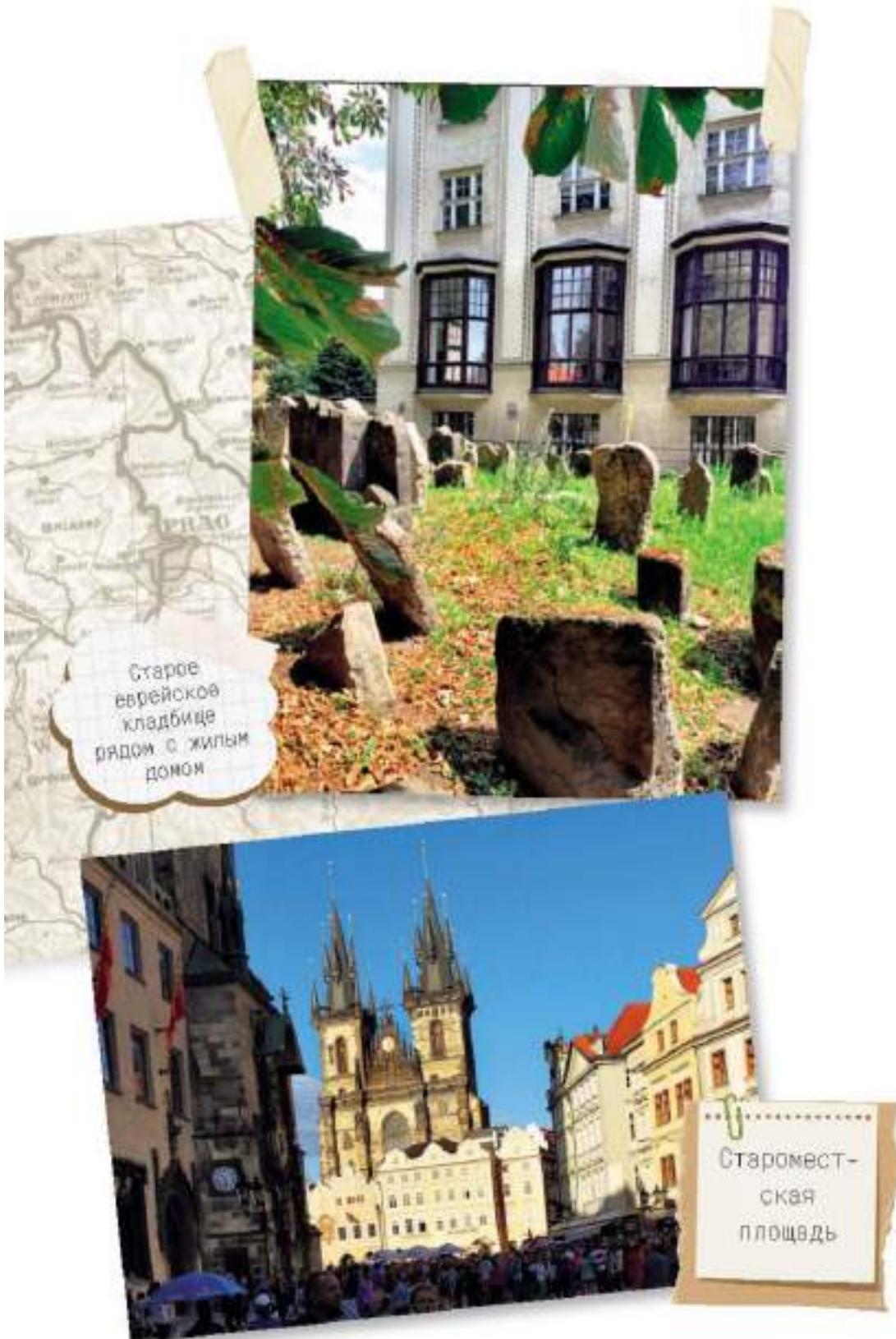

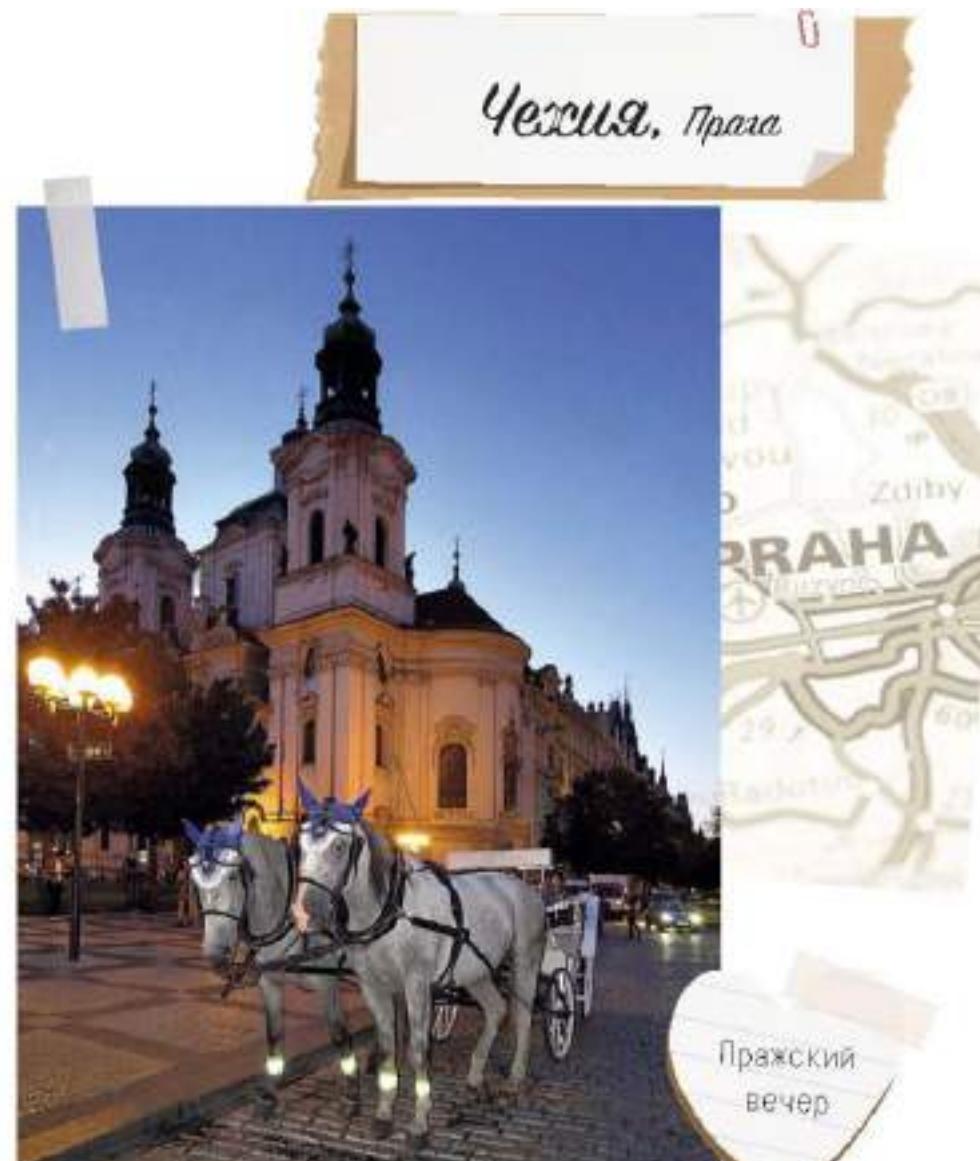

Рыбак

Чехия, Прага

Пражанки

Танцующий
дом

Китай. Пекин

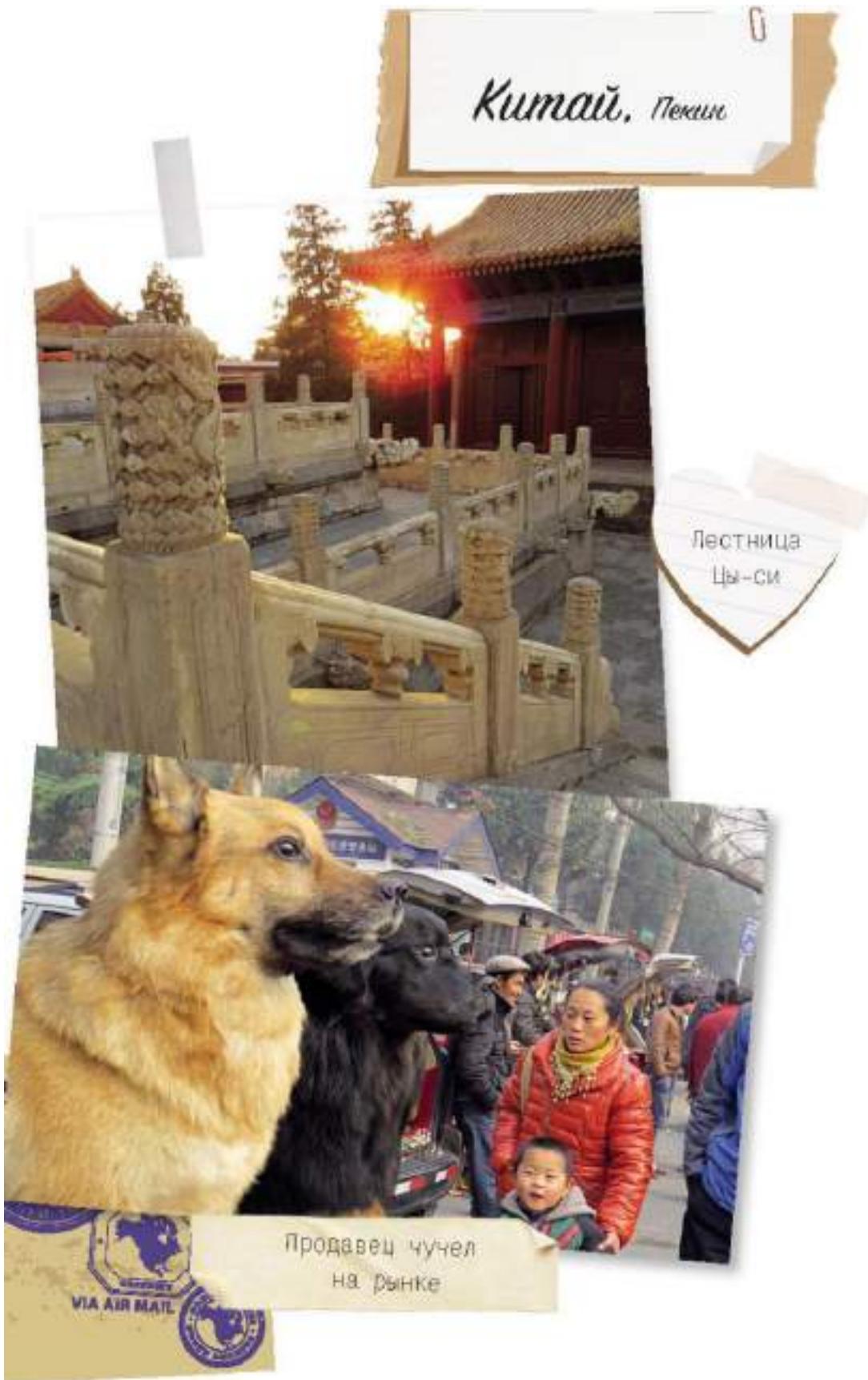
Пекинские
зарисовки

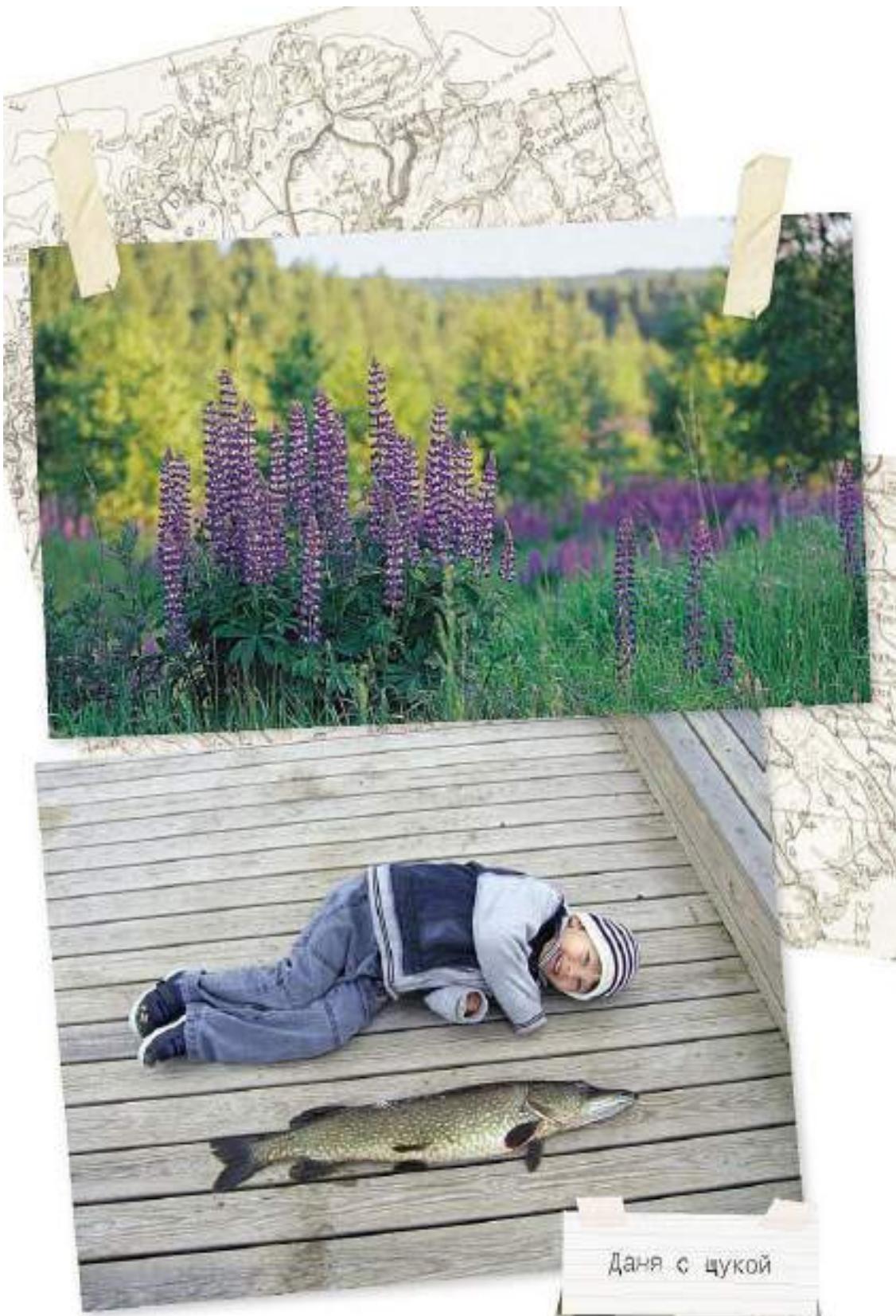

Прогулка по
Великой Китай-
ской стене

Даня с щукой

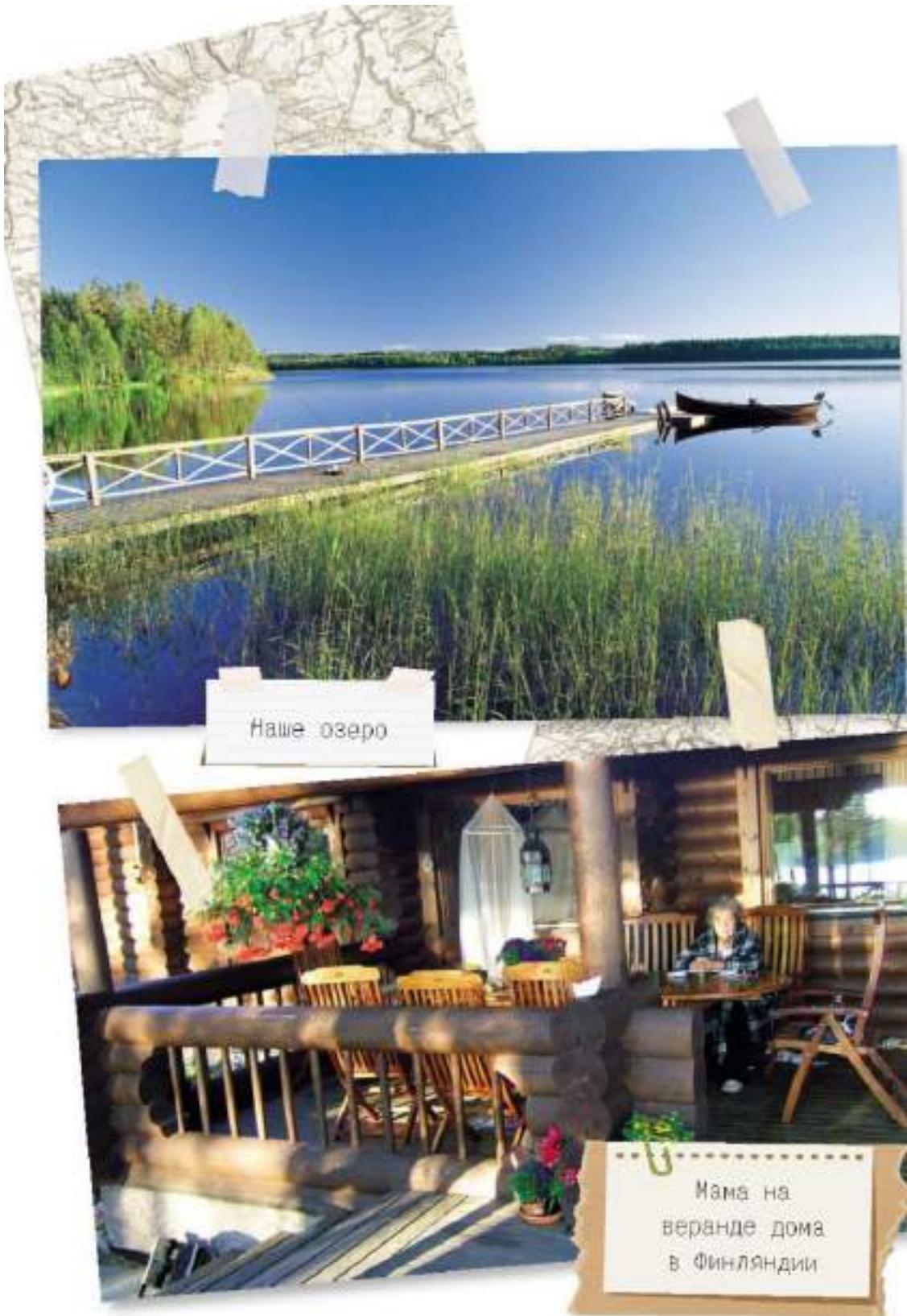
Финляндия

Довольно обычный
“улов” белых

Митя на
берегу озера

Испания

Вид на
Гибралтар с
испанской
стороны

Фламенко

Испания

Разноцветные
испанцы

Тореадор

Испания

Фиеста

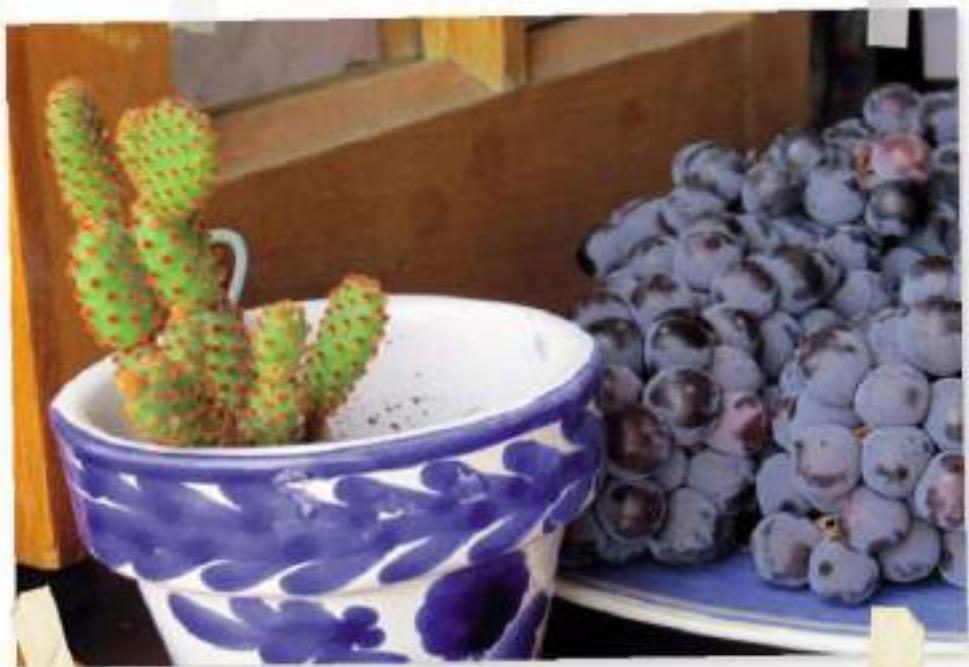
На ярмарке
в Малаге

Испания

В горах
Андалузии

Здесь
лучшее
фламенко в
Испании

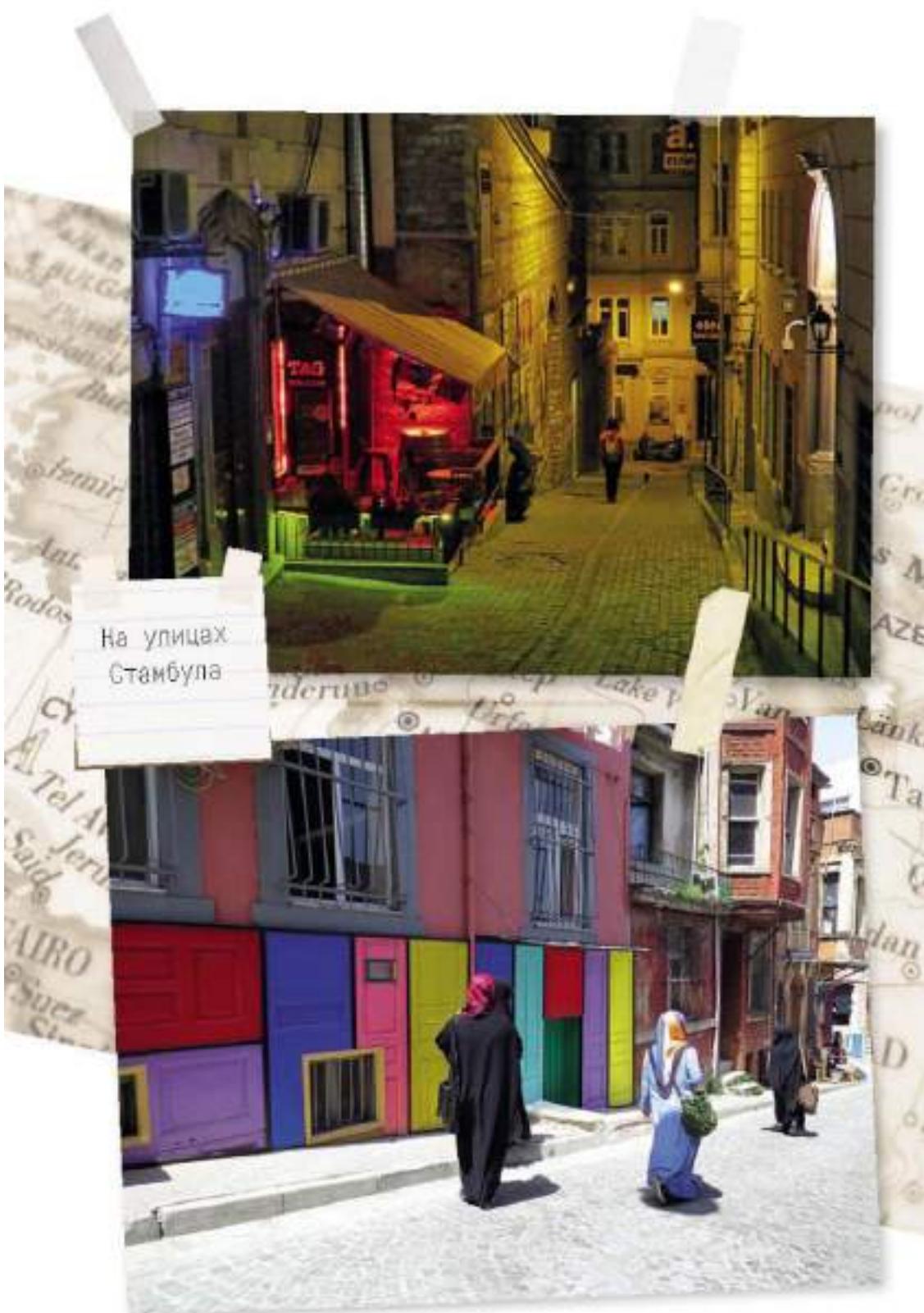
Турция

На
набережной
Стамбула

Кому свежий
сок?

Граффити
в Стамбуле

Турция

В
султанском
гареме

Азербайджан.
Баку

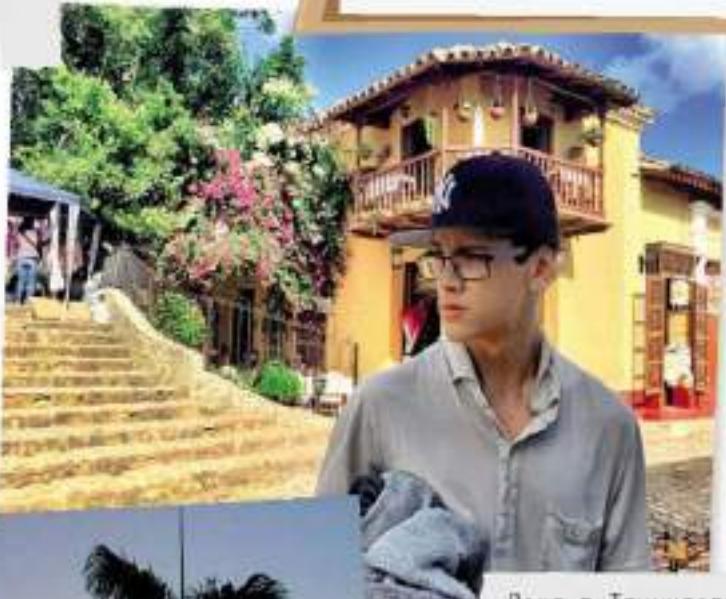

За работой

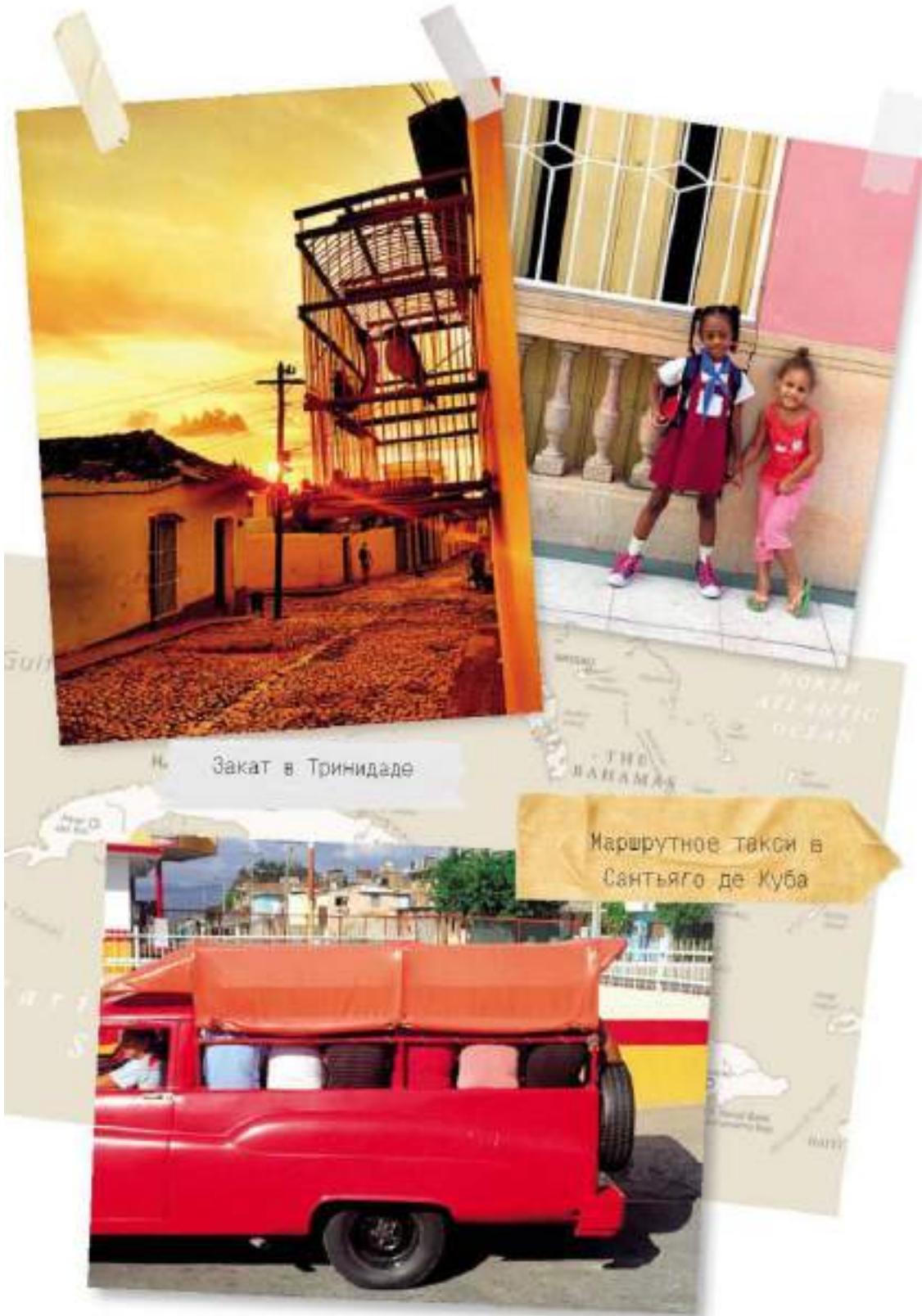
Куба

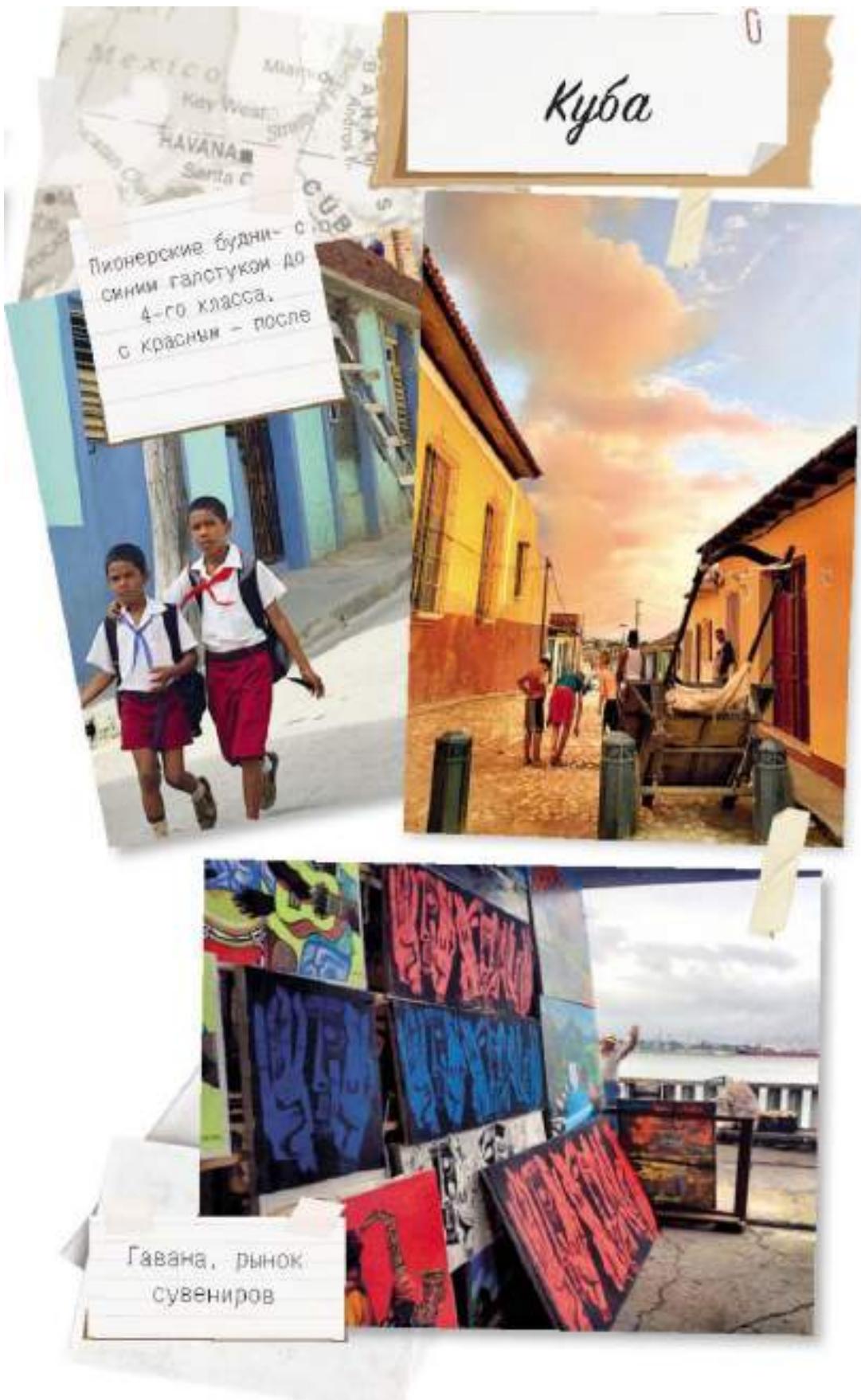

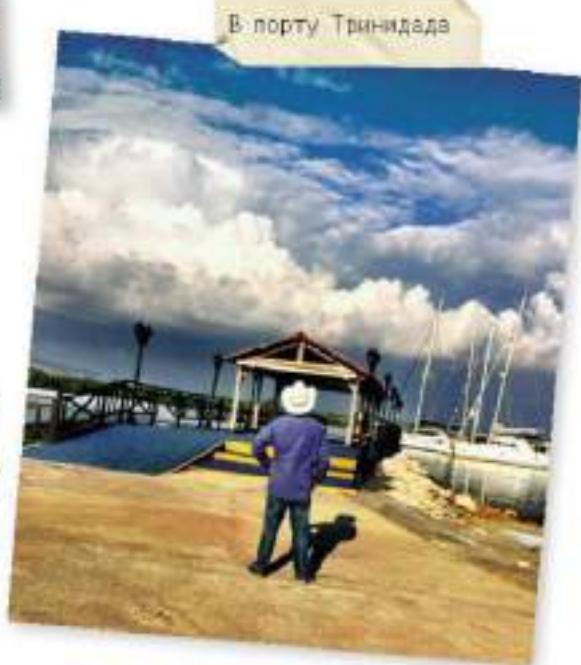
Дания в Тринидаде

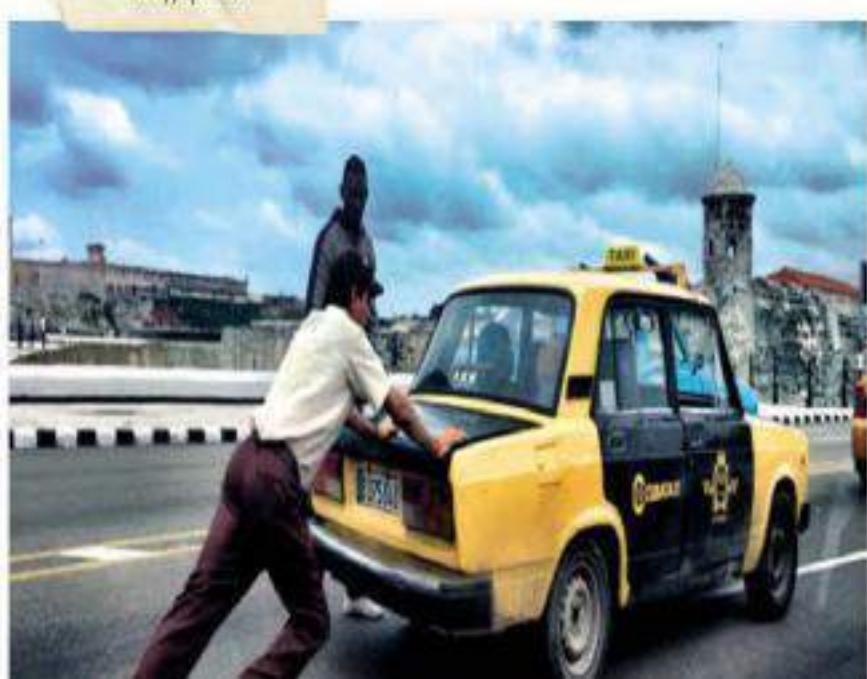
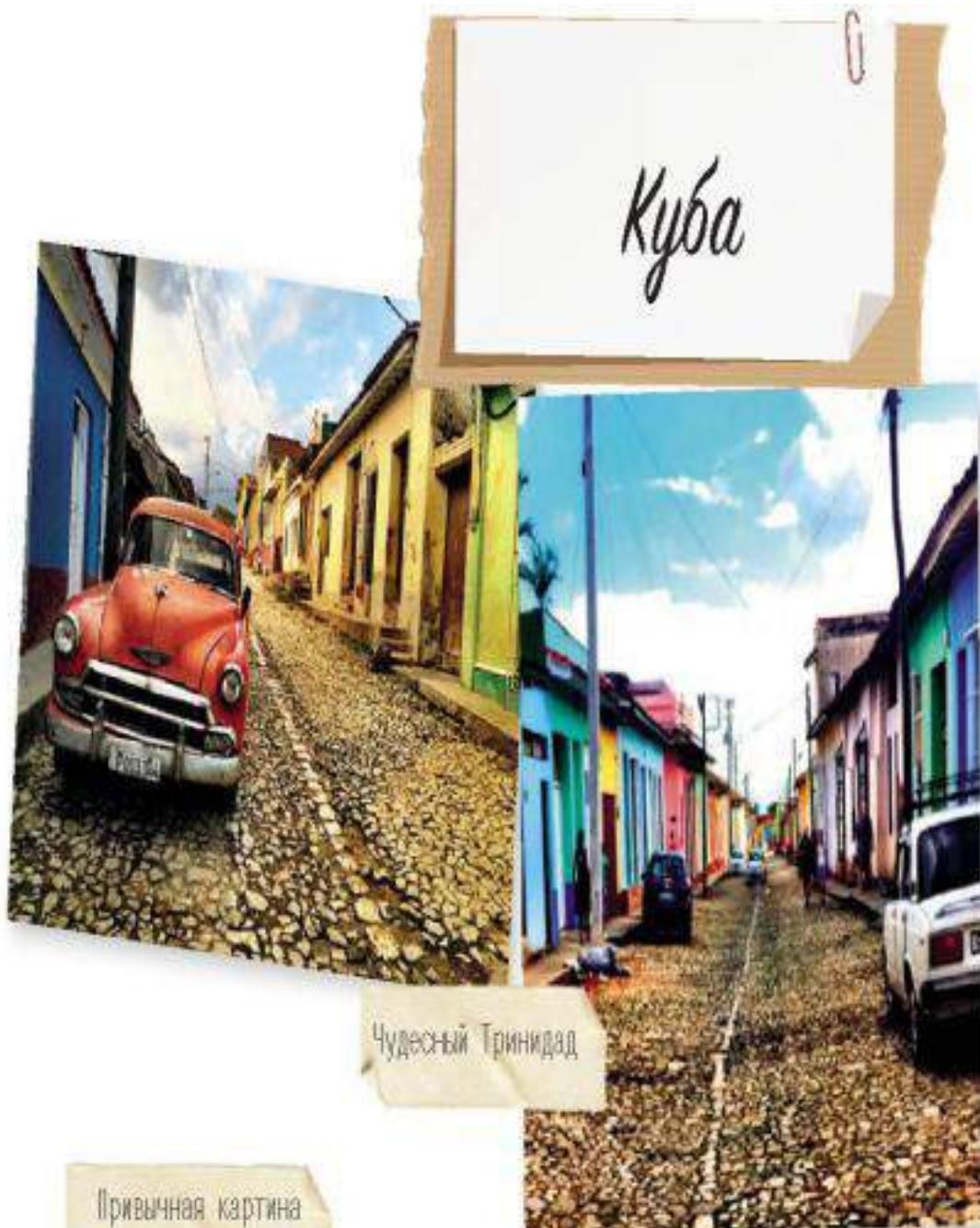

Работница метлы и совка
в Сантьяго де Куба

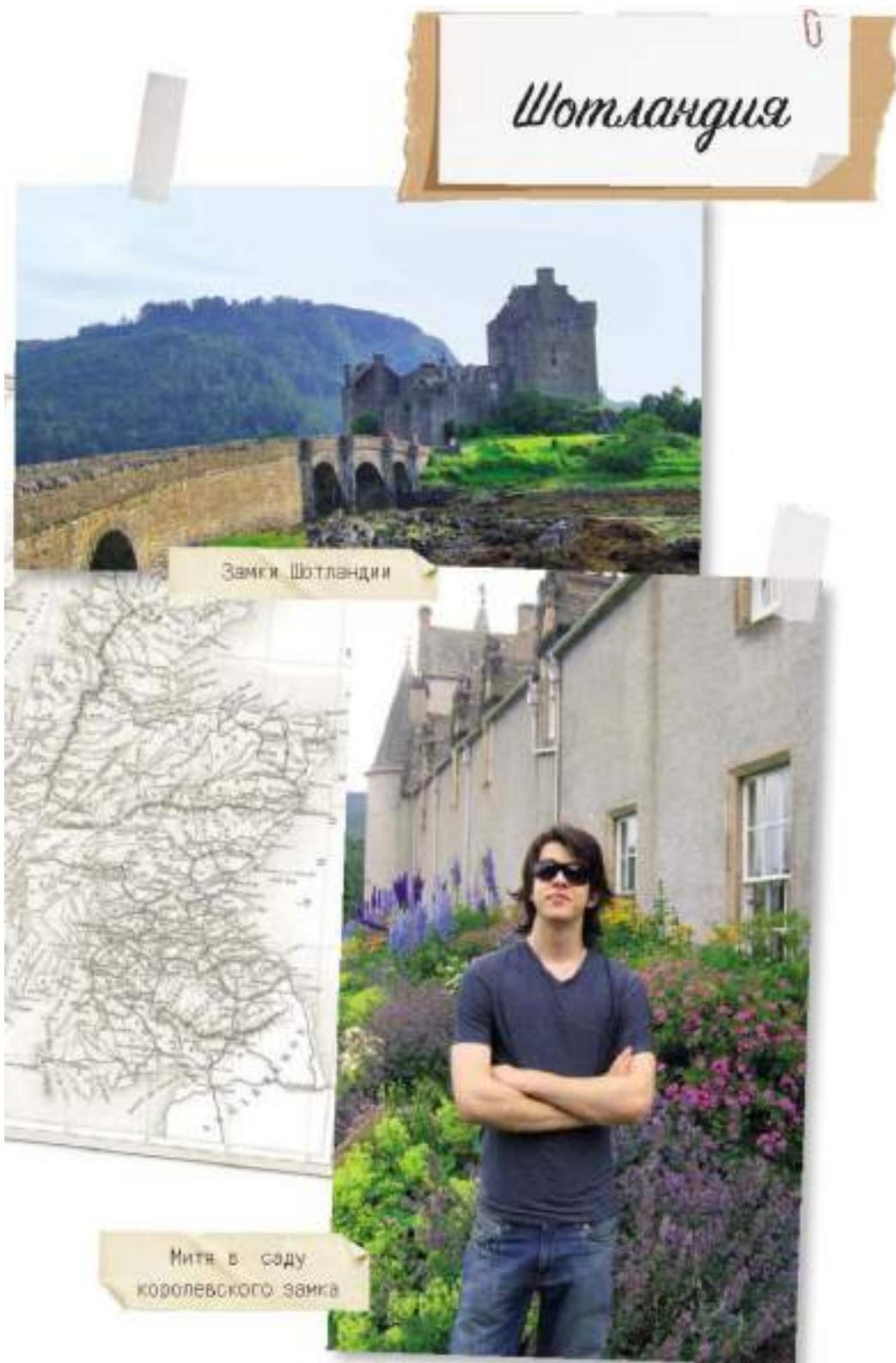

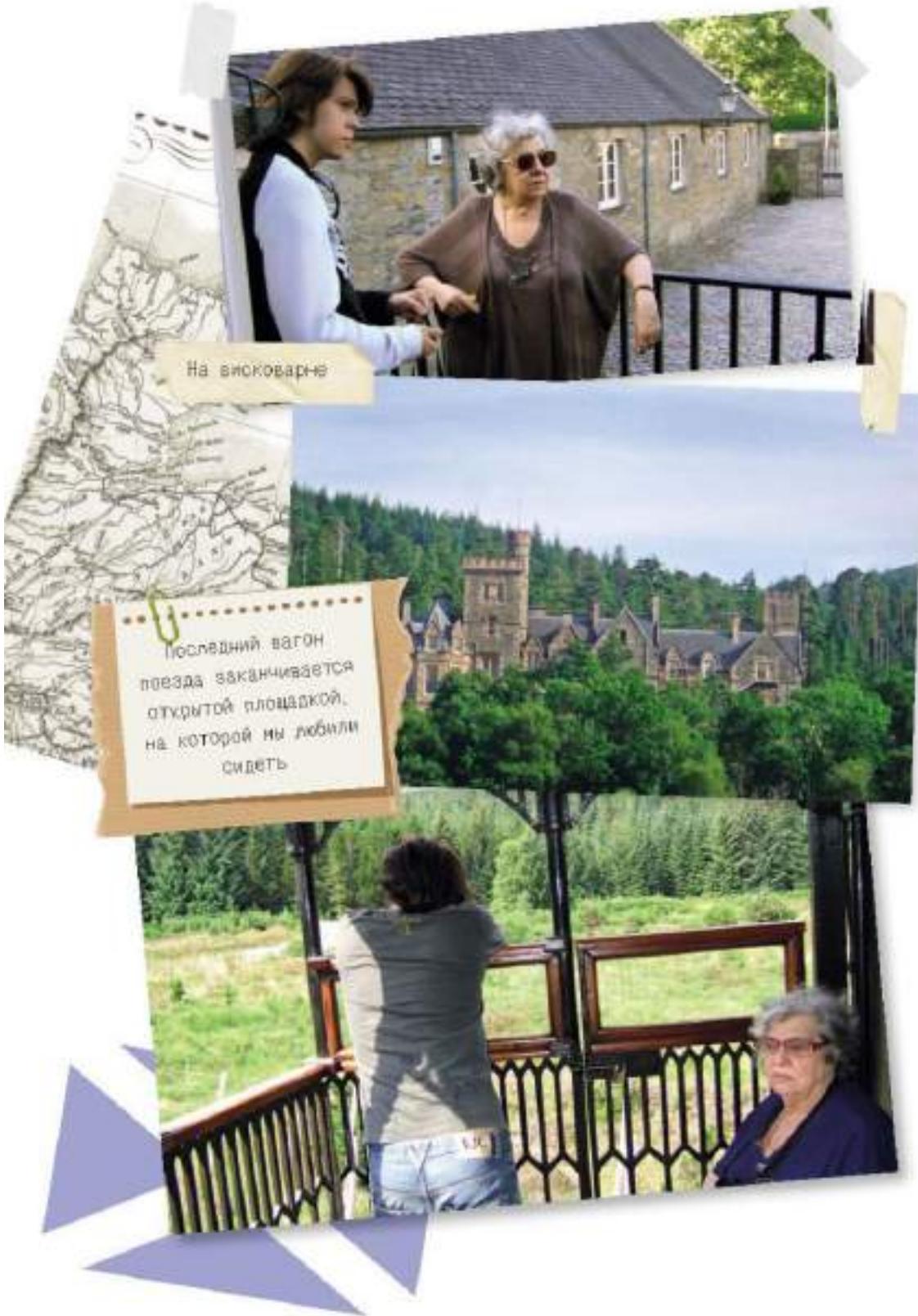

Митя на фоне
Эдинбурга

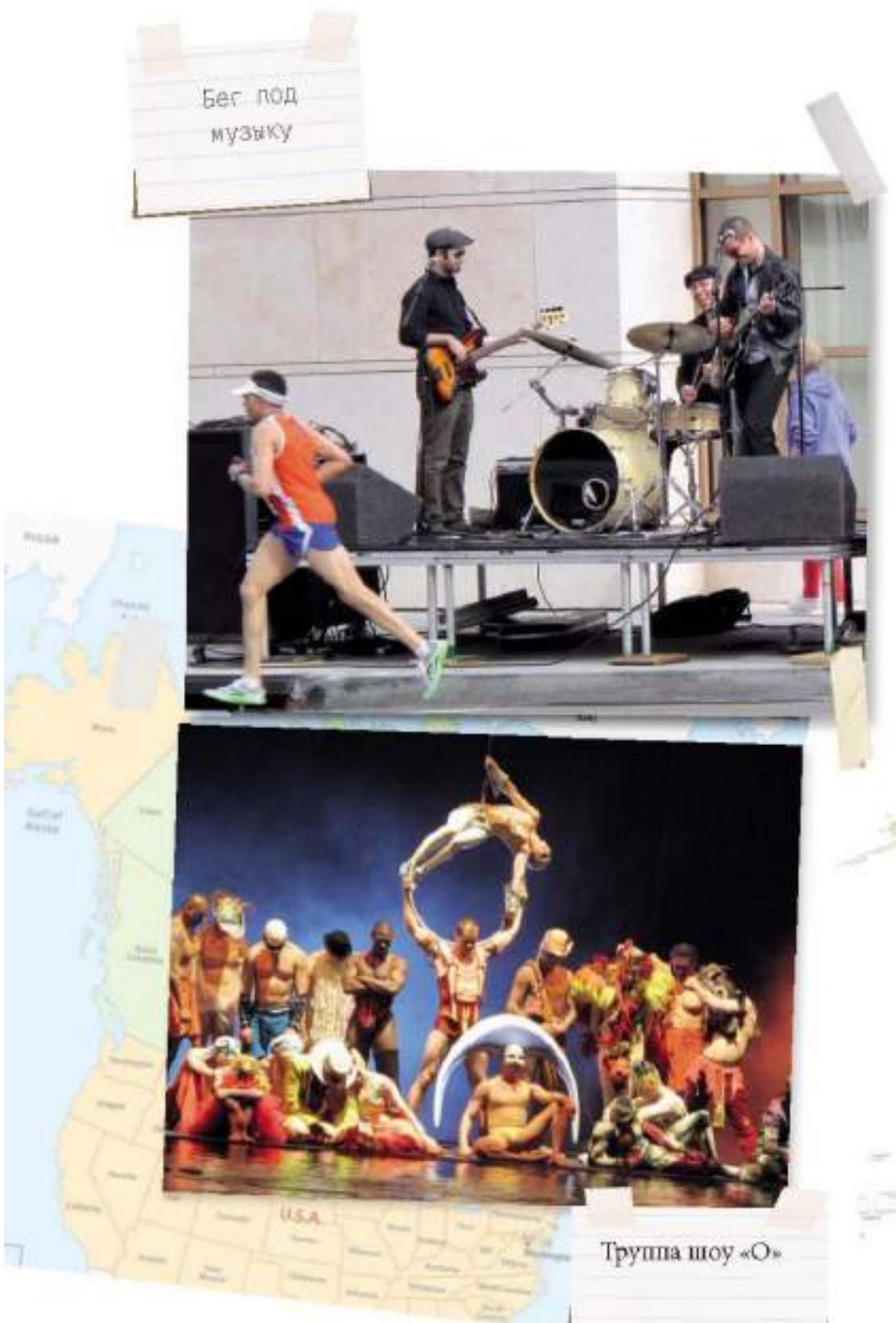

Поезд, на котором
мы путешествовали
по Шотландии

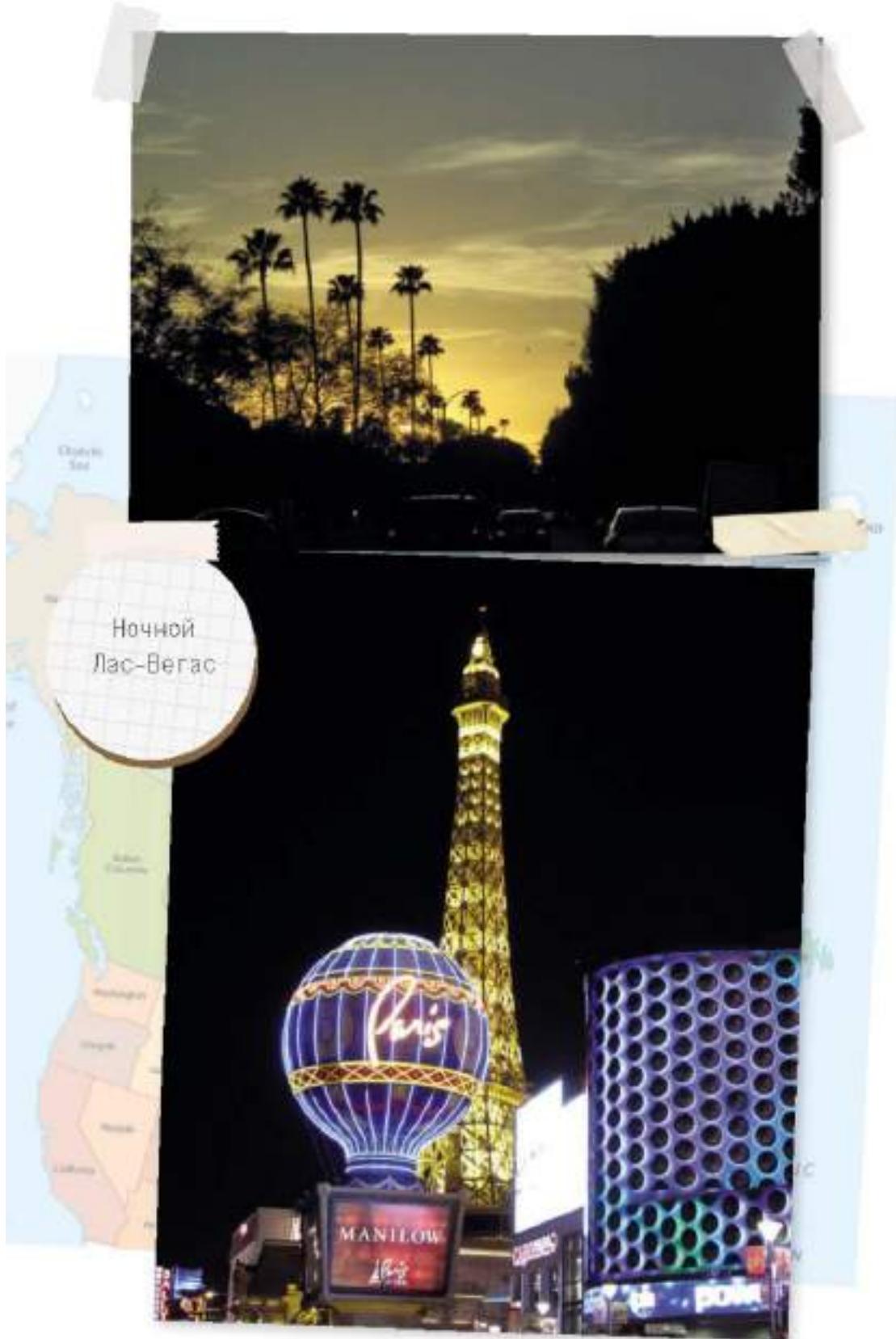

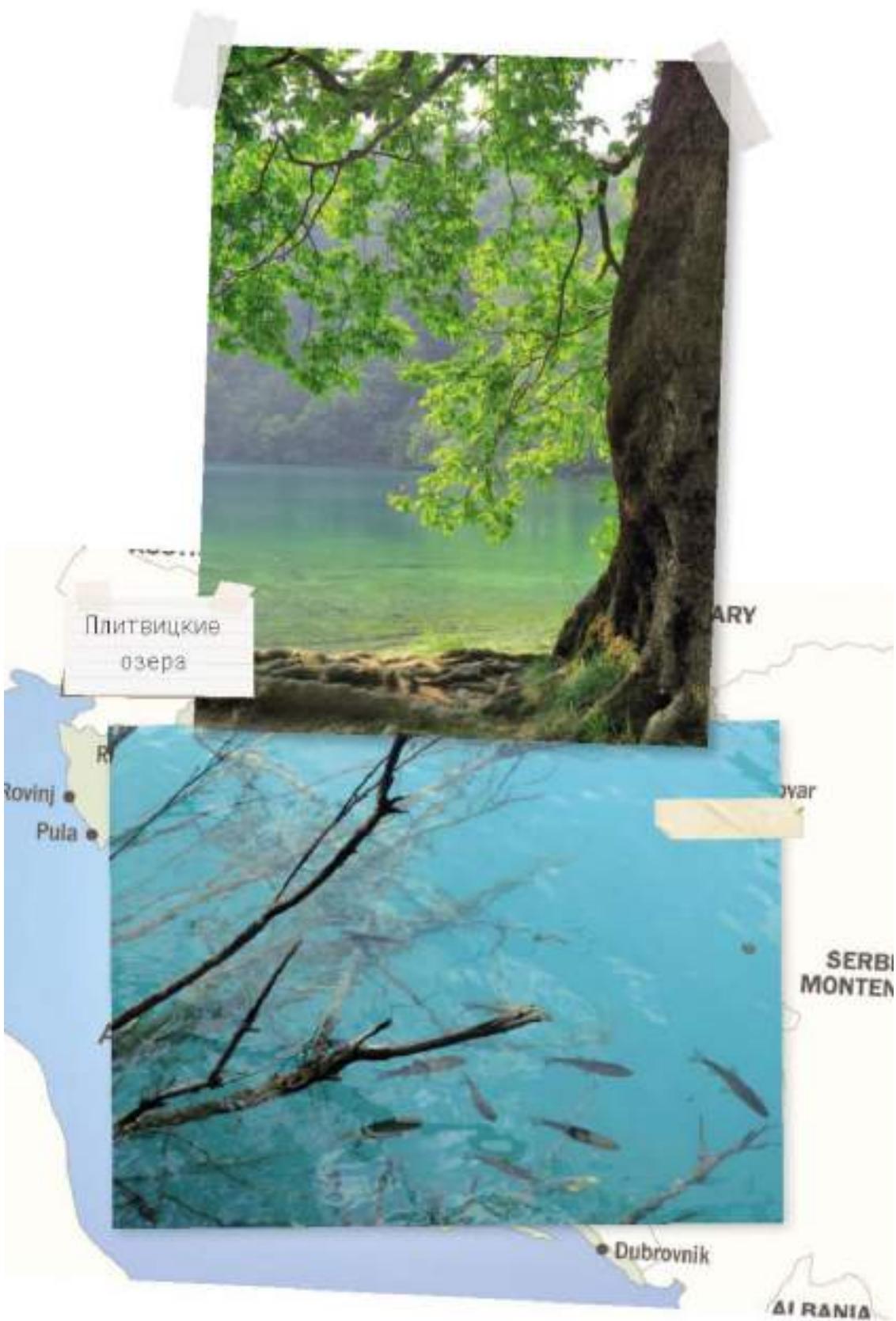

Америка

IA &
IEGRO

